

ISSN 0042-8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

7

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2018

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)..... 3

СТАТЬИ

А.Ю. Петров — Витус Беринг: у истоков историко-культурного наследия Русской Америки 12

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.Н. Нестеренко — Князь Вячко 30

СООБЩЕНИЯ

Д.В. Ковалёв — Правовые компромиссы в земельной политике П.А. Столыпина 43

А.Я. Козинцев — Тобольские нотариусы в конце XIX — начале XX в. 50

Н.В. Мальцева, А.А. Чернышёв — Формирование российской энциклопедистики в XVIII — начале XIX в. 61

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Л.В. Исакова — Иоганн Филипп Густав Эверс 69

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

П.А. Искендеров — Балканские корни первой мировой войны: правда и вымысел 83

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- С.Г. Егоров** — Борьба с нарушениями трудового законодательства в Кировской области в 1946—1953 гг. 94
- В.Д. Камынин, А.Б. Храмцов** — Отчеты городских управ как источник информации о состоянии местного хозяйства 99
- А.А. Горелов, В.А. Немтинов** — Формирование исторического портрета города с использованием информационных технологий 106
- А.М. Субботина** — Борьба с пьянством на сельских выборах в России в 1890-е гг. 112
- М.Б. Щавелёва** — Деятельность медицинских и благотворительных учреждений в Арзамасе в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. 120
- З.А. Халаев** — Политические события XVI в. в Алазанской долине в исследованиях турецкого автора Ф. Кырзыоглу 126
- М.А. Гизбулаев** — Арабские источники по средневековой истории Дагестана 130

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.Г. Мельник** — Религиозное влияние Соловецкого монастыря на Руси во второй половине XV—XVI в. 138
- Д.М. Маламагомедов** — Конфессиональные школы конца XIX — начала XX в. в городах Дагестанской области 148

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Сонгвунг Квак, Сечжин Чжун** — Историография Кавказской войны с дореволюционного времени до 1990-х гг. ... 159
- Е.В. Кодин** — Эндрю Слоин. Еврейская революция в Белоруссии: экономика, раса и большевистская власть .. 166
- К.П. Зуева** — М.Ц. Арзаканян. Де Голль. Издание второе, исправленное и дополненное 171

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)

Лето 1941 г.

Аннотация. Документы, представленные в настоящей подборке, охватывают события Великой Отечественной войны июня-июля 1941 года. Среди них — сводки Совинформбюро, а также материалы, относящиеся к планам нацистской Германии по введению на захваченных территориях Советского Союза оккупационного режима. Кроме того, публикуются выдержки из хранящегося в Архиве Министерства обороны Российской Федерации политдонесения отдела пропаганды 30-й танковой дивизии начальнику управления политпропаганды Западного особого военного округа за период боев с 22 по 28 июня 1941 года.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, И.В. Сталин, Государственный комитет обороны, вторая мировая война, нацистская Германия, Совинформбюро, Министерство обороны Российской Федерации.

Abstract. Presented documents are related to the Great Patriotic War events of June-July 1941. They include Soviet Information Bureau daily reports as well as documents issued by Nazi Germany and devoted to the occupation regime established in the seized territories of the USSR. Fragments of the political report of the Propaganda Department of the 30th tank division to Head of the Political Propaganda Department of the Western special military district for the period of battles from 22 to 28 June 1941 is also published. The document is presented by Russian Ministry of Defense.

Key words: USSR, Great Patriotic War, Joseph Stalin, State Defense Committee, World War II, Nazi Germany, Soviet Information Bureau, Ministry of Defense of Russian Federation.

Героическое сопротивление Красной Армии в июне-июле 1941 г. сорвало планы гитлеровской Германии по «молниеносной войне». Однако внезапность нападения, отсутствие подготовленных командных кадров, проблемы с управлением войсками, а также с вооружением не позволяли остановить продвижение частей вермахта на ключевых направлениях. О характере боев и причинах поражений на начальном этапе Великой Отечественной войны красноречиво свидетельствуют сообщения с фронта. Вот что докладывал в своем донесении от 30 июня 1941 г. начальнику управления политпропаганды Западного особого военного округа отдел пропаганды 30-й танковой дивизии по поводу результатов боев с 22 по 28 июня 1941 г.:

Публикацию подготовил **П.А. Искендеров.**

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2018, № 5, 6.

«22.6.1941 в 6:00 по боевой тревоге ДИВИЗИЯ вышла в район сосредоточения...

...Зенитный артдивизион и гаубичный артполк вышли в район сбора без боеприпасов.

Большое количество личного состава части было не вооружено в виду отсутствия оружия. Дивизия имела 800 человек начальствующего состава из которых 110 чел. политрабработников, 770 чел. младшего нач. состава, 7.691 чел. рядового состава. Всего дивизия имела 9.261 человек....

В результате боев с 22-6 по 28-6.41 г. в дивизии осталось:

Личного состава: 314 человек начсостава

Мл. начсостава 175 человек

рядового состава 869 человек»

Центральный архив Министерства обороны,
ф. 208, оп. 2526, д. 27а, л. 407—410.

Подобная информация носила секретный характер и не попадала в официальные сводки Совинформбюро, утверждавшиеся лично И.В. Сталиным. Из этих сводок было довольно трудно составить четкую и правдивую картину о положении на советско-германском фронте — хотя прийти к выводам о неблагоприятном развитии обстановки было возможно. Вот, как описывала события, происходившие на фронте, утренняя сводка Совинформбюро от 2 июля 1941 г.:

«В течение минувшей ночи велись бои на Мурманском, Двинском, Минском и Луцком направлениях. На Мурманском направлении противник повел наступление на полуостров Средний. Наши войска оказывали упорное сопротивление противнику, нанося ему большие потери. На Двинском и Минском направлениях наши войска в ночь на 2 июля развернули боевые действия по уничтожению передовых танковых частей противника. Наши войска, действующие на Луцком направлении, в течение ночи вели борьбу с мотомехчастями противника, нанося им удары. На остальных участках фронта в течение ночи происходили усиленные поиски разведчиков, ружейно-пулеметная и артиллерийская перестрелка. Несмотря на плохие, а местами, и нелетные условия, наша авиация 1 июля успешно действовала по танковым войскам противника на Двинском и Минском направлениях, уничтожала материальную часть и авиацию противника в воздухе и на земле, препятствовала подвозу горючего, боеприпасов и задерживала выдвижение мотопехоты противника. По уточненным подсчетам, 30 июня сбито в воздухе не 56, а 102 самолета противника. Кроме того, на одном из аэродромов противника наша авиация удачно атаковала до 50 самолетов, не успевших подняться в воздух. 1 июля сбито в воздухе 54 самолета противника. 22 наших самолета не вернулись на свои базы».

Вечернее сообщение от 2 июля 1941 г. акцентировало внимание на событиях на мурманско-карельском театре военных действий, а также на вылетах советской авиации в направлении Бухареста. О ситуации на ключевых участках советско-германского фронта (украинском и белорусском) по причине ее неблагоприятного характера говорилось более неопределенно:

«В течение 2 июля наши войска вели упорные и ожесточенные бои с пехотными частями противника на МУРМАНСКОМ и КЕКГОЛЬМСКОМ направлениях и с подвижными войсками противника на ДВИНСКОМ, БОРИСОВСКОМ, СЛУЦКО-БОБРУЙСКОМ и ЛУЦКОМ направлениях. На остальных направлениях в участках фронта советские войска, прочно удерживая госграницу, ведут бои с противником, пытавшимся ее нарушить. На МУРМАНСКОМ направлении наши войска, преградив путь противнику, наступающему силами до двух пехотных дивизий на полуостров Средний и на юго-восток, огнем и контрударами наносят ему большое поражение. В районе КУОЛАЯРВИ и на КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ наши войска успешно отражают все атаки противника с большими для него потерями. На ДВИНСКОМ направлении во второй половине дня развернулись крупные бои наших войск с противником, пытающимся прорваться на северо-восток. Бои продолжаются. На БОРИСОВСКОМ и СЛУЦКО-БОБРУЙСКОМ направлениях в течение дня шли крупные бои наших войск с подвижными частями противника. Попытки противника прорваться пресекаются упорным сопротивлением наших войск и успешными действиями нашей авиации. На ЛУЦКОМ направлении наши войска продолжают упорные и напряженные бои в районе РОВНО. Противник не прекратил попыток прорваться на юго-восток, но всюду его попытки разбиваются стойкостью и упорным сопротивлением наших войск. Наша авиация в течение дня нанесла ряд сокрушительных ударов по танковым частям противника на ЛУЦКОМ направлении и бомбардировала БУХАРЕСТ. В результате бомбардировки взорван бухарестский арсенал».

Аналогичным образом была подобрана и обработана информация о боях на следующий день. Тогда же была подробно освещена реакция на выступление по радио председателя Государственного Комитета Обороны Сталина. Утреннее сообщение Совинформбюро от 3 июля 1941 г. гласило:

«В течение ночи на 3 июля продолжались ожесточенные бои наших войск с мотомеханизированными частями противника на БОРИСОВСКОМ направлении и в районе Кременец, Збараж, Тарнополь. На остальных участках фронта происходили ночные поиски разведчиков и бои местного значения. На БОРИСОВСКОМ направлении передовые части противника неоднократно пытались переправиться через р. Березина. Однако действиями наших войск эти попытки были всюду пресечены. После боев на ЛУЦКОМ направлении, в результате которых наши войска остановили продвижение крупных мотомехчастей противника на ШЕПЕТОВКУ и нанесли им большой урон, часть этой группировки противника пыталась прорваться в южном направлении на Тарнополь. Всю ночь наши войска упорными боями сдерживали продвижение этой группировки войск противника. Бои продолжаются. Наша авиация в воздушных боях в течение 2 июля уничтожила 61 самолет противника, потеряв при этом 28 самолетов. Сегодня в шесть часов тридцать минут по радио выступил Председатель Государственного Комитета Обороны И.В. Сталин, призвавший народы Советского Союза, нашу доблестную Красную Армию и Военно-Морской Флот, наших летчиков-соколов к самоотверженной отечественной освободительной войне против фашистских поработителей, к полному разгрому врага, к победе. Призыв вождя народов товарища Сталина вызвал вели-

чайший подъем среди рабочих, крестьян, интеллигенции, невиданное воодушевление и волю к победе над немецко-фашистскими ордами, над лютыми, коварными и жестокими врагами нашей Родины и всего передового человечества. В городах, на фабриках, железных дорогах, в советских учреждениях с энтузиазмом подхвачен призыв вождя. Рабочие и служащие московской фабрики «Красная оборона» на митинге, посвященном выступлению Председателя Государственного Комитета Обороны товарища Сталина, заявили о полной своей готовности грудью защищать Родину. «Мы, женщины, сказала тов. Гришакина, заменим наших отцов, мужей, сыновей на трудовом фронте, отдадим все наши силы защите отечества от фашистских полчищ. Мы уверены в нашей победе над коварным врагом». Митинги и собрания трудящихся проходят в Ленинграде, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Свердловске и сотнях других городов и областей страны. В Москве, Ленинграде, Киеве многие десятки тысяч трудящихся записываются добровольцами в народное ополчение для поддержки Красной Армии. Выражая мысли и чувства всех советских людей, слесарь одного из московских заводов тов. Муравчев заявил в своем выступлении на митинге: «Великий Сталин призывает советский народ на борьбу против кровавого фашизма. Нет и не может быть такого гражданина в нашей стране, который не ответил бы на призыв вождя. Весь наш народ поднялся для нанесения смертельного удара по врагу, объединился в несокрушимую и могучую силу вокруг Советского правительства, вокруг родной большевистской партии и любимого вождя нашего, товарища Сталина»».

Вечернее сообщение Совинформбюро от 3 июля 1941 г., пожалуй, впервые признало серьезную угрозу, нависшую над Минском:

«В течение 3 июля наши войска вели ожесточенные бои на Двинском, Минском и Тарнопольском направлениях против крупных мотомеханизированных частей противника. Повсюду противник встречается упорным сопротивлением наших войск, губительным огнем артиллерии и сокрушительными ударами советской авиации. На поле боя остаются тысячи немецких трупов, пылающие танки и сбитые самолеты противника. На Двинском направлении в течение дня происходили крупные бои на рубеже р. Зап. Двина, особенно упорные и ожесточенные в районах Якобштадт и Двинск. Лишь после того, как противник подвел свежие резервы, ему удалось переправиться на северный берег р. Зап. Двина у Якобштадта и Двинска, где вновь разгорелись ожесточенные бои. На Минском направлении противник в результате упорного сопротивления наших войск понес значительные потери. Враг не выносит штыковых ударов наших войск. В течение дня происходили упорные бои на р. БЕРЕЗИНА, где наши войска совместными ударами пехоты, танков, артиллерии и авиации наносят противнику значительное поражение. Боями установлено, что танки противника избегают боевых столкновений с нашими тяжелыми и средними танками, а там, где появляются наши истребители, господство в воздухе быстро переходит к ним. Наша авиация в течение всего дня наносила удары по мотомеханизированным частям противника на переправах через ЗАП. ДВИНУ на БОБРУЙСКОМ И ТАРНОПОЛЬСКОМ направлениях. Результаты воздушных боев уточняются».

Тем временем в захваченных районах гитлеровское командование устанавливало жестокий оккупационный режим, основные параметры которого были определены заранее. Так, уже к маю 1940 г. в Германии был подготовлен документ, оформленный как «Некоторые соображения рейхсфюрера СС Гимmlера об обращении с местным населением восточных областей». В нем говорилось:

«При обращении с местным населением восточных областей мы должны исходить из того, что нам придется признать по возможности больше отдельных народностей и установить свое отношение к ним, т.е. наряду с поляками и евреями мы должны подумать об украинцах, белорусах, гораках [субэтническая группа мораван, населяющих Брно], лемках [русины] и кашубах [этническая группа поляков], а также о других народностях, с которыми нам, возможно, придется иметь дело.

Этим я хочу сказать, что мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению и увеличению, тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры. Напротив, мы заинтересованы в раздроблении их на многочисленные мелкие группы...

Уже через несколько лет, мне представляется, через 4—5 лет, понятие “кашубы”, например, должно стать неизвестным, так как к тому времени кашубская народность уже более не будет существовать (это касается, в частности, также и западных пруссов). Я надеюсь, что нам удастся полностью уничтожить понятие “евреи”, так как существует возможность массового переселения всех евреев в Африку или в какую-либо другую колонию. Несколько больше времени потребуется для того, чтобы на нашей территории исчезли такие народности, как украинцы, гораки и лемки. Все, что было сказано об этих отдельных народностях, в еще большей степени относится к полякам.

Принципиальным вопросом в решении всех этих проблем является вопрос о системе образования и тем самым — об отборе и фильтровании молодежи. Для не немецкого населения восточных областей не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой народной школе должно быть только: простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным. Умение читать я считаю ненужным. Кроме школы этого типа в восточных областях не должно быть больше вообще никаких школ».

Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии.
1941—1944. Минск. 1965, с. 21—22.

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941–1945)

Summer of 1941

The heroic resistance of the Red Army in June-July 1941 thwarted the plans of Nazi Germany's Blitzkrieg. However, the surprise of the attack, the lack of trained command personnel, problems with the management of troops, as well as with weapons did not allow to stop the promotion of parts of the Wehrmacht in key areas. The nature of the fighting and the causes of defeat at the initial stage of the Great Patriotic war are eloquently evidenced by reports from the front. Propaganda Department of the 30th tank division reported on June 30, 1941 to Head of the Department of the Political Propaganda of the Western special military district about the results of the battles from 22 to 28 June 1941:

“22.6.1941. at 6:00 AM DIVISION on alert went to the area of concentration...

... Zenith artillery division and howitzer artillery regiment went into area of concentration without ammunition.

A large number of the unit's personnel were not armed due to the lack of weapons. The division had 800 officers of which 110 persons — politruks, 770 people — junior command staff, 7.691 person — soldiers. The entire division had 9.261 persons....

After the fightings since 22-6 to 28-6.41 the division has:

Personnel: 314 officers

Junior command staff — 175 people

soldiers — 869 people”

Central Archive of the Ministry of Defense,
f. 208, op. 2526, d. 27A, l. 407—410.

Such information was secret, and did not fall into the official reports of the Soviet Information Bureau, approved personally by Joseph Stalin. It was difficult to make a clear and true picture of the situation on the Soviet-German front from their reports — although it was possible to come to conclusions about the adverse development of the situation even on the basis of such reports. Here is how Soviet Information Bureau described what was happening at the front in morning report dated July 2, 1941:

“During last night fightings were in course in Murmansk, the Dvina, Minsk and Lutsk areas. On Murmansk direction the enemy led the offensive towards the Sredniy Peninsula. Our troops were putting up a stubborn resistance to the enemy, causing him great losses. On the Dvina and Minsk directions our troops on the night of July 2 launched military operations to destroy advanced armored units of the enemy. Our troops, operating on the Lutsk direction,

during the night fought against the enemy”s motorized units, striking them. In the remaining sections of the front during the night there was an enhanced search for scouts, gun and machine gun and artillery exchange. Despite the bad and sometimes even non-flying conditions, our aircrafts on July 1 successfully operated on the enemy’s tank forces on the Dvina and Minsk directions, destroyed the material part and the enemy aircrafts in the air and on the ground, prevented the spread of fuel, ammunition and delayed the nomination of enemy infantry. According to the specified calculations, on June 30 102 enemy aircrafts were shot down in the air, and not 56. In addition, our aircrafts successfully attacked up to 50 aircraft at one of the enemy airfields, which did not have time to get into the air. On July 1 54 enemy aircraft were shot down in the air. 22 of our planes have not returned to their bases”.

The evening Soviet Information Bureau’s report of July 2, 1941 focused attention on the events at the Murmansk-Karelian theatre of military operations, as well as on the actions of the Soviet aviation in the direction of Bucharest. The situation in key areas of the Soviet-German front (Ukrainian and Belarusian) due to its unfavorable nature was presented more vaguely:

“During July 2 our troops continued persistent and fierce battles with infantry units of the enemy in the MURMANSK and KEKHOLM areas and with the mobile forces of the enemy in DVINA, BORISOV, SLUTSK-BOBRUISK and LUTSK directions. In other areas, on some parts of the front, Soviet troops firmly hold the state border are fight with the enemy, trying to break it. On MURMANSK direction our troops, blocking the way to the enemy advancing by forces up to two infantry divisions to the Sredniy Peninsula and to the South-East. Our fire and counterattacks cause him a great defeat. In the area of KUOLAJARVI and on the KARELIAN ISTHMUS our troops successfully repulsed all enemy attacks with heavy losses. On the DVINA front in the second half of the day our troops unfolded major battles with the enemy, trying to break through to the North-East. Fighting continues. On BORISOV and SLUTSK-BOBRUISK directions during the day there were major battles of our troops with the moving parts of the enemy. The enemy”s attempts to break through are suppressed by the persistent resistance of our troops and the successful actions of our aircrafts. On the LUTSK direction our troops continue persistent and intense fights in the ROVNO area. The enemy has not stopped trying to break through to the South-East, but everywhere his attempts are broken by firmness and persistent resistance of our troops. Our aircrafts during the day caused a number of crushing attacks on the enemy tank units on the direction of LUTSK and bombed BUCHAREST. As a result of the bombing, the Bucharest arsenal was blown up”.

Similarly, information about the battles of the next day was selected and processed. At the same time, the reaction to the speech on the radio of the Chairman of the State Defense Committee Joseph Stalin was covered by Soviet Information Bureau in detail. The morning message of the Soviet information Bureau on July 3, 1941:

“During the night of July 3 our troops continued fierce fighting with mechanized units of the enemy on the direction of BORISOV, and in the district of Kremenets, Zbarazh, Tarnopol. On other sections of the front night reconnaissance operations and local fighting took place. On the direction of

BORISOV the advanced units of the enemy repeatedly tried to cross the Berezina River. However, these attempts were suppressed everywhere by the actions of our troops. After fighting on the LUTSK direction, as a result of which our troops stopped the advance of large motor units of the enemy on SHEPETOVKA and caused them great damage, part of the enemy group tried to break through to the South to Tarnopol. All night our troops by hard fighting held back the progress of this group of enemy troops. Fighting continues. Our aircrafts in air battles during July 2 destroyed 61 enemy aircraft, losing 28 aircraft. Today at six hours and thirty minutes Chairman of the State Defense Committee Joseph Stalin spoke on radio and called on the peoples of the Soviet Union, our valiant Red Army and Navy, our “pilots-eagles” to wage sacrificial patriotic liberation war against the fascist invaders, to the complete defeat of the enemy, to victory. The call of the leader of the peoples Comrade Stalin caused the greatest rise among workers, peasants, intellectuals, unprecedented enthusiasm and the will to win over the German fascist hordes, over the fierce, insidious and cruel enemies of our country and all advanced humanity. In cities, factories, on the railways, in the Soviet institutions the call of the leader was enthusiastically picked up. Workers and employees of the Moscow factory «Red Defense” at a rally dedicated to the speech of the Chairman of the State Defense Committee Comrade Stalin showed their full readiness to defend the Homeland. “We, women, said comrade Grishakina, will replace our fathers, husbands, sons on the labor front, we will give all our strength to protect the Fatherland from the fascist hordes. We are confident in our victory over the treacherous enemy”. Rallies and meetings of workers are held in Leningrad, Kiev, Kharkov, Rostov-on-Don, Sverdlovsk and hundreds of other cities and regions of the country. In Moscow, Leningrad, Kiev many tens of thousands of workers are registered as volunteers in the militia to support the Red Army. A locksmith of one of the Moscow plants comrade Muravchev said in his speech at the rally expressing thoughts and feelings of all Soviet people: “Great Stalin urged the Soviet people to fight against bloody fascism. There is no and cannot be such a citizen in our country who would not respond to the appeal of the leader. All our people rose for drawing deadly blow to the enemy united in invincible and mighty force around the Soviet government, around dear Bolshevik Party and our beloved leader, comrade Stalin”.

Evening message of the Soviet Information Bureau on July 3, 1941, perhaps for the first time recognized the serious threat hanging over Minsk:

“During July 3 our troops fought fierce battles on Dvinsk, Minsk and Tarnopol directions against large motorized units of the enemy. Everywhere the enemy meets persistent resistance of our troops, destructive fire of artillery and crushing blows of the Soviet aircrafts. On the battlefield are thousands of German corpses, flaming tanks and downed enemy aircrafts. On Dvinsk direction during the day there was a major battle at the turn of the river Dvina, especially resistant and violent in areas of Jacobstadt and Dvinsk. Only after the enemy brought fresh reserves, he managed to cross to the North Bank of the Daugava River at Jakobstadt and Dvinsk, where again there was a fierce fighting. In the Minsk direction, the enemy suffered significant losses as a result of the persistent resistance of our troops. The enemy cannot resist bayonet attacks of our troops. During the day, there were persistent battles on the BEREZINA River, where our troops joint strikes of infantry, tanks, artillery and aircrafts cause the enemy a significant defeat. Battles showed that enemy tanks avoid combat clashes with

our heavy and medium tanks, and where there are our aircrafts, air supremacy quickly passes to them. Our aircrafts throughout the day struck at the mechanized parts of the enemy on the crossings through the DAUGAVA River, on the BOBRUISK and TARNOPOL directions. The results of the air battles are being specified”.

Meanwhile, in the occupied areas Hitler’s command established a brutal occupation regime, main parameters of which were determined in advance. By May of 1940 “Some reflections of Reichsführer of the Schutzstaffel H. Himmler about treating the locals in the Eastern regions” were issued in Nazi Germany:

“When dealing with the local population of the Eastern regions, we should proceed from the fact that we have to recognize possibly more individual nationalities and establish our attitude to them, i.e. along with the Poles and Jews, we should think about Ukrainians, Belarusians, Horaken [sub-ethnic group of the Moravans, living in Brno], Lemkos [Rusyns] and Kashubians [West Slavic ethnic group in Pomerelia, North Central Poland], as well as other nationalities with whom we may have to deal.

By this I want to say that we are highly interested in not uniting the peoples of the Eastern regions, but rather dividing them into smaller branches and groups. As for individual nations, we do not intend to seek their unity and increase, especially to the gradual instilling of national consciousness and national culture. On the contrary, we are interested in splitting them into numerous small groups...

In a few years, it seems to me, in 4—5 years the term of “Kashub”, for example, should become unknown, since by that time the Kashubian people will no longer exist (this applies, in particular, also to the Western Prussians). I hope that we will be able to destroy completely the term of “Jews”, as there is a possibility of mass resettlement of all Jews in Africa or in any other colony. A little more time will be needed to make such nationalities as Ukrainians, Horaken and Lemkos disappear on our territory. All that was said about these separate nations to an even greater extent is true to the Poles.

The principal issue in addressing all these problems is the education system and thus the selection and filtering of young people. For non-German population of the Eastern regions should not be high schools. It is enough for him to have a four-class folk school. The purpose of teaching in this folk school should be only: a simple account, at most up to 500, the ability to sign, the suggestion that the divine commandment is to obey the Germans, to be honest, diligent and obedient. Ability to read, I think, is unnecessary. Apart from this type of school, there should be no more schools in the Eastern regions at all”.

Prestupleniya nemecko-fashistskih okkupantov v Belorussii.
1941—1944. Minsk. 1965, p. 21—22.

* * *

Витус Беринг: у истоков историко-культурного наследия Русской Америки

А.Ю. Петров

Аннотация. В статье изучаются вопросы, связанные с подготовкой и этапами проведения экспедиции В. Беринга. Автор обращает внимание на особенности прохождения экспедицией различных регионов России и выделяет города, сыгравшие роль в ее снабжении. Исследуются результаты плавания и акцентируются заслуги экспедиции в формировании историко-культурного наследия России в северной части Тихого океана. В статье, написанной с использованием междисциплинарного подхода, приводятся редкие и зачастую впервые используемые архивные материалы.

Ключевые слова: экспедиция, Русская Америка, Русская Православная церковь, Россия, США, Аляска, Российско-американская компания.

Abstract. The article explores questions regarding the preparation and stages of V. Bering's expedition. The author draws attention to the peculiarities of the expedition in various regions of Russia and how it allocates key cities for its supply. The results of navigation are explored, and it is shown what role the expedition played in the formation of the historical and cultural heritage of Russia in the northern part of the Pacific Ocean. The article is written on the basis of an interdisciplinary approach.

Key words: expedient, Russian America, Russian Orthodox Church, Russia, USA, Alaska, Russian-American company.

16 августа 1728 г. судно «Святой Гавриил», которым командовал капитан Витус Беринг, развернулось в водном пространстве между Азией и Америкой. Так фактически был открыт пролив, разделяющий континенты. Увидеть Америку помешал туман. Пройдут годы, прежде чем имя капитана В. Беринга будет прочно связано с открытием Северной Америки со стороны России.

О Беринге написано множество работ, заслуживающих внимания. Однако, в первую очередь, хотелось бы почтить память трех

Петров Александр Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, профессор Московского государственного лингвистического университета. E-mail: alaska13@yandex.ru.

Petrov Alexander Yu. — doctor of historical sciences, chief researcher at the Institute of World History RAS, professor at the Ryazan State University named after S.A. Esenin, professor at the Moscow State Linguistic University. E-mail: alaska13@yandex.ru.

отечественных исследователей. Пожалуй, наибольший вклад в развитие темы начального этапа освоения Русской Америки внес видный отечественный историк Б.П. Полевой, который ввел в научный оборот новые архивные документы. Сотрудник РГА ВМФ Т.С. Фёдорова посвятила свою жизнь изучению начального периода освоения Русской Америки и была основным составителем сборников документов «Исследования русских в Тихом океане»¹. Автором статьи выявлены и впервые используются при написании данной статьи неопубликованные записи Фёдоровой, посвященные этой экспедиции. И, наконец, без общего руководства и осмысления истории Русской Америки академиком Н.Н. Болховитиновым сложно себе представить тот прорыв, который сделали отечественные ученые в развитии данной темы в конце 90-х гг. прошлого века².

Традиции школы Болховитинова, Полевого, Фёдоровой в современной историографии развиваются профессором В.Н. Звягиным (именно им был восстановлен облик Беринга)³. Усилиями Л.И. Спиридоновой из РГА ВМФ, а также ученых, государственных и общественных деятелей удалось ввести в научный оборот журналы Первой Камчатской экспедиции — уникальный источник по подготовке и этапам прохождения экспедиции⁴.

В данной статье, впервые построенной на комплексе документов российских, американских и испанских архивов, хотелось бы остановиться на факте становления русского историко-культурного наследия в северной части Тихого океана. Безусловно, экспедиции С.И. Дежнёва, Фёдорова-Гвоздева стали выдающимися отечественными достижениями в деле открытия и описания территорий на тихоокеанском севере, и, возможно, русские основали свои поселения на Аляске еще в XVI в., но именно экспедиция Беринга обозначила государственный интерес к включению новых земель в общее историко-культурное пространство России. Этот период продолжался вплоть до конца XVIII в., когда ему на смену пришел этап освоения и утверждения в Америке частного отечественного капитала в лице компании И.Л. Голикова — Г.И. Шелихова, а затем Российско-американской компании (РАК), завершившийся, в свою очередь, уступкой Аляски в 1867 году.

Прежде чем рассмотреть особенности Первой Камчатской экспедиции под руководством Беринга, следует коснуться основных вех его биографии. Беринг родился в конце июля 1681 г. в Хорсенсе, на востоке Ютландского полуострова. Точная дата его появления на свет неизвестна. Фёдорова полагает, что крестили младенца 5 августа. У отца Витуса Йонаса Свендсена от двух браков было 5 сыновей и 4 дочери. Жила семья небогато, однако была образованной и набожной. Благодаря тому, что сестра матери будущего мореплавателя Анны Педерсдаттер Беринг Маргарет дважды выходила замуж за бургомистров Хорсенса, Беринги были связаны с высшими слоями городского общества.

Первые сведения, связанные со службой Витуса на флоте, по всей видимости, относятся к 1696 г., когда он стал юнгой на корабле, ходившем в плавание к берегам Ост-Индии. На этом же судне служил его брат Свен Йонассен. Считается, что именно это событие повлияло на молодого человека и определило его интерес к географии, картографии, навигации и другим морским наукам.

В 1703 г. Берингу удалось встретиться в Амстердаме с адмиралом К. Крюсом, который по заданию Петра I искал в Голландии добровольцев для службы на зарождавшемся русском флоте. Вскоре Беринг был принят на русскую службу, которую начал в чине подпоручика на Балтийском флоте. Затем он прибыл в Архангельск и стал командиром маленького грузового шкута в эскадре адмирала Крюса, а позже, в чине поручика, принял участие в Северной войне (1700—1721). В 1710 г. Витус Беринг выполнял ответственное задание по патрулированию берега Финского залива для наблюдения за движением в море неприятельских судов, а также в этом же году в чине капитан-лейтенанта командовал 8-пушечными судами на Азовском море. Петр I особо отметил и запомнил Беринга, когда тот в качестве командира шнявы «Мункер», выполняя в 1711 г. личное поручение российского императора, пытался добраться до Константинополя. Дальнейшая служба Беринга была связана с Севером. 28 января 1715 г. он был произведен в капитаны 4-го ранга и стал командовать в Архангельске новым 50-пушечным кораблем «Селафаил». Тогда же ему удалось посетить Копенгаген и навестить родных в Хорсенсе. В 1719—1723 гг. уже в чине капитана 2-го ранга он на Балтийском море командовал судами «Селафаил», «Марльбург» и «Лесное».

20 января 1724 г. Беринг подал прошение об отставке, в котором, отметив свое 20-летнее служение в ВМФ России, посетовал на то, что его обошли повышением по службе до капитана 1-го ранга. Он писал: «... состою в великом сумнительстве, не ожидая себе лучшего анкуражменту», а также просил «отпустить его во отечество»⁵. Его просьба была исполнена, но после увольнения Беринг принял решение остаться в Кронштадте. Его терпение было вознаграждено. 5 августа 1724 г. после всенощной службы в храме Живоначальной Троицы в Галерной гавани Санкт-Петербурга Пётр I «изушно... генерал-адмиралу и Адмиралтейств-коллегии президенту графу Апраксину повелел капитана Беринга принять в службу его величества в морской флот по-прежнему, в первый ранг капитаном». Вскоре Беринг получил приказ прибыть в Адмиралтейств-коллегию⁶.

18 августа 1724 г. он докладывал, что «готов его величеству служить, но токмо покорно прошу, дабы мне в старшинстве обиды не было». Через месяц ему был передан 90-пушечный корабль «Лесное», которым он командовал вплоть до отставки⁷.

Как оказалось, это назначение было лишь промежуточным этапом в карьере Беринга. У Петра I были на него свои виды. Российского императора занимал вопрос, соединяется ли Азия с Америкой, который был обусловлен стремлением нанести на карту точные границы Российской империи на востоке. Важными были и торговые отношения с Китаем и Японией. Пётр I знал о частной торговле сибирских купцов с этими странами, но задумывал взять ее под государственный контроль.

Во второй половине XVII в. на русских картах Сибири было показано, что сибирский восточный берег всюду омывается морем. Так, на них уже были отражены результаты плаваний из Ледовитого океана в Тихий Дежнёва в 1648 и Ивана Рубца в 1662 году. Вместе с тем, позднее на других русских картах (А. Виниуса, Н.Г. Спафария и пр.) стали показывать простирающиеся далеко в море «носы». Уже в сочи-

нении Спафария о путешествии через Сибирь в 1678 г. было сказано, что на востоке Сибири может находиться горный хребет, который «идет до самого западного Индия до Нового Света»⁸. Так в России впервые возник вопрос, соединяется ли Азия с Америкой перешейком. Этот же вопрос стал волновать и голландского географа Н. Витсена. На своей известной карте 1687 г., подготовленной на основе русских карт, он показал полуостров, который, по его мнению, «возможно, соединяется с Америкой». Впервые эта карта была послана в Россию в начале 1691 года. В мае того же года из Москвы Витсену была направлена благодарственная грамота. Карта произвела большое впечатление на молодого Петра I, и у него с Витсеном установились дружеские отношения, что и позволило через него получить первые голландские корабли для Архангельска. Показательно, что именно в годы правления императора Петра I в России проявился интерес к землям, находившимся восточнее Камчатки. Во многом это было связано с тем, что страна вышла на мировую дипломатическую арену. «Прорубив окно в Европу», Российское государство стало интересоваться и далекими заокеанскими территориями.

В первой трети XVIII в. появилось несколько проектов колонизации Россией Америки. Например, в 1711 г. английский купец Руперт Бек предложил России организовать экспедицию в Америку для захвата острова Тобаго, на котором имелась небольшая колония латышей. После присоединения к России Курляндии, по мнению Р. Бека, Россия имела все права на подчинение подданных этого княжества, живших далеко за океаном. Бек предлагал превратить остров Тобаго в плацдарм для дальнейшего продвижения по Америке, но этот проект положили под сукно.

Думается, что первая разведка была предпринята в 1722 г. геодезистами И.М. Евреиновым и Ф.Ф. Лужиным. Они ходили к северным Курильским островам, но ответить на вопрос «сошлася ли Азия с Америкой» не смогли. Для того, чтобы решить столь сложную для начала XVIII в. задачу, важно было привлечь опытного капитана, командующего современным океанским судном, и обеспечить экспедицию серьезной финансовой поддержкой. Осознав это, император поручил подготовку экспедиции членам Адмиралтейств-коллегии вице-адмиралам П.И. Сиверсу и Н.А. Синявину, которые рекомендовали привлечь для нужд экспедиции поручика М. Шпанберга и подпоручика А.И. Чирикова. «А не худо бы, — говорится далее в документе, — чтоб де был над ними командир из капитанов, Беринг или фон Верд (фон Верден), понеже де Беринг во Ост-Индии был и обхождение знает, а фон Верд был штурманом»⁹.

Император собственноручно написал инструкцию руководителю экспедиции Витусу Берингу, в которой поставил задачу отправиться из Камчатки на поиски новых земель¹⁰. Эта инструкция была объявлена секретной и вручена Берингу только в день его отъезда в Сибирь. Власти явно не хотели, чтобы ее текст стал известен иностранцам, особенно испанцам и голландцам, собиравшим сведения об экспедиции Беринга¹¹.

В начале января 1725 г. началась работа по набору личного состава и комплектованию материальной части, чем в основном занимал-

ся Чириков, так как Беринг в это время находился в Выборге со своей женой и детьми ¹².

Сложность всего предприятия заключалась в том, что требовалось построить качественное и современное океанское судно на Дальнем Востоке, способное выдержать длительную навигацию в автономном плавании. Таким опытом Россия не обладала. Было решено, что детали корпуса будущего судна и рангоута, оборудование камбуза, кают, такелаж, комплекты парусов, артиллерию, штурманские приборы, инструменты, оружие, якоря, флаги, фонари, медикаменты, обмундирование доставят по суше через всю Сибирь до Дальнего Востока, а припасы и другие материалы для строительства (пеньку, смолу, гвозди) Беринг получит от местных властей в Сибири и на Дальнем Востоке. Лес предполагалось заготовить на месте. Это было весьма рискованно, так как отсутствовали точные сведения о наличии пород деревьев, необходимых для строительства крупных судов.

24 января 1725 г. экспедиция под руководством лейтенанта Чирикова на 25 ямских подводах выехала из столицы. 7 февраля путешественники прибыли в Вологду. Беринг остался в столице до 5 февраля, что было связано со смертью Петра I. 30 января 1725 г. сначала Сенат, а затем, 3 февраля, Адмиралтейств-коллегия подтвердили полномочия Беринга как руководителя экспедиции, и ему было велено следовать указу Петра I.

14 февраля Беринг прибыл в Вологду, и через два дня экспедиция в полном составе (34 чел., среди которых были морские и адмиралтейские служители, рядовые, унтер-офицеры и обер-офицеры) отправилась на Дальний Восток (28 чел. позже вернутся, а шестеро останутся в Сибири) ¹³. Остальных участников экспедиции следовало привлечь из состава солдат сибирского гарнизона, а также из местных добровольцев разных сословий.

Пройдя города Сольвычегодск, Соликамск, Верхотурье, Тюмень, 16 марта 1725 г. путешественники прибыли в Тобольск, где остались до мая. Берингу требовалось получить дополнительные сведения о Дальнем Востоке, пополнить запасы и привлечь людей. Это была весьма сложная задача. Беринг вручил сибирскому губернатору, князю М.В. Долгорукову, указ Сената и письмо адмирала Ф.М. Апраксина об оказании поддержки Первой Камчатской экспедиции: «... велеть по требованию одного капитана Витеза Беринга для караулу салдат и для строения ботов потребныя леса, железо, смолу и конопать и прочие к тому строению матриалов, и плотников, и кузнецов, морской провиант, тако ж и на 726 год денежное и хлебное жалование давать ис тамошних доходов на шет Адмиралтейства... и в потребностях его к той экспедиции прикажите ему чинить всякое вспоможение, чтоб в действо произведена была неотменно, понеже в оной замыкаетца немалое дело» ¹⁴.

В Тобольске Беринг встретил поручика Санкт-Петербургского пехотного полка Сафонова, который сообщил ему, что на Дальнем Востоке «тамошние жители... живут в землянках [и]... временем гораздо немирно обращающа». Поэтому Беринг просил выделить ему 24 солдата, плотников для строительства судов и дать в помощники из Тобольского полка Бориса Выродова «с тремя товарищами», которые были в 1719—1721 гг. на Камчатке в составе экспедиции геодезистов Евреинова и Лужина ¹⁵.

В Енисейске Беринг встретился с возвращавшимся из Сибири немецким ученым Д.Г. Мессершмидтом. Путешественники общались неоднократно, и Беринг произвел на собеседника очень приятное впечатление. Последний «счел своим христианским долгом сообщить этому милому человеку» о надежном волокне ¹⁶, «так как у него, кроме не всегда точных сведений, почерпнутых из карт, и некоторых полученных от русских сведений, на которые не всегда можно было положиться, никаких других сведений о дороге не имелось» ¹⁷. Мессершмидт ознакомил его с картами северо-восточной части Азиатского материка и картой Витсена. Мессершмидт писал, что Беринг рассчитывал добыть спермацет — ценное вещество, получаемое из полостей в головах кашалотов, которое использовалось в парфюмерии и дерматологии ¹⁸.

12 августа 1725 г. Первая Камчатская экспедиция под барабанный бой отправилась в путь из Енисейска на 4 дощаниках, 12 малых и 4 больших лодках. Путь пролегал по Енисею до Тунгуски (40 верст), а затем до устья реки Илим (804 версты). Грузы на руках переносили через пороги и на лошадях везли до Илимска, куда экспедиция прибыла 29 сентября и остановилась в ожидании первого зимнего пути. Вскоре Беринг отправил лейтенанта Шпанберга к устью реки Куты для доставки грузов и заготовки леса для строительства судов. В конце ноября Беринг получил от Лужина «сказку» об экспедиции на Камчатку и Курильские острова. Видимо, она была написана по заданию Беринга, которого интересовало, как можно добраться до Камчатки и обратно в Охотск, имея столь тяжелый и громоздкий груз: пушки, якоря и т.п. Он рассматривал и вариант передвижения по суше. Итогом этих размышлений явилось «Расположение о пути», приложенное к рапорту в Адмиралтейств-коллегию от 30 ноября 1725 года. В нем Беринг подробно описал возможные способы и время перевозки людей и грузов экспедиции из Илимска на Камчатку: по реке Лене до Якутска, далее мелководными реками до Охотска, через Охотское море в Большерецк, оттуда часть грузов переправлять сухим путем к устью реки Камчатки, наиболее же тяжелые — на ботах вокруг Камчатского Носа. Говоря о трудностях и неустроенности предстоящего пути, Беринг отмечал: «А ежели б мне при отправлении моем из Санкт-Петербурха определено было иттить сухим путем от устья Колымы-реки до устья ж реки Анадыря, где пройтить всемерно надеюсь, о чем новые азийские карты свидетельствуют, а наипаче здешние жители сказывают, что прежде сего сим путем хаживали, то, надеюсь, могло б исполнено быть желаемое гораздо меньшим коштом» ¹⁹. Эту цитату из документа использовал А.С. Полонский в середине XIX в., убрав важные слова «сухим путем». Если их отбросить, то выходило, будто Беринг предлагал двигаться не из Камчатки, а от устья реки Колымы, при этом Беринг неправильно понял и неточно руководствовался наставлением Петра I. Этот фрагмент из документа использовали без должной проверки многие видные исследователи (А.П. Соколов, Л.С. Берг, А.И. Андреев, В.И. Греков, В.А. Дивин). На данную неточность впервые обратил внимание Е.Г. Кушнарёв, а Фёдорова еще раз перепроверила документ ²⁰.

Из сохранившихся архивных документов видно, что Беринг искал ответа на вопросы, как «удобнее с вышеписанною командою, с

провиантом дойти от Якутска до Ламы сухим путем или водой», есть ли «на Ламе довольно годного леса к строению судов» и как затем добраться от Большерецкого острога до Верхнекамчатского. В Якутскую воеводскую канцелярию он обратился с вопросами: сколько верст от Якутска до Ламы и сколько пудов груза может выдержать лошадь; в течение всего ли года можно добраться до Ламы; можно ли дойти до Юдомского Креста ²¹ с таким большим грузом, как у него; сколько времени нужно, чтобы достичь Охотска от Юдомского Креста; есть ли там годный для постройки судов лес; какое расстояние от Большерецкого до Верхнекамчатского острога и как туда добраться. Он получил ответ лишь на часть своих вопросов. В это время в команде Беринга насчитывалось 140 чел., и она перевозила более 10 тыс. пудов различных грузов. Такое количество людей и грузов никогда еще не отправлялось из Якутска до Охотска, Беринг был первым. Им был в конечном итоге определен следующий путь: из Якутска вниз по Лене, затем вверх по Алдану, Мае и Юдоме до Юдомского Креста, по суше до реки Урак, а по ней уже до Охотска. На решение Беринга повлиял тот факт, что этот вариант пути был опробован во время экспедиции под названием Большой Камчатский наряд (1716—1719). Этот поход был организован сибирским губернатором М.П. Гагариным по указу Петра I, а руководил составлением маршрута якутский воевода Я.А. Ельчин. Именно этим путем двигались Евреинов и Лужин, А.Ф. Шестаков и поручик Сафонов, но у них не было такого количества тяжеловесных, громоздких и ценных грузов. Путь не был обустроен, на всем его протяжении не было ни амбаров, чтобы сложить груз, ни запасов провианта и корма для лошадей, ни зимовий для отдыха людей. Освоение нового, очень сложного пути легло на плечи Первой Камчатской экспедиции. Реки были разные, их течение и глубина менялись в зависимости от времени года и количества осадков. Перевозить ценные грузы волоком от Юдомского креста до реки Урак можно было только зимой, да и то частями ²².

Якутск стал узловым пунктом при подготовке завершающего сухопутного этапа экспедиции. Отсюда тяжелые грузы должны были сплавляться по рекам, остальные доставляться на лошадях от Алдана до реки Юдомы. Для этого нужны были проводники, знающие «иноземные порядки».

7 июля 1726 г. на 13 дощаниках из Якутска в Охотск были отправлены 83 чел. команды, а также 119 «служилых» во главе с М. Шпанбергом. На суда было погружено 4200 пудов провианта. Для следования сухим путем Берингу потребовалось 600 лошадей, каждая из которых поднимала по 5 пудов. К 1 августа ему пригнали 287 лошадей, а также выдали 178 пар сум с мукой и крупой и 50 пудов железа. В путь отправились ученик ботового и шлюпочного дела Ф.Ф. Козлов и 10 плотников.

16 августа 1726 г. на 26 лошадях Беринг отправился в Охотск, оставив в Якутске до лета следующего года Чирикова ²³. 1 октября 1726 г., преодолев с большим трудом расстояние в 800 верст, Беринг прибыл в Охотск. Охотский острог, где было всего 11 дворов, произвел на него удручающее впечатление: строения были ветхими, у многих прохудились крыши. Беринг сразу приказал строить новые избы и амбар ²⁴.

26 октября 1726 г. он направил Якутской воеводской канцелярии письмо: «Хотя Охоцкой острог и нижеписанное до моего дела и не касаются, да по моей присяге к ея императорскому величеству должен объявить о состоянии оного острога. Например, якуцкой каштак и жилище лутчей крепостью, нежели оной острог... по дороге между Алданом и Юдомским Крестом и по реке Урак хорошие травы, где можно разводить лошадей и рогатый скот, местами даже и хлеб сеять, если в тех местах поселить крестьян. И если бы служилые и крестьяне, которые имеют дома в Охотске, жили здесь постоянно, тогда бы они были заинтересованы иметь скот и лошадей. Для этого нужно запретить приезжим приказчикам отнимать у крестьян бесплатно скотину и корм для скота. Тогда надеюсь, чтоб люди без нужды пропитались»²⁵.

Основываясь на рассказах местных жителей, Беринг размышлял о возможности сухопутного передвижения, анализировал путь из Якутска до Охотска, а затем до Камчатки, полагая, что заключительный отрезок пути можно преодолеть на собачьих упряжках, но какие-либо карты этих территорий у него отсутствовали.

Когда в Охотске шла подготовка к следующему этапу экспедиции, основной груз, отправленный со Шпанбергом на дощаниках, еще только двигался к Охотску. Везли якоря, канаты, паруса, пушки, церковные вещи, казенное вино, вещи служителей, провиант и многое другое. Зима застала отряд в пути, пришлось построить зимовья и амбары, оставить часть груза. Люди терпели лишения. 17 декабря Беринг получил известие, что Шпанберг идет нартами по реке Юдоме. 22 декабря ему навстречу из Охотска была отправлена провизия. Помощь нашла измученных, голодных, замерзших людей 1 января 1727 года. Вся команда собралась в Охотском остроге к 16 января. Из 203 чел. в Охотск здоровыми пришло 59, обмороженных и больных было 26, остальные бежали или умерли в дороге. Такую цену заплатили члены экспедиции и жители Сибири за путь до Охотска. Беринг направил в Якутск и Иркутск письма, в которых просил местные канцелярии обустроить дорогу от Якутска до Охотска (заготовить сено, поставить зимовья или юрты и т.п.)²⁶.

Он писал Адмиралтейств-коллегии, что зима выдалась морозной. Грузы, оставленные в дороге, пришлось всю зиму перевозить в Охотск на нартах с величайшим трудом, при помощи тунгусов. При этом начальник экспедиции требовал, чтобы с тунгусами неукоснительно расплачивались: за взятых оленей, привезенную рыбу, работу, записывая эти деньги «в расход с распиской». В своих инструкциях он приказывал подчиненным быть благожелательными с аборигенами, а в случае конфликтов быть справедливыми и решать сложные проблемы в Якутске. Тунгусы, в свою очередь, доверяя Берингу, обращались к нему за поддержкой. Посылая «ведения» в местные канцелярии о поборках с тунгусов, он обязательно добавлял, что это дело «до моего отправления не касается», но как честный человек он не мог пройти мимо «обид», чинимых «иноземцам» — местному населению. К тому же он прекрасно понимал, как важно не озлобить тунгусов, якутов, коряков и других аборигенов Сибири и Дальнего Востока, не настроить их друг против друга и против русских людей, сохранить мир²⁷.

8 июня 1727 г. на воду было спущено построенное в Охотске судно, которое назвали «Фортуна». Это было небольшое судно, пред-

назначенное для плавания на короткие расстояния вблизи островов. 30 июня оно отправилось на Камчатку с материалами и припасами под командой лейтенанта Шпанберга. «Ботового дела ученик» Козлов, плотник и кузнецы хотели найти на Камчатке лес, чтобы построить второе судно, предназначенное для дальнего плавания, во исполнение инструкции Петра I ²⁸.

21 августа 1727 г. Первая Камчатская экспедиция вышла из Охотска в направлении Камчатки. Беринг и Шпанберг шли на «Фортуне», а Чириков и Чаплин — на лодье. 4 сентября они достигли устья реки Большой. Понимая, «что время по здешнему состоянию поздно и место неизвестное, понеже прежде сего никто такими судами не бывал», решили вокруг Камчатского Носа не идти, а переправляться дальше по рекам. В начале осени Беринг со Шпанбергом и лекарем с багажом на 18 лодках прибыли в Большерецкий острог, где было 17 русских дворов и часовня, а затем, с наступлением санного пути, на собачьих упряжках направились в Верхнекамчатский острог ²⁹.

Чириков был оставлен в Большерецке, чтобы организовать отправку оставшегося там груза. Перевозка закончилась только к маю. «А при перевозке материалов и правянтю ясашным иноземцам никакой большой тягости от нас не было, понеже они ясаки свои заплатили прежде, а от нас вспоможение им было в пропитании китовым жиром, который мы приготовили в Большерецком, также и табаком», — писал Беринг в Адмиралтейств-коллегию ³⁰.

Зима 1728 г. выдалась голодной, и лишь с помощью коренных народов и местных православных священнослужителей экспедиции удалось продержаться. В Верхнем и Нижнекамчатском острогах в то время жители голодали, так как летом в реки зашло мало лосося, и они не смогли сделать достаточных запасов. Это еще больше осложняло выполнение требований Беринга. 14 января 1728 г. он получил письмо от жителей Нижнекамчатского острога, в котором говорилось, что они не могут кормить команду экспедиции, ибо у самих голод.

4 апреля в «9-м часу пополуночи, собрав всех служителей и мастеровых людей, учиня молитву, и заложили бот, а потом г-н капитан жаловал всех вином довольно», — записал П. Чаплин. Подробно зафиксировал он и весь ход строительства судна, которое назвали «Святой Гавриил» ³¹.

Перед отплытием, 5 июля 1728 г., Беринг обсудил ряд вопросов с лейтенантом Чириковым и Шпанбергом: сколько взять соленой рыбы, брать ли в плавание судно, которое должно прибыть из Большерецка, отпустить ли иеромонаха в связи с теснотой на «Св. Гаврииле», что делать с церковными вещами, выдавать ли служителям вперед денежное жалование, куда отправить больного геодезиста, сколько муки и пороха положить в бот и др. 9 июля капитан приказал перебраться всем на бот, 10 июля наказал правителям острогов на Камчатке, чтобы обид местному населению «никаких не чинить», и сделал другие необходимые распоряжения ³².

13 июля 1728 г., «сотворя молитву», команда «Св. Гавриила» подняла паруса, и судно отправилось вниз по реке Камчатке в свое историческое плавание. Бот, построенный под руководством ученика ботового и шлюпочного дела Фёдора Федотовича Козлова, имел 60 футов в длину, 20 футов в ширину и глубину трюма 7,5 футов. На его

постройку ушло 150 досок длиной 25—30 футов, толщиной 2—3 дюйма, 300 досок длиной до 36 футов и толщиной от 1 до 3 дюймов, и 60 пудов гвоздей разных размеров. Внутреннее пространство было разделено на три отсека: в носовой части размещалась команда, в средней — грузы, на корме — офицеры. Каждый дюйм судна был использован для размещения провианта, оружия, запасного такелажа, шкиперских, штурманских и других припасов. Бот имел одну мачту со стеньгой и 5 парусов: грот, фок, кливер, брифок и топсель. Вооружен он был семью 3-фунтовыми фальконетами. В трюмы были погружены: 1000 пудов продовольствия, 23 бочки соленой рыбы, 20 бочек питьевой воды и т.д. На судне было 44 человека. В плавание шли оба лейтенанта, лекарь В. Буцковский, мичман Чаплин, ученик ботового дела Ф. Козлов, мореход К. Мошков и др. В плавании не участвовали ни штурман, ни геодезист. Штурман Д. Морисен умер еще в 1728 г., второй — Р. Энгель — находился в Якутске, а большого геодезиста Г. Путилова оставили в Нижнекамчатском остроге³³.

До сих пор продолжается дискуссия о целях и задачах, которые Пётр I поставил перед Первой Камчатской экспедицией. А.С. Полонский, Л.С. Берг, Е.Г. Кушнарёв, В.М. Пасецкий, В. Фишер считали, что Беринг только выполнил наставление Петра I. По мнению М.И. Белова, участники экспедиции должны были найти путь из Архангельска в Тихий океан и Америку. В.И. Греков полагал, что экспедиция должна была не искать пролив между Азией и Америкой, а «разведать путь в Америку, примыкающую к Азии, и выяснить, кто является соседом России на этом материке». Особую позицию занимал Б.П. Полевой, который считал, что Беринг должен был плыть на юго-восток до берегов мифической земли Жоао де Гама и выяснить, является ли она частью Америки³⁴.

Беринг, в соответствии с инструкцией Петра I, взял курс на север. У него были сомнения, когда экспедиция продвигалась по Сибири, поэтому он расспрашивал казаков, промышленных, местных жителей о Большой Земле, которую якобы видели чукчи. Особенно ценные сведения были получены от приказчика Анадырского острога П. Татарина. По его словам, чукчи, приходившие в Анадырский острог в 1718 г., рассказали, что недалеко от Чукотского Носа расположен остров, а «от того острова за морем есть Большая Земля, которую с помянутого острова видеть можно... на сию Землю перегребают чукчи в байдарках в тихую погоду с одного острова в один день», леса там «великие», а живут люди «зубатые». Эти сведения подтверждали более ранние, полученные якутским служилым человеком П.И. Поповым во время сбора ясака на Чукотском полуострове и представленные в Анадырский острог в 1711 году. Местные жители сообщили ему, что «и прежде русские люди у них, чукочь, кочами морем бывали». От «носовых» чукчей Макачкиных он узнал, что против «Анадырского Носу с обеих сторон, с Ковымского моря и с Анадырского, есть де значится остров», который называли «Большой Землей», леса там богатые, разнообразен животный мир, о жителях говорили — «люди зубатые, а веры де и иной всякий обыкности и языку не их, чюкоцкова, особый». В 1736 г. показания Попова, данные Берингу, и чукчей были обнаружены Г.Ф. Миллером в архиве г. Якутска³⁵.

Уже через три дня плавания шторм нанес первые повреждения кораблю, но он продолжил путь и 16 июля, обогнув Камчатский мыс, взял курс на север, держась в 10 милях от берега. Опасность подстерегала экспедицию постоянно, так как никаких точных карт района плавания не было: к картографированию Чириков и Чаплин приступили лишь в процессе плавания.

В начале августа 1728 г. Чаплин направился за пресной водой и «нашел место, где иноземцы имели житие свое»³⁶. Вскоре произошла первая встреча с чукчами, которая в значительной степени повлияла на исход плавания. Чаплин в своем журнале оставил запись: «... сколько земля простирается в восточную сторону не знают, а про русских де людей давно слыхали, а Анадырь-река далече от них на запад». Про острова чукчи сначала не сказали, а потом сообщили, «что есть остров, которой в красный день, отшет де недалече отсюда к востоку, з земли виден»³⁷. Объяснялись с чукчами на корякском языке через переводчиков.

В журнале входящих документов сохранилась запись: «Реку Анадырь прошли и далеко позади. Реку Колыму не знаем, только слышали мы от аленных чукчей, что ходят оне землею на реку, и сказывают, что на той реке живут руския люди; а оная река Колыма ли или другая, про то не знаем... А земля наша почти отсюда поворотилась налево и пошла далеко... Нос никакой в море от земли нашей не протянулся, все наша ровная земля. Есть остров недалече от земли и ежели б не туманно, то б можно видеть»³⁸.

Получалось, что в одной записи говорилось: земля «простирается» на восток, а в другой: почти сразу повернула налево. Однако нигде не упоминалось о Большой Земле, про которую в 1711 и 1718 гг. говорили чукчи и сообщил капитан П. Татаринов.

10 августа «лавировали против берега, котораго к востоку простертие окончалось, и пошел на N¹/₂W», — записал Чаплин. Мореплаватели обогнули Чукотский мыс. Пройдя еще немного, увидели остров, о котором говорили чукчи при встрече, и дали ему имя Святого Лаврентия. Почти все время стоял туман. Земли видно не было³⁹.

13 августа, когда бот находился на широте 65°00', то есть у Чукотского Носа, Беринг вызвал обоих лейтенантов и приказал им высказать свое мнение, как быть дальше: продолжать плавание или возвращаться на Камчатку, так как основная задача казалась выполненной⁴⁰.

Чириков, полагал, что неизвестно, «до котораго градуса ширины из Севернаго моря подле восточнаго берега Азии... жителем бывали», нельзя «достоверно знать о разделении морем Азии с Америкою», если не дойти до устья реки Колымы или до льдов, поэтому нужно «подле земли иттить до мест, показанных в означенном е.и.в. указе». Если же земля окажется строго на севере, то 25 августа нужно искать место для зимовки. Ссылаясь на сведения, полученные от чукчей через Татаринова, Чириков настаивал на продолжении исследования.

Шпанберг отмечал, что на широте 65°30' для зимовки нет гавани, поэтому следовало возвращаться на Камчатку. 16 августа 1728 г. Беринг, «исследовав поданных мнений, положил свою резолюцию: ежели ныне больше будем мешкать в северных краях, опасно, чтоб в такая темные ночи и в туманы не прийтить к такому берегу, от котораго немможно будет для противных ветров отойтить, и рассуждая об

обстоятельстве судна, понеже шверец (шверцы. — *А.П.*) и лейваглен изламан, также трудно нам искать в здешних краях таких мест, где зимовать, понеже иной земли, кроме Чюкоцкой, неизвестно, на которой народ немирной и лесу нету. А по моему мнению, лутче возвратитца назад и искать гавани на Камчатке к прозимованию». Решение было принято. 16 августа в 15 час. на широте 67°19' Беринг объявил, что «надлежит ему против указу во исполнение возвратица». Любопытно, что именно эта фраза с точностью до буквы встречается как в дневнике Чаплина, так и у Чирикова ⁴¹. У Беринга не было сомнений: Азия с Америкой не сходятся, следовательно, задание выполнено. Они были очень близко от Америки, но на восток капитан решил не идти. Он следовал своему жизненному кредо: «надлежит всякому свою должность знать и управлять по указам ея императорского величества и инструкциям, а не своим прихотям» ⁴².

Между тем, как полагает Фёдорова, Беринг нарушил инструкцию Петра I, предписывавшую плыть «возле земли, которая идет на норд». По ее мнению, Беринг неукоснительно соблюдал инструкцию во время плавания до юго-восточного угла Чукотки, затем дважды удалялся от берега, приказывая плыть на северо-восток. К 16 августа уже двое суток не видели берег именно потому, что отклонились от него и не прошли дальше на северо-запад. Беринг не попытался обойти остров Диомиды и проверить сообщение Татаринова о «Большой земле». Дойдя до 67°18'48" с.ш., Беринг не выразил желаний задержаться хотя бы на несколько дней, чтобы найти «Большую землю». Льды не препятствовали движению бота, их даже не видели, и время года позволяло это сделать. Но он повернул назад. Болховитинов считает, что в течение трех дней Беринг не просто шел на север, а лавировал в море и искал «Большую землю» ⁴³.

20 августа, следуя обратно тем же курсом, команда корабля вновь встретилась с чукчами. На этот раз среди них был тойон, который умел говорить по-корякски, но ничего нового мореплаватели не узнали. Это еще больше убедило Беринга в правильности принятого решения повернуть назад.

3 сентября, преодолев немало опасностей, «Св. Гавриил» вошел в устье реки Камчатки и встал на якорь. По приказу командира бот раснастили и поставили в надежное место, команда уехала на зимние квартиры в Нижнекамчатский острог и селение Ключи. Так завершился первый этап экспедиции. Команде судна предстояло провести более семи месяцев зимовки на Камчатке. Это время Беринг использовал, обдумывая план дальнейших действий, так как понимал, что полностью свою задачу еще не выполнил.

Ранней весной 1729 г. судно стали готовить к выходу в море. Потребовалось несколько месяцев, прежде чем бот полностью оснастили, и 5 июня «Св. Гавриил» отправился в плавание, взяв на борт 35 членов экипажа и 6 офицерских слуг. Среди них были Беринг, Чириков, Чаплин, В. Буцковский, штурман Р. Энгель и другие. Шпанберг, который «за болезнью, понеже морем иттить не может», поехал в Большерецк сухим путем ⁴⁴.

На этот раз «вышел на море, и пошли к востоку для искания земли, понеже слышали от камчатских жителей, что есть земля против камчатского устья в близости» ⁴⁵. Речь шла о Командорских ос-

тровах. «И шли до разности длины четырех градусов, но токмо земли не нашли». 7 июня мореплаватели находились в 30 милях от островов, но туман закрывал землю. Так было и в последующие дни: погода не благоприятствовала плаванию ⁴⁶. Беринг быстро отказался от поиска островов, полагая, что туманы продлятся достаточно долго. «8 дня [июня 1729 г.], поворотясь по ветру, пришли к Камчатской земле и пошли подле земли кругом южного Камчатского угла», то удаляясь в море, то возвращаясь к берегу. Вряд ли целью этих маневров были поиски земли Жоао де Гама, так как такая задача перед Первой Камчатской экспедицией не ставилась. Удаляться в море заставляли туман и непогода ⁴⁷. Уже в конце июня Беринг принял решение закончить плавание.

Прибыв в Охотск, он и его спутники, не задерживаясь, отправились в обратный путь — в Санкт-Петербург. Они спешили, так как стремились пройти до зимы наиболее сложные участки пути. 23 февраля 1730 г. Беринг в сопровождении четырех попутчиков был уже в Вологде, а вскоре — в столице. Остальные члены экспедиции прибыли в Петербург 1 марта 1730 года ⁴⁸. Первая Камчатская экспедиция завершилась.

Русская Православная церковь принимала активное участие в этом походе. 12 мая 1725 г. во время сплава по реке Иртыш «в команду прибыл иеромонах» ⁴⁹. Из журнала Чирикова мы узнаем, что это был иеромонах Илларион из Тобольска ⁵⁰. В дальнейшем он постоянно находился в составе сухопутной части экспедиции, сопровождал Беринга и его ближайшее окружение во время наиболее ответственных поездок, как например при осмотре судна в июне 1728 г., когда «работные люди мостили палубу и делали каюты». Достаточно противоречивы сведения о том, принимал ли он участие в плавании. Представляется, что он остался на берегу во время первого похода 1728 г. и находился на борту во время второго в 1729 году. У Чирикова за 11 июля 1728 г. мы находим такую информацию «... в поход морем определено итить от господина капитана: при нем на борту 2 лейтенанта, лекарь, 1 мичман.... Всего служителей 38 человек.... Да отпущено из команды Иеромонах Илларион в Тобольск...» ⁵¹ В журнале мичмана Чаплина от 14 июля 1729 г., то есть после выхода судна из Охотского устья, имеется запись: «... служителей на борту было господин капитан, лейтенантов 2, иеромонах, лекарь...» ⁵². Сложно сказать, уехал иеромонах Илларион в Тобольск, дождался Беринга или на втором этапе плавания его уже сопровождал другой иеромонах. Все важные работы, принятие решений во время плавания начинались с молитвы. Это отмечали в своих журналах и Чаплин, и Чириков. В крайне сложное для экспедиции время — зимой 1728 г. — монахи помогли экспедиции с продовольствием. Так, Беринг направил Шпанберга в Нижнекамчатск, где было 40 дворов и храм во имя Николая Чудотворца, построенный на р. Ключевке Иваном Енисейским в 1713 году. Церковь была освящена в 1725 г. иеромонахом Иосифом Лазаревым. Шпанбергу было дано указание: «извольте просить в монастыре у монаха, чтоб отпустил 3 или 4 бочки соленой рыбы по настоящей цене, и если монах даст, разделить 3 бочки между служителями» ⁵³. В дальнейшем Шпанберг не раз бывал и даже проводил не один месяц у иеромонаха.

10 марта Беринг представил Адмиралтейств-коллегии рапорт о плаваниях 1728—1729 гг. и карту, а императрице Анне Иоанновне — отчет об экспедиции. В рапорте в Адмиралтейств-коллегию от 10 марта 1730 г. Беринг писал: «15 дня [августа] дошли до северной ширины 67°19' и длины от устья реки Комчатки 30°14', а в правой стране по курсу нашему от острова (о котором говорили чукчи. — *А.П.*), земли не видал, и земля больше к северу не простирается и наклоняется к западу, и потом рассуждал, что данной мне указ исполнил, и возвратился назад»⁵⁴.

16 марта 1730 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» № 22 появилось сообщение, в котором говорилось, что Беринг достиг 67°19' с.ш. «и тогда он изобрел, что тамо подлинно северо-восточный проезд имеется, таким образом, что из Лены, ежели бы в северной стране лед не препятствовал, водяным путем до Камчатки и тако далее до Японы, Хины и Ост-Индии доехать возможно б было». Это было первое в мире опубликованное сообщение о существовании пролива между Азией и Америкой, основанное на фактических данных. В том же году первое печатное известие об экспедиции Беринга появилось и за границей, в частности, в одной из копенгагенских газет, опубликовавшей сообщение, аналогичное «Санкт-Петербургским ведомостям»⁵⁵.

4 декабря 1730 г. Правительствующий сенат приказал Берингу «подать известие, что в Сибири, в восточном крае признается к пользе государству»⁵⁶. И только тогда Беринг подал Сенату свои предложения об устройстве жизни и быта населения Сибири и Камчатки — он предложил открыть школы для якутских детей, наладить выплавку железа для судостроения, так как якуты умеют плавить и использовать железо; завести в Охотске и на Камчатке скотоводство и хлебопашество, «сидеть» смолу на Юдоме, Уде и Камчатке, чтобы не возить ее от Якутска до Охотска; ремонтировать суда и обучать казацких детей мореходству; предотвратить враждебные действия между аборигенами, поселив в бывшем Олюторском остроге охотников и служивых людей; назначить управителя на Камчатку, чтобы упорядочить сбор ясака; посылать на Камчатку больше людей, обученных ремеслу. «Ежели повелено будет строить суда» для морского пути, то лучшее место, по мнению Беринга, — река Камчатка, и строить их нужно с осадкой 8—9 футов. Далее Беринг сообщал, что в Большерецке узнал об аварии «близ Авачина» иностранного, видимо японского, судна. Поэтому он приказал найти потерпевших кораблекрушение, «отправить на нашем судне в их землю и проведать путь, и можно ли с ними иметь торг или каким другим образом к пользе нашему государству что присмотреть, понеже до самые японские земли от Комчатского Угла имеютца острова и не в дальном расстоянии остров от острова»⁵⁷. Это (про аварию или про острова? — *А.П.*) он узнал от мореплавателя И.П. Козыревского, который не участвовал в экспедиции.

Считается, что, несмотря на то, что результаты плавания Беринга оказались не слишком впечатляющими, он получил повышение в звании, денежное вознаграждение и, что самое главное, был назначен руководителем новой крупной экспедиции⁵⁸. При этом русское правительство было лишь частично удовлетворено итогами Первой Камчатской экспедиции, считая, что она не выполнила всех задач,

которые были перед ней поставлены⁵⁹. Между тем, Адмиралтейств-коллегия, как и сам Беринг, главной заслугой Первой Камчатской экспедиции считала точное соблюдение инструкции Петра I. Предложения Беринга по дальнейшему исследованию северо-запада Тихого океана опирались на данную инструкцию. Он не был инициатором подачи предложений и организации новой экспедиции и не выражал желания лично достичь американского континента. Он только выполнил указ Сената — подал свои соображения, продемонстрировав при этом ум и наблюдательность. Он писал: «Нижайшее помышление не в указ, ежели иногда восприиметца намерение посылать экспедицию, а особливо от Комчатки к осту»⁶⁰. В новом «помышлении» Беринг писал, что, по его мнению, Америка «не очень далеко от Комчатки..., например, 150 или 200 миль быть имеет», и, чтобы ее найти, нужно построить ластовое (грузовое) судно в 45—50 ластов. Строить его нужно на Камчатке, где есть необходимый лес и будет больше помощи от камчадалов, чем от обывателей в Охотске. К тому же река Камчатка более глубокая, чем Охота. Беринг предлагал также обследовать азиатский берег до Амура и далее путь до Японии, чтобы «завести торг» с японцами, а также берега между устьями сибирских рек, следуя на ботах или сухим путем от Оби до Енисея, от Енисея до Лены и от Лены до Камчатки. Большинство предложений Беринга было учтено при разработке задач новой экспедиции, однако сам он участия в этом не принимал.

В 1731 г. Беринг был вынужден дать повторный отчет о финансовых расходах экспедиции. По книгам, израсходовано было 4400 рублей. Проверка шла медленно, что тяготило Беринга. Камер-коллегия, как он писал, проверяла и считала расходы экспедиции почти два года. В письме к графу А.И. Остерману от 15 февраля 1734 г. он жаловался на затянувшееся действие: «и ныне надеюсь, чтоб окончание ему было, понеже четвертой уже год, как уже сочиняетца, и по оному изволите милостиво рассудить, какая мне охота ныне, кроме великой опасности впредь от токовой же волокиты от продолжительного щету»⁶¹. Кроме того, во время экспедиции Беринг израсходовал 379 руб. собственных денег. Адмиралтейств-коллегия обещала их выдать, но не выдала. «И рассуждаю, лучше со всеми отступитца, нежели такая продолжительная волокита, только жаль того, что те деньги держаны в расход для пользы и интересу [государства] и без резону оставить их не хочетца напрасно» и далее: «Я истинно со всею моею ревностию, по крайней моей возможности к пользе интереса и государства всего искать имею, только апасаюся впредь такого долго продолжительного щету»⁶².

Вместо того, чтобы признать Беринга героем с соответствующим присвоением графского или княжеского титула, как это было принято в России со времен Петра I, от него потребовали отчет. Отчеты и проверки различных государственных органов, относительно сдержанное одобрение императорского двора свидетельствовали о том, что высшие слои российского общества недооценили значимость экспедиции. В большей степени она воспринималась как реализация необычайного указа Петра I, как научное или общественное мероприятие. В отличие от ярких побед на поле битвы, военных успехов в присоединении новых территорий, экономическое, политическое, гло-

бальное и международное значение экспедиции для России и мира было не столь очевидно — так же как и экономическая направленность в освоении Дальнего Востока и севера Тихого океана в течение длительного времени была не очевидна для царского двора.

Таким образом, Первую Камчатскую экспедицию можно считать важнейшим этапом в истории освоения Россией Дальнего Востока и севера Тихого океана. Ее результаты впечатляют. Впервые на Тихом океане был поднят Андреевский флаг. Подготовка и организация путешествия показали, что в освоении Тихого океана должны быть задействованы многие российские регионы: оборудование, продовольствие были доставлены из Санкт-Петербурга, Томска, Якутска и других мест. Экспедиция Беринга внесла весомый вклад в объединение удаленных российских территорий при решении важной государственной задачи. Была впервые предложена схема по организации столь сложной экспедиции; ее с успехом будут применять в XVIII—XIX вв., а ряд элементов используется и поныне. Появился алгоритм движения на восток. В общей сложности было перевезено более 10 тыс. пудов различных грузов. Берингу удалось доставить через всю Россию материалы для экспедиции, не потеряв по дороге важные компоненты и детали для судов, без которых само плавание было бы затруднительным. Путь из Якутска до Охотска удалось обустроить настолько, насколько это было возможно для первой половины XVIII века. Стал более понятен процесс налаживания и осуществления связей столицы с российскими регионами. Участники экспедиции получили бесценный опыт исследования флоры и фауны, географии в едином культурно-историческом пространстве. Трехлетнее преодоление участка пути до Охотска по суше и опыт сборки сложного в техническом отношении океанского судна продемонстрировали возможности России как мировой морской державы. Охотск из отдаленного острога становился важнейшим транспортным портом, связывавшим Россию и Америку. В культурно-этнографическом смысле Беринг с помощью экспедиции участвовал в формировании российской идентичности, которая в дальнейшем будет перенесена в Америку. Отношение к «инородцам» после рапортов Беринга стало меняться. Коренные народы начали включаться в общую российскую культуру, которая прошла испытание в сложнейших условиях и показала возможность существования в экстремальных условиях. Без этого понять процесс освоения русскими людьми Америки и успешную деятельность Российско-американской компании в первой половине XIX в. практически невозможно. Наследие Русской Америки, которая существует и поныне от Аляски до Форта Росс и Гавайских островов, закладывалось именно во время данной экспедиции. Плавание Беринга имело исключительное значение для дальнейшего установления границ между Россией и США. Однако еще остаются вопросы, связанные с особенностями прохождения пути из Якутска в Охотск, особенно после Юдомского креста, а в плавании — на широте 67 градусов. Ответы на эти вопросы могли бы быть получены в ходе возможной научно-исследовательской экспедиции по следам Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга.

Исследование выполнено в РГУ им. С.А. Есенина за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01567).

1. Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX вв. (ИРТО). Сб. документов. Т. 1. М. 1981; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб. документов. Т. 2. М. 1989; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799—1815. Сб. документов. Т. 3. М. 1994; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1815—1841. Т. 4. М. 2005; Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1841—1867. Т. 5. М. 2010.
2. История Русской Америки (1732—1867) (ИРА). М. 1997, с. 52—61. Хронологические рамки этого фундаментального труда начались в 1732 г., поэтому первая Камчатская экспедиция тематически считалась тогда еще предысторией Русской Америки.
3. ЗВЯГИН В.Н., МУСАЕВ Ш.М., СТАНЮКОВИЧ А.К. Витус Йонассен Беринг: медико-криминалистический портрет. Баку. 1995.
4. Журналы Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки и открытии Берингова пролива. СПб. 2012. При подготовке статьи автор пользовался книгой в виде справочного издания, но для удобства читателей и исследователей ссылки в основном даются на Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ).
5. Там же, ф. 212, оп. 11, д. 338, л. 85—85об.
6. Там же, л. 81.
7. Там же, л. 84.
8. ИРА, т. 1, с. 43.
9. РГА ВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 29, л. 110—111; ИРТО, т. 1, с. 33.
10. Подробный анализ инструкции Петра I предприняли В. Фишер, Н.Н. Болховитинов и Б.П. Полевой. См.: ИРА, с. 53—56.
11. Данный факт подтверждается выявленными автором документами в испанских архивах. Данные материалы находятся в стадии обработки, планируется их введение в научный оборот. См., например: Письмо 27 июля 1773 г. Букарели (Вице-король Мексики) Арильяге (испанскому губернатору Верхней Калифорнии). Estado 20 (1) Sevilla A.G.I., переписка испанских властей о русских экспедициях на север Тихого океана: Estado 4289 Exp.1 Madrid A.H.N.
12. КУШНАРЁВ Е.Г. В поисках пролива. Л. 1976, с. 152; National archives of Finland. Svenska Forsamlingen i Wiborg. Vigde 1713; РГА ВМФ, ф. 212, оп. 11, д. 667, л. 28—29; ф. 216, оп. 1, д. 88, л. 12об.
13. Там же, ф. 212, оп. 11, д. 212, л. 107об.
14. ИРТО, т. 1, с. 36—40.
15. Там же, с. 43.
16. По всей видимости, речь идет о волоке от Юдомского креста до реки Урак.
17. ИРТО, т. 1, с. 43.
18. НОВЛЯНСКАЯ М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. Л. 1970, с. 125.
19. ИРТО, т. 1, с. 42, 45—46; РГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 88, л. 52об.
20. ПОЛОНСКИЙ А.С. Первая Камчатская экспедиция 1725—1729. Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1850, ч. VIII, с. 548—549; КУШНАРЁВ Е.Г. Ук. соч., с. 33.
21. На картах XVII—XVIII вв. места, где можно организовать волок между реками, обозначали крестами.
22. ИРТО, т. 1, с. 28—30, 46, 283—286; СГИБНЕВ А.С. Большой Камчатский наряд. — Морской сборник. 1868, № 12; Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 9, отд. II, д. 43, л. 374; Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке. XVII—XVIII вв. М. 1964, № 56.
23. РГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 88, л. 101об.—102, 108; ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 11, 119об.; ИРТО, т. 1, с. 54.
24. РГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 88, л. 112; ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 14; ИРТО, т. 1, с. 55.

25. РГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 88, л. 113.
26. Там же, л. 115, 118, 119об.; ИРТО, т. 1, с. 56—59.
27. РГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 88, л. 100; д. 110, л. 12.
28. Там же, д. 110, л. 21об.
29. ИРТО, т. 1, с. 66.
30. Там же.
31. Журналы Первой Камчатской экспедиции..., с. 84—90.
32. РГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 88, л. 225; д. 110, л. 60; ИРТО, т. 1, с. 67—69.
33. ПШЕНИЧНЫЙ И.П. Бот «Св. Гавриил». — Гангут. 1993, № 6, с. 7—9.
34. ПОЛОНСКИЙ А.С. Ук. соч., с. 535; БЕРГ Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725—1742. М.-Л. 1946, с. 88—89; КУШНАРЁВ Е.Г. Ук. соч., с. 8—11; ПАСЕЦКИЙ В.М. Витус Беринг. М. 1982, с. 16; FISHER R. Bering's Voyages; Whither and Why. Seattle. 1977, p. 187—202; БЕЛОВ М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. М. 1956, с. 258; ГРЕКОВ В.И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М. 1960, с. 20—21; ПОКРОВСКИЙ А.А. Экспедиция Беринга. М. 1941, с. 25; АНДРЕЕВ А.И. Экспедиция Беринга. — Известия Всесоюзного географического общества. 1943, т. 75, вып. 3, с. 31; ЛЕБЕДЕВ Д.М. География в России Петровского времени. М.-Л. 1950, с. 94; ПОЛЕВОЙ Б.П. Пётр Первый. Николай Витсен и проблема «сошлася ли Америка с Азией». — Страны и народы Востока. 1975, вып. XVII, кн. 3, с. 30.
35. ИРТО, т. 1, с. 35, 290; БЕРГ Л.С. Ук. соч., с. 50—54; МИЛЛЕР Г.Ф. Сочинения и переводы. СПб. 1758, ч. I, с. 104.
36. Журналы Первой Камчатской экспедиции..., с. 113.
37. РГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 49об.
38. Там же, ф. 216, оп. 1, д. 87, л. 227; ИРТО, т. 1, с. 84.
39. РГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 50.
40. Там же, ф. 216, оп. 1, д. 87, л. 228; ИРТО, т. 1, с. 85.
41. Журналы Первой Камчатской экспедиции..., с. 120.
42. ИРТО, т. 1, с. 86; РГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 57об.; ф. 216, оп. 1, д. 14, л. 158.
43. ИРА, т. 1, с. 58—59.
44. РГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 59; По данным Чаплина в экспедиции приняло участие 78 человек, см.: Журналы Первой Камчатской экспедиции..., с. 167.
45. РГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 110, л. 99; ИРТО, т. 1, с. 88.
46. РГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 61.
47. Там же, ф. 216, оп. 1, д. 110, л. 99; ИРТО, т. 1, с. 88.
48. РГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 2, л. 74.
49. Журналы Первой Камчатской экспедиции..., с. 25.
50. Там же, с. 268.
51. Там же, с. 167.
52. Там же, с. 268.
53. РГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 110, л. 45об.
54. ИРТО, т. 1, с. 88.
55. ВОЗГРИН В.Е. Витус Йонассен Беринг. В кн.: Страны и народы Востока. Вып. XVII, кн. 3, с. 34—35; ИРТО, т. 1, с. 290.
56. РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 35, л. 283—288; ИРТО, т. 1, с. 94—96.
57. ИРТО, т. 1, с. 96.
58. ИРА, т. 1, с. 59.
59. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Л. 1968, с. 344.
60. РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 35, л. 289—291; ИРТО, т. 1, с. 97.
61. РГАДА, ф. 248, оп. 17, д. 1089, л. 789.
62. Там же.

КНЯЗЬ ВЯЧКО

А.Н. Нестеренко

Аннотация. Удельного куkenойского князя Вячко его современник, автор Ливонской хроники Генрих, описывает как разбойника, клятвопреступника и убийцу. Отечественная историография представляет Вячко как героического воина, символизирующего совместную борьбу русского и прибалтийских народов с «католической агрессией».

Ключевые слова: князь Вячко, Ливония, епископ Альберт, Орден Меченосцев, Ливонская хроника Генриха, полоцкое княжество, эсты, Дерпт, Новгородская феодальная республика.

Abstract. Prince Vyachko, his contemporary, the author of the Livonian Chronicle Heinrich, describes as a robber, perjurer and murderer. Domestic historiography represents Vyachko as a heroic warrior, symbolizing the joint struggle of the Russian and Baltic peoples with «Catholic aggression».

Key words: Prince Vyachko, Livonia, Bishop Albert, Order of the Swordsmen, The Livonian Chronicle of Henry, Polotsk principality, Estes, Dorpat, Novgorod feudal republic.

Об удельном князе Вячко в русских летописях содержится только одно упоминание — краткое сообщение Новгородской первой летописи о том, что в 1224 г. он был убит немцами в Юрьеве ¹. Поэтому все, что нам известно об этом князе, основано на сообщениях Хроники Ливонии Генриха Латыша (ЛХГ) ². Без этого источника невозможно было бы установить, кем был Вячко, как он оказался в Юрьеве и как погиб.

В отечественной историографии, начиная с В.Н. Татищева, назвавшего Вячко мужественным и мудрым воином, этого князя принято представлять героем и символом совместной борьбы русских и эстов против «крестоносной агрессии» ³. В этом качестве он был за-

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. E-mail: rockwool@list.ru.

Nesterenko Alexander N. — candidate of philosophical sciences, associate professor at the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman. E-mail: rockwool@list.ru.

печатлен в бронзовом памятнике «Князь Вячко и старейшина Меэлис, отдавшие свои жизни при обороне Тарту в 1224 году», скульптура Олаве Мянни, установленном в Тарту в 1980 г. в честь 950-летия со дня основания города Ярославом Мудрым.

Автор Хроники Ливонии Генрих, наоборот, представляет Вячко разбойником и убийцей и, считая его одним из самых опасных преступников, называет «корнем всякого зла в Ливонии»⁴.

Из описания событий, связанных с именем Вячко в ЛХГ, можно составить образ типичного удельного князька времен расцвета на Руси периода феодальной раздробленности. Главным занятием, служившим основным источником доходов князя и его дружины, были военные набеги с целью грабежа. В этом смысле деятельность Вячко может служить еще одной иллюстрацией концепции Мансура Олсона, рассматривавшего его как «оседлого (stationary) бандита»⁵. Вячко обложил данью местных жителей в обмен на их защиту от других «бандитов», выступив в качестве «покровителя тех, кого он грабит»⁶.

О происхождении князя доподлинно неизвестно. Гипотетическая дата его рождения заключается между 1175 и 1180 годом⁷.

По версии Татищева, основанной на пересказанной им легендарной «повести о Святохне», Вячко был сыном полоцкого князя Бориса Давыдовича⁸. Легенда о Святохне — классический литературный сюжет о злой мачехе, которая помыкает своим простодушным и инфантильным мужем, стремясь получить преференции для родного дитя за счет приемных.

Согласно этой легенде, от первого брака у Бориса было двое сыновей: Василько и Вячко. Овдовев, он женился во второй раз на Святохне, дочери поморского князя Казимира, которая родила ему сына Владимира (Войцеха). Святохна хотела, чтобы княжеский престол в Полоцке наследовали не пасынки, а ее родной сын. Но это было невозможно при жизни старших сыновей полоцкого князя. Поэтому княгиня задумала их погубить и для начала уговорила мужа удалить княжичей в уделы на реке Двине. Затем Святохна укрепила свою власть в Полоцке, назначив на должности тысячного и посадников своих земляков. Полочане, недовольные засильем поморян, стали требовать от князя изгнания чужеземцев и возвращение в Полоцк

его старших сыновей. Борис уже готов был послать за сыновьями, но коварная княгиня, боясь лишиться власти, попыталась уничтожить пасынков и их сторонников руками самого полоцкого князя. Она сфабриковала письмо от лица полоцких бояр к сыновьям Бориса, в котором они призывали старшего из них Василия прийти в Полоцк, занять престол, а мачеху с сыном и поморянами убить.

Оклеветанные Святохой бояре, призванные на княжеский двор для объяснений, были убиты поморянами по ее приказу, несмотря на попытку Бориса остановить кровопролитие.

На следующее утро было собрано вече, на котором народу объявили, что бояре были казнены за то, что ночью пытались убить князя, придя с оружием в его дом. Возбужденные этим известием полочане разгромили дома погибших бояр, а их жен и детей убили или изгнали.

Княжич Василий, узнав о гибели полоцких бояр, которые были его сторонниками, хотел немедленно ехать в Полоцк. Но его отговорил один из его приближенных, рассказав о грозившей Василию опасности. В Полоцк послали письмо с призывом к народу постоять против иноземцев «за веру и землю Русскую». На тайной встрече сторонники Василия и Вячко договорились «князьям своим помогать, а поморян изгнать или погубить» и стали склонять к этому горожан. Им удалось собрать вече, на котором зачитали письмо от княжича. Рассвирепевший народ схватил княгиню и заключил ее под стражу. Ее сторонники были убиты или изгнаны из Полоцка.

Хотя версия, относящая Вячко к полоцкой или смоленской ветви Рюриковичей, наиболее распространена в отечественной историографии, она противоречит фактам⁹. Во-первых, согласно Татищеву, события, описываемые в «повести о Святохне», происходили в 1217 г., в то время как Вячко, согласно ЛХГ, покинул свой удел Кукенойс, расположенный на Двине, в 1208 г. и больше туда не возвращался. Во-вторых, ЛХГ указывает, что во времена княжения Вячко в Кукенойсе полоцким князем был не Борис, а Владимир (Woldemar de Ploseke), который занимал княжеский престол как минимум с 1184 по 1216 год.

Мачей Стрыйковский утверждал, что в 1573 г. он видел камень под Полоцком на Двине с надписью «Помоги Господи рабу своему, Борису сыну Гинвилу!»¹⁰ На этом основании можно предположить, что после смерти Владимира в 1216 г. полоцкий престол занял Борис — сын литовского князя Гинвила. Вячко приходился ему не сыном, а зятем или шурином¹¹.

Первое упоминание «короля» Вячко (Vetseke) в ЛХГ относится к 1205 году¹². Из этого сообщения следует, что он княжил в Кукенойсе (соврем. Кокнесе в Латвии), расположенном на берегу Даугавы, на границе полоцкого княжества с землями ливов и леттов. Узнав о том, что рядом с границами его владений поселился большой отряд латинских пилигримов, Вячко послал к ним гонца с предложением о переговорах.

Миротворческая инициатива Вячко скорее всего была вызвана тем, что он вместе со своим сюзереном, полоцким князем Владимиром, участвовал в первом нападении на ливонские земли в 1203 г., и формально стороны продолжали находиться в состоянии войны. Та-

кой вывод следует из того, что ЛХГ не упоминает о том, что после того как полоцкие дружины покинули ливонские владения, на которые внезапно напали, стороны начали мирные переговоры¹³. Вячко, очевидно, решил, что появление пилигримов всего в трех милях от границ его владений означает начало военных приготовлений для нанесения ответного удара, и поспешил заявить о готовности заключить мир.

На последующей встрече Вячко с главой ливонской церкви епископом Альбертом стороны заключили «прочный мир», после чего Вячко «радостно возвратился к себе». При этом хронист не преминул заметить, что мир оказался совсем не прочным и продолжался недолго¹⁴. Действительно, уже через год полоцкий князь в очередной раз напал на ливонские владения. Вячко тоже должен был принять участие в этом походе: во-первых, как вассал полоцкого князя, во-вторых, в силу того, что его владения находились на границе с Ливонией и, следовательно, дружины из Полоцка должны были пройти через них.

Все происходившее в дальнейшем было обусловлено контекстом отношений Полоцка и Риги. Полоцкий князь Владимир разрешил в 1184 г. первому епископу ливонскому Мейнарду крещение ливов и леттов, исходя из соображений выгоды: ливонская церковь взяла на себя обязательства по сбору налогов с обращенных в христианство язычников. Полоцкое княжество, которое распалось на несколько уделов, не располагало силами, чтобы принудить ливов и леттов к регулярной выплате дани. Поэтому князь Владимир не только охотно принял предложение Мейнарда, но и преподнес ему дары, подчеркивая свое полное одобрение его миссии¹⁵.

Когда полоцкий князь увидел, что немецкая колония за двадцать лет разбогатела, он решил, что может захватить ее под предлогом защиты притесняемых немцами ливов и леттов, надеясь, что только что основанная и еще не укрепленная Рига станет легкой добычей объединенных сил русских князей и прибалтийских племен. Реализации этого плана благоприятствовало то, что ежегодно правитель Ливонии епископ Альберт отправлялся с отслужившими свой срок пилигримами в Германию чтобы привлечь новых. Во время его отсутствия в случае нападения врага ливонцы могли рассчитывать только на свои немногочисленные силы.

С.М. Соловьёв объяснял агрессию со стороны Полоцка тем, что князь полоцкие «привыкли ходить войной на чужь и брать с нее дань силой, если она не хотела платить ее добровольно. Точно так же хотели теперь действовать против немцев»¹⁶.

Первая неудачная попытка нападения на немецкую колонию не остановила Владимира. Когда в очередной раз епископ Альберт убыл с пилигримами в Германию, полоцкий князь по просьбе ливов, которые прислали к нему гонцов, собрав большое войско, выступил в поход на Ригу (1206 г.). «Слушаясь их зова и советов, король [полоцкий князь Владимир] собрал войско со всех концов своего королевства, а также от соседних королей, своих друзей, и с великой храбростью спустился вниз по Двине на корабле»¹⁷. Союзники осадили первый ливонский форпост на их пути — замок Гольм. Немецкие воины, которых в укреплении было всего двадцать, «боясь предатель-

ства со стороны ливов, которых много было с ними в замке, днем и ночью оставались на валах в полном вооружении, охраняя замок и от друзей внутри и от врагов извне»¹⁸.

Генрих констатирует, что в данной ситуации «если бы продлились дни войны, то едва ли рижане и жители Гольма, при своей малочисленности, могли бы защититься». Но, к счастью для рижан, Владимир проявил нерешительность, и это спасло их от неминуемого разгрома. Разведчики донесли Владимиру, что «все поля и дороги вокруг Риги полны мелкими железными трехзубыми гвоздями; они показали королю несколько этих гвоздей и говорили, что такими шипами тяжко исколоты повсюду и ноги их коней и собственные их бока и спины. Испугавшись этого, король не пошел на Ригу»¹⁹. А тут еще в море появились корабли. Опасаясь, что это идет подмога немцам, полоцкий князь снял осаду с Гольма, который безуспешно осаждал одиннадцать дней, и возвратился в свои владения.

Отступление Владимира вынудило Вячко второй раз искать мира с победителями. В 1207 г., когда из Германии вернулся епископ Альберт, Вячко отправился к нему. Несмотря на то, что он был виновен в нарушении мирного договора, заключенного по его же инициативе в 1205 г., кукенойский князь был принят в Риге на правах почетного гостя²⁰.

В ходе своего визита князь Вячко предложил епископу Альберту половину своих владений в обмен на помощь против нападений литовцев. Предложение было принято, и Вячко после многих дней пребывания в доме епископа вернулся домой с дарами и обещаниями помощи людьми и оружием²¹. Видимо уступка половины владений была компенсацией, которую Вячко должен был заплатить за участие в нападениях на Ливонию.

Однако, несмотря на приписываемое Генрихом стремление епископа Альберта подружиться с Вячко, из этого ничего не получилось. Кукенойский князь вынашивал планы реванша, а немцы воспринимали его как непримиримого врага, который вынужден был покориться силе и затаился, ожидая удобного момента для очередного нападения. Свидетельством этого стал также конфликт князя Вячко с ливонским рыцарем Даниилом, владения которого находились по соседству и людям которого, согласно ЛХГ, он «причинял много неприятностей и, несмотря на неоднократные увещевания, не переставал их беспокоить»²².

Однажды ночью люди Даниила внезапно захватили Кукеной (1208 г.). Вячко попал в плен²³. Даниил, «желая выслушать совет епископа об этом деле», послал в Ригу сообщение о случившемся. Епископ Альберт не воспользовался удачным моментом и решил привлечь врага на свою сторону благородством и добротой. Как пишет Генрих, он «был очень огорчен и не одобрил сделанного, велел вернуть короля в его замок и возвратить ему все имущество, затем, пригласив короля к себе, с почетом принял его, подарил ему коней и много пар драгоценной одежды»²⁴.

В Риге Вячко вновь принимали «самым ласковым образом», угощали князя и его людей и решив, что конфликт между ним и Даниилом закончился, «с радостью отпустил его домой». Рижский епископ «помня также о том, что обещал королю, когда принимал от него

половину замка», послал в Куkenойс за свой счет двадцать рыцарей и арбалетчиков, а также каменщиков, «чтобы укрепить замок и защитить его от литовцев. С ним возвратился в Куkenойс и король [Вячко], веселый по внешности, но с коварным замыслом в душе²⁵. Будучи уверенным в том, что Альберт с пилигримами отбыли в Германию, и в Риге осталось мало людей, Вячко «не мог далее скрывать в душе свои вероломные козни»²⁶.

Дождавшись удобного момента, когда немцы рубили камень во рву для постройки замка, сложив свое оружие наверху и, не ожидая нападения, «не опасаясь короля, как своего отца и господина», Вячко со своими людьми напал на безоружных немцев²⁷. Из двадцати человек уцелело только трое.

Возможно, в Куkenойсе были те, кто сочувствовал жертвам нападения и помог им бежать. Чудом избежавшие смерти сумели добраться до Риги и сообщить о случившемся. Впрочем, Вячко и не старался скрыть следы своего преступления. Рассчитывая внушить немцам ужас, он приказал трупы убитых бросить в Двину, чтобы течением их принесло в Ригу.

Захваченное оружие, коней и доспехи Вячко послал полоцкому князю, «а вместе с тем просил и советовал собрать войско как можно скорее и идти брать Ригу, где, сообщал он, осталось мало народу, причем лучшие убиты им, а прочие ушли с епископом»²⁸.

На что надеялся Вячко, обращаясь в Полоцк, если предыдущие события показали, что Владимир — нерешительный и ненадежный союзник? Необдуманый поступок Вячко скорее напугал полоцкого князя, чем побудил его немедленно выступить против Риги. Впрочем, ЛРХ сообщает о том, что, получив известия о событиях в Куkenойсе, «Владимир с излишней доверчивостью созывает всех своих друзей и людей своего королевства»²⁹. Но никаких активных действий полоцкий князь так и не предпринял.

Скорее всего, поступок Вячко был спонтанным, и он заранее не согласовал с Полоцком планы нападения на ливонцев. Кроме того, его уверенность в том, что Альберт покинул Ригу, оказалась напрасной. Епископ случайно задержался и, узнав о событиях в Куkenойсе, призвал приготовившихся к отплытию на родину пилигримов вернуться, «обещая за большие труды их долгого пилигримства большее отпущение грехов и вечную жизнь». «В ответ на это триста человек из лучших снова приняли крест и решились вернуться в Ригу — стать стеной за дом господень»³⁰. Сверх этого Альберт нанял за плату еще какое-то количество воинов. Со всей Ливонии в Ригу собирались вооруженные люди для похода на Куkenойс.

Узнав об этом и так и не дождавшись подмоги из Полоцка, Вячко со своими сторонниками, «боясь за себя и за свой замок, зная, что поступили дурно, и, не смея дожидаться прихода рижан в замок, собрали свое имущество, поделили между собой коней и оружие тевтонов, подожгли замок Куkenойс и побежали каждый своей дорогой». Местные жители попрятались по окрестным лесам, а Вячко, «зная за собой злое дело, ушел в Россию, чтобы никогда больше не возвращаться в свое королевство»³¹.

Покинув Куkenойс, он бежал или к литовцам, или в новгородские земли. Гипотеза о том, что Вячко нашел убежище в Полоцке,

ничем не подтверждается ³². Если бы это было так, то Рига непременно потребовала бы у полоцкого князя выдачи Вячко и, скорее всего, это требование было бы им удовлетворено. Полоцк уже не рисковал портить отношения с Ригой. В 1212 г. Владимир признал свое поражение, заключив с епископом Альбертом мир, по которому отказывался от дани с Ливонии. Видимо он даже был вынужден признать себя вассалом рижского епископа, так как ЛРХ сообщает, что он называл Альберта своим «духовным отцом», а тот принял его как «сына», что означает признание не только вассальной зависимости, но и подчинение католической церкви ³³.

До 1223 г. о Вячко сведений нет. Возможно, следующие годы он провел в качестве князя-изгоя, участвуя со своей дружиной в походах псковичей и новгородцев «на чудь», которые они устраивали практически каждый год. С 1210 по 1222 г. новгородская летопись сообщает о пяти крупных походах в Эстонию (в 1210, 1212, 1217, 1218, 1222 гг.).

В свою очередь Орден меченосцев в 1210 г. начал покорение Эстонии. Формальной причиной начала войны против племен эстов стали претензии братьев-рыцарей к эстам Угаунии (историческая область на юго-востоке современной Эстонии с городами Тарту и Отепя и название одного из союзов племен эстов). Началась ожесточенная война, которая велась с неслыханной жестокостью ³⁴.

Походы новгородцев и псковичей на земли эстов, которые активно возобновились при Мстиславе Удалом, заставляли их объединиться против общего врага с ливонцами. В 1217 г. в ответ на нападение новгородцев на Одемптэ совместное войско эстов и ливонцев razорило окрестности Новгорода ³⁵.

Так как Орден Меченосцев, который был основан епископом Альбертом для защиты ливонской церкви и был ее вассалом, начал завоевание Эстонии в собственных интересах, Рига решила привлечь к этой войне Данию. Рижский епископ надеялся, что, одержав победу, датский король передаст завоеванные земли ливонской церкви, удовлетворившись славой и отпущением грехов ³⁶.

В 1218 г. епископ Альберт лично прибыл к королю датскому Вальдемару II и «убедительно просил его направить в следующем году свое войско на кораблях в Эстонию, чтобы смирить эстов и заставить их прекратить нападения совместно с русскими на ливонскую Церковь» ³⁷. Вальдемар II охотно согласился помочь Риге в богоугодном деле крещения язычников. В 1219 г. датское войско под предводительством короля высадилось в «Ревельской области».

Одержав победу над эстами в последующей битве, датчане основали на месте городища эстов крепость Ревель. Но вместо того, чтобы передать завоеванное ливонской церкви, король Дании объявил, что теперь Эстония и Ливония должны подчиниться его власти ³⁸. В результате сложилась ситуация, когда все воевали против всех: эсты — против иноземных захватчиков, Орден Меченосцев, датчане и русские — против эстов и друг против друга. При этом эсты объединялись с русскими — против немцев и датчан, с немцами и датчанами — против русских.

К 1221 г. крещение эстов было закончено. В связи с этим Генрих удовлетворенно констатировал: «И радовалась церковь тишине мира, и славил весь народ господа, который, после множества войн, обра-

тил сердца язычников от идолопоклонства к почитанию бога...»³⁹ Вся Эстония перешла под власть ливонской церкви, Ордена Меченосцев и Дании.

Такое положение, видимо, не устраивало Новгород, рассматривавший земли эстов как сферу своих интересов. В одностороннем порядке расторгнув ранее заключенный с Ригой мирный договор, новгородцы с двадцатитысячным войском, собранным «из Новгорода и из других городов России против христиан», вторглись в пределы Ливонии⁴⁰. «И разграбили они всю страну, сожгли все деревни, церкви и хлеб, лежавший, уже собранным на полях; людей взяли и перебили, причинив великий вред стране»⁴¹.

В ответ ливонцы с эстами напали на новгородские земли, «... сожгли дома и деревни, много народу увели в плен, а иных убили»⁴². Затем эсты приграничной с Псковом земли Саккалы совершили поход против новгородских данников — вожан и ижоров. Эсты вернулись с большой добычей, «наполнив Эстонию и Ливонию русскими пленными, и за все зло, причиненное ливам русскими, отплатили в тот год вдвойне и втройне»⁴³.

Но в январе 1223 г. в Саккале эсты с необычайной жестокостью перебили всех немцев. Генрих, например, сообщал, что у одного священника вырвали сердце и «зажарили на огне и, разделив между собой, съели, чтобы стать сильными в борьбе против христиан»⁴⁴. Восстание распространилось на другие земли. «По всей Эстонии и Эзелю прошел тогда призыв на бой с датчанами и тевтонами, и самое имя христианства было изгнано из всех тех областей»⁴⁵. Эсты призвали на помощь новгородцев и псковичей, расплатившись с союзниками захваченным у немцев и датчан имуществом. Русские гарнизоны разместились в захваченных восставшими замках.

Однако датчанам удалось отразить нападение на Ревель, а ливонцы, собрав восьмитысячное войско, к осени отбили ряд важных замков⁴⁶. Тогда зачинщики этого восстания — старейшины эстов Саккалы — послали на Русь богатые дары, чтобы призвать на помощь «королей русских».

Двадцатичетырехтысячное войско во главе с Ярославом Всеволодовичем вторглось в Ливонию. Подойдя к Дорпту (Юрьев), Ярослав оставил там гарнизон и двинулся в Одэмпе, где поступил так же. Но вместо того, чтобы отправиться дальше на Ригу, он, по совету эстов с о. Эзель, убедивших его, что сначала лучше разбить более слабых датчан, повернул к Ревелю⁴⁷.

«И послушался их король, и вернулся с войском другой дорогой в Саккалу, и увидел, что вся область уже покорена тевтонами, два замка взяты, а его русские повешены в Вилиендэ. Он сильно разгневался и, срывая гнев свой на жителях Саккалы, поразил область тяжким ударом, решил истребить всех, кто уцелел от руки тевтонов и от бывшего в стране большого мора; некоторые однако спаслись бегством в леса»⁴⁸.

Затем Ярослав со своими союзниками эстами осадил один из датских замков. Через четыре недели, понеся большие потери, но не добившись ни малейшего успеха, Ярослав, «разорив и разграбив всю область кругом», был вынужден отступить: «король суздальский в смущении возвратился со всем своим войском в Россию»⁴⁹.

После отступления Ярослава воины Ордена Меченосцев пытались отбить Дерпт, но «не могли по малочисленности взять столь сильный замок»⁵⁰.

В свою очередь из Новгорода, с целью ведения войны против ливонцев, был послан в Дерпт князь Вячко и с ним двести воинов. Бывшему кукенойскому князю был обещан во владение город и все земли, которые он сумеет подчинить. «И явился этот король с людьми своими в Дорпат, и приняли его жители замка с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей»⁵¹.

По словам Костомарова, «Князь Вячко, принявши от Великого Новгорода в управление край, утвердился в Юрьеве, начал показывать притязания на всю Ливонию и посылал отряды требовать дани от соседних краев. В случае отказа он угрожал войной»⁵².

К началу 1224 г. Дерпт, в котором правил Вячко, оставался единственной непокоренной ливонцами и датчанами областью Эстонии, постоянно угрожая стать центром нового восстания⁵³. Поэтому завоевание Дерпта стало главной целью Риги и Ордена Меченосцев. Орден хотел захватить Дерпт без помощи Риги, чтобы сделать его своим владением, и весной 1224 г. предпринял еще одну подобную попытку. Но и она была отбита⁵⁴.

В свою очередь, епископ Альберт направил в Дерпт послов к Вячко, «прося отступить от тех мятежников, что были в замке». Но князь, надеясь на помощь со стороны Руси, отказался покинуть Дерпт⁵⁵. Тогда Альберт собрал «всех принадлежащих к ливонской церкви» в поход на Дерпт. 15 августа 1224 г. ливонские войска подошли к стенам города. Началась его осада.

Для штурма крепости была возведена осадная башня, одновременно начались масштабные земляные работы, чтобы продвинуть ее вплотную к стенам⁵⁶. К Вячко еще раз отправили послов, предлагая «свободный путь для выхода с его людьми, конями и имуществом, лишь бы он ушел из замка и оставил этот народ отступников. Но король, в ожидании помощи от новгородцев, упорно отказывался покинуть замок»⁵⁷.

Упорство Вячко, видимо, объяснялось еще и тем, что он не верил в обещание немцев отпустить его и не покарать за коварное убийство людей епископа Альберта в Кукенойсе.

Кроме того, Дерпт был хорошо оснащенной неприступной крепостью. Вот что пишет о нем Генрих: «... замок этот был крепче всех замков Эстонии: братья-рыцари еще ранее с большими усилиями и затратами укрепили его, наполнив оружием и балистами, которые были все захвачены вероломными. Сверх того, у короля было там множество его русских лучников, строились там еще и различные военные орудия»⁵⁸. Генрих обстоятельно и подробно описывает осаду Дерпта и его штурм. Его информированность, точность в деталях свидетельствуют о том, что автор хроники лично участвовал в этих событиях.

Опасаясь того, что на помощь осажденным придет подмога из Новгорода, ливонцы вели штурм и днем, и ночью. Осажденные отчаянно сопротивлялись. «Не было отдыха усталым. Днем бились, ночью устраивали игры с криками: ливы и лэтты кричали, ударяя меча-

ми о щиты; тевтоны били в литавры, играли, на дудках и других музыкальных инструментах; русские играли на своих инструментах и кричали; все ночи проходили без сна ⁵⁹.

Ливонцы договорились не шадить защитников крепости, мотивируя это тем, что пример обороны Дерпта должен стать уроком для тех, кто задумает восстать против церкви ⁶⁰. О самом Вячко решили: «вознесем надо всеми, повесив на самом высоком дереве» ⁶¹.

Крепость пала внезапно. Как-то под вечер эсты решили сделать вылазку, чтобы поджечь построенную ливонцами осадную башню. Для этого, проделав в стене проем, они стали пускать в нее горящие колеса. В ответ ливонцы бросились в стремительную атаку на крепостной вал. Через проделанную защитниками брешь в стене им удалось ворваться в город. «Когда уже много тевтонов вошло в замок, за ними двинулись лэтты и некоторые из ливов. И тотчас стали избивать народ, и мужчин, и даже некоторых женщин, не шадя никого, так что число убитых доходило уже до тысячи. Русские, оборонявшиеся дольше всего, наконец, были побеждены и побежали сверху внутрь укрепления; их вытащили оттуда и перебили, всего вместе с королем около двухсот человек. Другие же из войска, окружив замок со всех сторон, не давали никому бежать. Всякий, кто, выйдя из замка, пытался пробраться наружу, попадал в их руки. Таким образом, из всех бывших в замке мужчин остался в живых только один — вассал великого короля суздальского, посланный своим господином вместе с другими русскими в этот замок. Братья-рыцари снабдили его потом одеждой и отправили на хорошем коне домой в Новгород и Суздаль сообщить о происшедшем его господам» ⁶².

Надежды Вячко на то, что к нему на помощь придет новгородско-псковская дружина, и он сможет отразить нападение, так и не оправдались. Согласно Генриху, это объясняется тем, что к тому времени, как русское войско готово было выступить, Дерпт уже пал: «Новгородцы же пришли было во Псков с многочисленным войском, собираясь освободить замок от тевтонской осады, но услышав, что замок уже взят, а их люди перебиты, с большим горем и негодованием возвратились в свой город» ⁶³.

По версии Татищева, город был взят немцами не штурмом, а коварством, а сам князь и бояре попали в плен и, несмотря на их «слезные» мольбы, «чтоб яко пленных не губили», были казнены. При этом Татищев упрекает ливонцев, что они поступили не как рабы божии, а как слуги дьявола. Хотя, в данном случае, казнь плененного Вячко и его сторонников скорее следует рассматривать как запоздалую, но адекватную месть за его преступления ⁶⁴.

Сообщение Татищева отличается от рассказа ЛХГ, согласно которому защитники Юрьева мужественно сопротивлялись, а Вячко вместе со своей дружиной героически пал в бою, а не попал в плен, как это утверждает родоначальник отечественной историографии. Впрочем, в данном случае позднейшая историография следует версии ЛХГ, согласно которой гибель Вячко выглядит героической ⁶⁵.

Разорив город, ливонцы, видимо опасаясь нападения со стороны Новгорода, ушли. Однако поскольку новгородцы не делали попыток вернуть город, и между сторонами был заключен мир, то в скором времени они вернулись и отстроили город заново ⁶⁶.

Но на этом история князя Вячко не закончилась. В целях обоснования своих притязаний на ливонские земли потомки немецких рыцарей вели свою генеалогию от русских князей или ливских вождей, древних властителей этих земель ⁶⁷.

Согласно Таубе, Софья, единственная дочь Вячко, была обручена с немецким рыцарем Дитрихом фон Кокенгаузенем. От нее якобы пошел ливонский графский и баронский род Тизенгаузенов ⁶⁸. Представители этого рода оказали значительное влияние на историю Ливонии, Польши, Швеции и России. Один из его известнейших представителей — Фердинанд Тизенгаузен, адъютант и зять фельд-маршала Кутузова, ставший историческим прототипом Андрея Болконского из романа Льва Толстого «Война и мир».

Уроженец Ревеля, он уехал в Петербург, стал офицером и женился на дочери М.И. Кутузова Елизавете Михайловне. В сражении под Аустерлицем 20 ноября 1805 г. подполковник граф Фердинанд Тизенгаузен остановил расстроенный французским огнем и отступавший батальон, подхватил упавшее знамя и увлек солдат в атаку, был тяжело ранен и скончался ⁶⁹.

Одним из потомков рода Тизенгаузен был близкий друг Лермонтова гусар Пётр Павлович Тизенгаузен.

Следует отметить и еще одного представителя этой фамилии, имеющего непосредственное отношение к отечественной историографии. Это историк-востоковед, нумизмат, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по разряду восточной словесности, автор не потерявшего актуальность труда «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» Владимир Густавович Тизенгаузен (1825—1902 г.) ⁷⁰.

Так, спустя столетия, потомки некогда непримиримых врагов внесли вклад в служение общему делу. И в этом заключается главный урок данной истории.

Примечания

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. III. М.-Л. 1950, л. 96.
2. ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Хроника Ливонии. М.-Л. 1938.
3. «... князь Вячек Борисович, яко мудрый и в воинстве храбрый...» ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений. История Российская. Т. III. М. 1994. с. 213.
4. Хроника Ливонии Генриха Латыша (ЛХГ), с. 236.
5. ОЛСОН М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М. 2012, с. 33—42.
6. Там же, с. 36.
7. ВОЙТОВИЧ Л. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква: Олександр Пшонківський. 2006, с. 293.
8. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 201—204.
9. РАПОВ О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М. 1977, с. 193.
10. STRYJKOWSKIJ M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. T. I. Warszawa. 1846, с. 241—242.
11. ЛХГ, с. 489, примечание 48.
12. Там же, с. 92—93.
13. Там же, с. 85.

14. Там же, с. 93.
15. «Так вот получив позволение, а вместе и дары от короля полоцкого, Владимира (Woldemaro de Ploseke), которому ливы, еще язычники, платили дань, названный священник смело приступил божьему делу, начал проповедовать ливам и строить церковь в деревне Икесколе». Там же, с. 71.
16. СОЛОВЬЁВ С.М. Сочинения. Кн. II. М. 1988, с. 612.
17. ЛХГ, с. 102.
18. Там же, с. 103.
19. Там же.
20. Там же, с. 107.
21. «Проведя в самой дружественной обстановке в доме епископа много дней, он наконец попросил епископа помочь ему против нападений литовцев, предлагая за это половину своей земли и своего замка. Это было принято, епископ почтил короля многими дарами, обещал ему помощь людьми и оружием, и король с радостью вернулся домой». Там же, с. 107—108.
22. Там же, с. 114.
23. «Однажды ночью слуги Даниила поднялись вместе с ним самим и быстро двинулись к замку короля. Придя на рассвете, они нашли спящими людей в замке, а стражу на валу мало бдительной. Взойдя неожиданно на вал, они захватили главное укрепление; отступавших в замок русских, как христиан, не решились убивать, но угрозив им мечами, одних обратили в бегство, других взяли в плен и связали. В том числе захватили и связали самого короля, а все имущество, бывшее в замке, снесли в одно место и тщательно охраняли». Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же, с. 115.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же, с. 116.
32. Там же, с. 489, примечание 48.
33. Там же, с. 153.
34. Один из этапов этой войны Генрих описывает так: «Не имели покоя и сами они, пока в то же лето девятью отрядами окончательно не разорили ту область, обратив ее в пустыню, так что уж ни людей, ни съестного в ней не осталось. Ибо думали они либо воевать до тех пор, пока уцелевшие эсты не придут просить мира и крещения, либо истребить их совершенно». Там же, с. 172.
35. «Жители Унганнии, чтобы отомстить русским, поднялись вместе с епископскими людьми и братьями-рыцарями, пошли в Руссию к Новгороду (Nogardiam) и явились туда неожиданно, опередив все известия, к празднику крещения, когда русские обычно больше всего заняты пирами и попойками. Разослав свое войско по всем деревням и дорогам, они перебили много народа, множество женщин увели в плен, угнали массу коней и скота, захватили много добычи и, отомстив огнем и мечом за свои обиды, радостно со всей добычей вернулись в Одемпэ». Там же.
36. Там же, с. 189.
37. Там же.
38. Там же, с. 215.
39. Там же, с. 214.
40. Там же, с. 218.
41. Там же, с. 219.
42. Там же, с. 221.
43. Там же, с. 222.
44. Там же, с. 225.
45. Там же, с. 226.
46. Там же, с. 227—231.
47. Там же, с. 232.
48. Там же.

49. Там же. Новгородская первая летопись сообщает об этом походе так: «Пришел князь Ярослав от брата, и идя со всею областью к Кольване [Ревелю], и повоевав всю землю Чюдскую, а полона приведа без числа, но город не взяли, злата много взяли, и вернулись все здоровы». НПЛ, л. 95об.
50. ЛХГ, с. 232.
51. Там же, с. 232.
52. КОСТОМАРОВ Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М. 1994, с. 220.
53. «... король Вячко (Viesceka) со своими дорпатцами: он был ловушкой и великим искусителем для жителей Саккалы и других соседних эстов». ЛХГ, с. 235.
54. Там же, с. 234—235.
55. И не захотел король [князь Вячко] отступить от них [мятежных эстов], так как, давши ему этот замок с прилегающими землями в вечное владение, новгородцы и русские короли обещали избавить его от нападений тевтонов. И собрались в тот замок к королю все злодеи из соседних областей и Саккалы, изменники, братоубийцы, убийцы братьев-рыцарей и купцов, зачинщики злых замыслов против церкви ливонской. Главой и господином их был тот же король, так как и сам он давно был корнем всякого зла в Ливонии: нарушив мир истинного миротворца и всех христиан, он коварно перебил преданных ему людей, посланных рижанами ему на помощь против литовских нападений, и разграбил все их имущество». Там же, с. 236.
56. Там же, с. 237.
57. Там же, с. 238.
58. Там же, с. 236.
59. Там же, с. 238.
60. «Надо взять этот замок приступом, с бою и отомстить злодеям на страх другим. Ведь во всех замках, донны взятых ливонским войском, осажденные всегда получали жизнь и свободу: оттого другие и вовсе перестали бояться». Там же.
61. Там же, с. 239.
62. Там же, с. 239—240.
63. Там же, с. 240.
64. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 213—214.
65. Например: «Русские воины во главе с Вячко, засев в центральном внутри-крепостном укреплении сражались дольше всех пока не погибли смертью храбрых». История Эстонской ССР. Таллин. 1952, с. 50.
66. У Татищева есть сообщения о неудачной попытке вернуть Юрьев в 1224 г.: «И новгородцы, собрався с войски, пошли и Ливонию на немец, хотяsche Юриев возвратить. И пришед в землю их, не взяв ведомости о войске, разпустили в загонны. А немцы, совокупясь с ливонцы, пришед на новгородцов, многих побили и мало их возвратилось». ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 214.
67. ЛХГ, с. 483, примечание 37.
68. «Многовековая традиция Тизенгаузенов (впрочем, письменно закрепленная только в XVI в.) считает Вячко родоначальником этой семьи». Там же, с. 490, примечание 48.
69. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб. 1844, с.183—184.
70. ТИЗЕНГАУЗЕН В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884. Т. II. М.-Л. 1941.

Правовые компромиссы в земельной политике П.А. Столыпина

Д.В. Ковалёв

Аннотация. В работе рассматривается проблема адаптации столыпинского земельного законодательства к социально-правовым традициям и хозяйственному опыту общинной деревни. Анализ аграрной политики П.А. Столыпина в части преобразования крестьянского землевладения и землепользования показывает, что ее разработка и реализация сопровождалась целым рядом серьезных компромиссов и уступок в пользу общины. Автор приходит к выводу о необоснованности широко распространенного в историографии представления, расценивающего столыпинскую реформу, как бескомпромиссный административный слом общинного строя в интересах индивидуализации аграрной сферы российского государства.

Ключевые слова: Российская империя, П.А. Столыпин, столыпинская аграрная реформа, земельное право, крестьянство, крестьянская община.

Abstract. The article considers the problem of adaptation of Stolypin's land law socio-legal traditions and commercial experience of the communal village. Analysis of the agrarian policy of P. A. Stolypin in terms of transformation of peasant land tenure and land use shows that its development and implementation was accompanied by a number of significant compromises and concessions in favor of the community. The author has come to the conclusion about the groundlessness of widespread in the historiography of performance, to recognise the Stolypin reform as an uncompromising administrative demolition of society in the interests of individualization of the agricultural Russian state's sector.

Key words: Russian Empire, P.A. Stolypin, Stolypin agrarian reform, land law, peasantry, peasant community.

Аграрная реформа П.А. Столыпина, несмотря на столетний опыт научного исследования и обширнейшую историографию, по-прежнему принадлежит к числу наиболее дискутируемых тем в нашей истории. Она вызывает неослабевающий интерес, как судьбоносная попытка модернизации отечественного сельского хозяйства, которая в силу

Ковалёв Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет». Коломна. E-mail: dmitrij-kovalev@yandex.ru.

Kovalev Dmitriy V. — doctor of historical sciences, professor, head of the department at the State University of Humanities and Social Studies. Kolomna. E-mail: dmitrij-kovalev@yandex.ru.

своей незавершенности породила, пожалуй, больше вопросов, нежели позволила разрешить. Поэтому не удивительно, что на страницах бесчисленного множества посвященных ей трудов диапазон мнений и оценок колеблется от восторженной идеализации до утверждений о полном и закономерном крахе. Причем, на основании одного и того же фактического и статистического материала делаются подчас диаметрально противоположные выводы. Но даже в таких условиях многие важнейшие аспекты столыпинского реформирования либо не попадают в поле зрения ученых, либо трактуются в русле устаревших стереотипов, которые явно грешат тенденциозностью и нуждаются в переосмыслении с учетом обновившейся источниковой и методологической базы исторических исследований.

Столыпинские преобразования радикально изменили социально-правовые основы землевладения и землепользования крестьян. Однако представлять эти перемены в виде «административной революции», безоглядно ломавшей все традиционные устои общинной деревни и упразднявшей уже сложившиеся формально-правовые нормы во имя новых приоритетов аграрной политики, было бы, по меньшей мере, необъективно. Между тем, исследователи при оценке значения реформы Столыпина в большинстве своем делают особый акцент именно на ее антиобщинные аспекты. Лишь в начале нынешнего столетия увидели свет монографические труды, представляющие более объективный взгляд как на столыпинское земельное законодательство в целом, так и на отдельные стороны его практической реализации¹. В частности, автор одного из них, известный тульский ученый, признанный знаток истории крестьянской общины О.Г. Вронский, отмечает принципиальные компромиссы указа 9 ноября 1906 г. в отношении общины. Так, исполнение наиболее конфликтной, по общему признанию, статьи 12 указа, предоставлявшей владельцу укрепленных полос право требовать выделения причитающейся ему земли к одному месту, допускалось лишь в случае общего передела. В отсутствие такового общество могло компенсировать заявителю стоимость земли деньгами «по взаимному соглашению», а при несогласии — по оценке, устанавливаемой волостным судом. Чрезвычайно затруднялась и процедура перехода общества на отруба в полном составе: для этого требовалась поддержка двух третей крестьян, имевших право голоса на сходе. «Если бы правительство, — пишет исследователь, — действительно вступило на путь повсеместной ликвидации общинного землевладения, то оно должно было ввести в закон требование обязательного выдела наделной земли к одному месту, а также предельно упростить процедуру выхода из общины отдельных хозяев и целых обществ»². Но очевидно, что законодатель в данном случае стремился обеспечить относительный баланс земельных интересов общинного большинства и выделенцев, без чего реформа теряла сколько-нибудь определенную перспективу и могла превратиться в «землерасстройство». По-видимому, связанные с этим опасения побуждали во многом адаптировать государственное законодательство к нормам корпоративного общинного права и даже к принципам права традиционного.

Правовые уступки общине и учет особенностей крестьянского правосознания еще более проявляются в процессе дальнейшего тол-

кования законодательных норм. Данный сюжет прежде почти не затрагивался исследователями, а если и попадал в их поле зрения, то обычно трактовался как латание дыр в законодательстве и маскировка его несовершенств. Между тем, недостаточное внимание к этой стороне столыпинского аграрного реформирования не только упрощает, но и в значительной степени искажает реальное содержание земельной политики государства, безапелляционно противопоставляя ее хозяйственным традициям русской деревни.

Предметом непрекращающихся споров остается также обоснованность статьи 1 закона «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении» (14 июня 1910 г.), которая признавала всех крестьян в беспередельных (не переделявших землю) общинах собственниками своего надела. Новоиспеченные единоличники получали удостоверительные акты о праве собственности непосредственно от землеустроительных комиссий, минуя сход. Авторам этой статьи инкриминируется стремление искусственно перевести все надельные земли в разряд подворно-наследственного владения. Думается, впрочем, что подобная точка зрения вряд ли адекватна реалиям. В противном случае, Столыпин не стал бы настаивать на отказе от признания подворно-наследственными и тех общин, которые не проводили коренных переделов земли за последние 24 года³. Напротив, полное отсутствие переделов в общине, начиная с 1861 г., являлось, скорее всего, достаточно веским основанием для перевода всех домохозяев в разряд собственников автоматически. Ведь столыпинская реформа дала мощный импульс к взрывному росту передельных приговоров, пик которого в большинстве губерний был отмечен именно в начальный период реформирования. В условиях нового земельного законодательства они зачастую становились неизбежными, поскольку укрепление надела в личную собственность и единоличное землеустройство так или иначе затрагивали интересы всего «мира»⁴. И если в течение нескольких лет проведения реформы, как и в предшествующую эпоху, община не считала нужным перераспределять землю, то следовательно домохозяева, входившие в ее состав, фактически уже находились на положении подворных владельцев, на что справедливо указывали А.М. Анфимов и В.Г. Тюкавкин⁵. Тем самым статья 1 лишь юридически фиксировала реальное положение вещей. «Закон этот, — справедливо отмечал Столыпин, обращаясь к членам Госсовета, — не только проверен теоретически рассуждениями специалистов, он четвертый год проверяется самой жизнью, и правительству не приходится пробивать ему дорогу в законодательных учреждениях»⁶.

Еще более убедительным доводом в пользу того, что правительство не ставило перед собой цель любыми средствами сокрушить общинное землевладение, можно считать условия правоприменения рассматриваемой статьи. Так, уже в ближайшие месяцы после принятия закона 14 июня 1910 г. Министерство внутренних дел выпустило целый ряд распорядительных актов, существенно ограничивших действие закона в интересах общины. Как следовало из министерских разъяснений, статья 1 не распространялась на общества, где переделы производились, пусть и без соблюдения надлежащих процедурных формальностей, и — если составленные передельные приговоры не

были утверждены Уездным съездом, как этого требовал закон. Не имела силы она даже в тех случаях, когда такие приговоры вообще отсутствовали в письменном виде ⁷.

Казалось бы, столь расширительное толкование одного из ключевых положений закона выглядит не вполне последовательным с точки зрения аграрной стратегии государства и принципов формального права. Но подобного рода подход как раз и был продиктован корректностью в отношении традиций общинного землепользования.

Земельные интересы общины должным образом учитывались и при решении такой острой проблемы, как укрепление земли домохозяевами, постоянно проживающими вне своей родной деревни. По мнению идейных оппонентов Столыпина, переход в собственность «отсутствующих» членов общества наделных земель, впоследствии ставших объектом коммерческой сделки, по сути, являлся расхищением крестьянского земельного фонда. Тем самым реформа, якобы, полностью игнорировала фундаментальные принципы, лежавшие в основе нормативного регулирования крестьянского землевладения. С подобной логикой трудно согласиться, зная, что столыпинское правительство, приступая к реформе, одну из главных своих целей видело в сохранении наделных земель за крестьянским сословием и после изменения формы собственности, о чем справедливо пишет Тюкавкин ⁸. Ведь до прихода Столыпина вопрос о правовом статусе укрепленных наделов оставался открытым, и окончательно позиция кабинета определилась лишь накануне реформы, когда в проекте будущего Указа 9 ноября 1906 г. укрепленная земля была признана личной собственностью. Благодаря этому обеспечивалось сохранение сельхозугодий за земледельческим населением: укрепленную землю допускалось продавать только лицам крестьянского сословия, а закладывать исключительно в Крестьянском поземельном банке. Позже в законе 14 июня 1910 г. указанные правила дополнило ограничение покупки и получения земли в дар одним крестьянином шестью душевыми наделами в пределах одного уезда. Таким образом, столыпинское земельное законодательство воздвигало серьезные барьеры на пути к спекуляциям укрепленной наделной землей и ее чрезмерной мобилизации в одних руках.

В данной связи категоричное суждение о продаже укрепленного надела, в особенности, «горожанами», как о «расхищении наделных земель», явно искажает реальную картину. Тем более, что подобный вердикт должен опираться на весьма солидную фактологическую базу, прежде всего, в части статистики. Сообщения же прессы (главным образом, оппозиционной и потому тенденциозной), хотя и не единичны, но никак не могут служить основанием для широких обобщений.

Позиция общины в отношении землепользования отсутствующих членов также не была однозначной. Если они оставались не менее добросовестными налогоплательщиками, нежели остальные домохозяева, то их права на наделную землю, как правило, не ставились под сомнение. Да и в принципе разрешение на длительное удаление из деревни мог получить лишь «исправный» крестьянин, за коим не числилось недоимок или других провинностей. Вносимые им подати, размер которых, прежде всего, обуславливался величиной надела, таким образом оправдывали претензии на землю даже в случае посто-

янного проживания вдали от родины. В то же время лиц, не исполнивших свои фискальные обязательства перед «миром», не обновлявших паспортов и не поддерживавших связей с родной деревней, сход обычно стремился исключить из земельного передела. Утрачивая право пользования надельной землей, общинник соответственно лишался оснований для заявления требований об укреплении ее в собственность⁹. Соответствующие указания были даны Министерством внутренних дел уже 7 июля 1907 г.: «отсутствующие домохозяева, которые не сохранили в своем пользовании наделов, или не получили таковых при последнем общем переделе, приобретают право на укрепление за ними части общинной земли в личную собственность только тогда, когда они вновь будут наделены землею обществом»¹⁰. Тем же принципом, кстати, руководствовался и Сенат в своем, хорошо известном среди историков, разъяснении от 28 сентября 1910 г. о земельных правах «отсутствующих» общинников, подтверждавшем возможность укрепления ими земли, хотя бы сдаваемой в аренду или передаваемой на иных условиях прочим лицам. Этот документ вовсе не вносил, как принято считать, запоздалые коррективы в порядок укрепления надельных земель, а лишь уточнял отдельные правовые казусы вслед за предшествующими толкованиями Сената и МВД.

Если «мир» сохранял землю за проживающими на стороне общинниками, то и закон, который открывал им путь к утверждению собственности на свой надел, можно признать достаточно адекватным и последовательным. Хотя, крестьянство в массе своей считало главным (а часто и единственным) основанием права на землю ее производительное использование. Не составляли исключения и земледельцы, порвавшие с общиной. Так, крестьянин-писатель из Волоколамского уезда С.Т. Семёнов, являвшийся убежденным сторонником указа 9 ноября и разделявший его основополагающую идею — о праве личной собственности крестьянина на свой надел, все же не одобрял возможности укрепления сельхозугодий «нехозяйственными крестьянами», когда «ни за что ни про что награждаются люди, ничего не сделавшие для этой земли»¹¹.

Конечно, мнение крестьян о правомерности тех или иных действий власти отнюдь не всегда совпадало с логикой действовавшего законодательства. По обоснованной оценке М.Д. Карпачёва, общегражданское право оставалось для деревни «чужим, часто даже враждебным»¹². Но в ходе разрешения подобного рода противоречий власти не только сообразовывали свои действия со сложившейся традицией, но и в значительной степени опирались на нее. Так, при разбирательстве жалоб «отсутствующего» домохозяина на отказ общества вернуть ему надел учитывались условия, на которых земля была передана общине жалобщиком (срок, добровольность и проч.)¹³. Не случайно и Указ 9 ноября 1906 г., и последующие нормативно-правовые акты (прежде всего, подзаконные) в урегулировании земельных прав делают акцент именно на «фактическом пользовании», а не на формально-правовых аспектах.

Вместе с тем, не следует преувеличивать неприятие оседлой частью общины возможности укрепления земли. Достаточно вспомнить о многочисленных примерах того, как община стремилась сохранить в натуре свою землю именно при помощи указа 9 ноября, вынося

приговоры о переходе к личной собственности в полном составе. Хотя, обычно такие действия преследовали цель воспрепятствовать выделам¹⁴. Тем не менее, использование нового закона общинным большинством для защиты своих земельных интересов свидетельствует, что объективно принципы единоличного землевладения в определенной мере были востребованы и теми общинниками, которые встретили реформу враждебно. Кроме того, общине предоставлялось право требовать выделения отрубов всем укрепившимся, и с этой целью, согласно закону 14 июня 1910 г., даже производить досрочные переделы без санкции губернского присутствия¹⁵.

Учет специфики крестьянского землепользования и хозяйственного опыта российской деревни проявился и в осуществлении землеустроительной политики правительства. Традиционным упреком в адрес инициаторов и непосредственных исполнителей реформы стало утверждение о том, что они «пытались приложить единый аршин» ко всей России, разбить крестьянские земли «на квадратики» и т.п., не слишком считаясь со своеобразием различных регионов огромной империи. Но реальный опыт землеустройства и его нормативное регулирование дает все же больше оснований для противоположных выводов.

Один из базовых нормативных актов реформы — «Временные правила о выделе надельной земли к одним местам» — как известно, «наиболее совершенным типом земельного устройства» требовал считать хутор, а при отсутствии условий для его устройства — «сплошной для всех полевых угодий отруб, отведенный особо от коренной усадьбы». Но в зависимости от местных особенностей, которые зачастую делали выдел земли к одному месту нецелесообразным в хозяйственном отношении, предусматривалась (ст. 28) возможность отвода различных угодий и в отдельных участках¹⁶. По мере совершенствования землеустроительной практики она становилась еще более гибкой, приспособляясь к региональной специфике и многообразию условий аграрного производства. Заметим, что вопреки распространенному заблуждению многих критиков реформы, в хозяйственных интересах земледельца допускалась даже известная разрозненность пахотных земель устраиваемого единоличного владения. К примеру, когда отдельные их части были заняты различными ценными культурами, признавалось необходимым нарезать участки в каждой, но с обязательным условием — ликвидировать принудительный севооборот, общий выпас скота и другие явления, нарушающие «право самостоятельного ведения сельскохозяйственных культур». Разъясняя по данному поводу позицию администрации, съезд земских начальников и непрременных членов землеустроительных комиссий Московской губернии, созванный в начале февраля 1910 г., подчеркивал, что «всякий выдел должен иметь в виду одну главную цель — дать выделяющемуся такую форму владения, которая предоставляла бы ему возможность извлекать из своих владений наибольшую пользу», поэтому вопрос о количестве земельных участков, предоставляемых выделенцу, «отходит на второй план»¹⁷.

Приоритетностью хозяйственных интересов крестьянского населения было также обусловлено сохранение при землеустройстве единоличников значительной земельной площади в общем пользовании (до 20% и более)¹⁸. Такая логика в полной мере отвечала и видению

ситуации самим премьером, для которого хозяйственная целесообразность оставалась определяющим критерием даже в случае принудительного разверстания чересполосности смежных земельных владений¹⁹.

Трансформация крестьянского землевладения в ходе столыпинских преобразований неизбежно порождала массу различных проблем в правовой сфере. Опыт их решения, отмеченный рядом серьезных компромиссов по отношению к общине, позволяет оценить позицию властей, в целом, как достаточно взвешенную и прагматичную. В наибольшей степени это отразилось в системе исполнительно-распорядительных актов, при помощи которых аграрное законодательство в определенной степени адаптировалось к утвердившимся нормам корпоративного общинного и обычного права. Тем самым существенно смягчались конфликтные стороны реформирования и вырабатывались наиболее оптимальные пути земельного переустройства. Однако на сегодняшний день этот аспект истории аграрной реформы Столыпина нуждается в дальнейшем, углубленном изучении.

Примечания

1. ВРОНСКИЙ О.Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905—1917). М. 2000; ТЮКАВКИН В.Г. Великоорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. 2001.
2. ВРОНСКИЙ О.Г. Ук. соч., с. 232.
3. Государственный совет. Сессия 5: Стеногр. отчеты. СПб. 1910, с. 1139—1143.
4. ЗЫРЯНОВ П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907—1914 гг. М. 1992, с. 180—181.
5. АНФИМОВ А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881—1904. М. 1980, с. 98; ТЮКАВКИН В.Г. Ук. соч., с. 174.
6. СТОЛЫПИН П.А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906—1911 гг. М. 1991, с. 245.
7. См. разъяснения МВД от 8 и 20 декабря, 27, 29, 23 ноября 1910 года. Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах. СПб. 1916, с. 34.
8. ТЮКАВКИН В.Г. Ук. соч., с. 192.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 826, оп. 1, д. 107, л. 9об.
10. Сборник узаконений и распоряжений по землеустройству и землевладению крестьян. СПб. 1912, с. 513—514.
11. СЕМЁНОВ С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг. 1915, с. 241.
12. КАРПАЧЁВ М.Д. Правосознание крестьянства накануне и в годы Столыпинских аграрных реформ. Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград. 2012, с. 181.
13. Личное крестьянское землевладение в Московской губернии в 1907—1912 гг. М. 1913, с. 38.
14. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА г. Москвы), ф. 369, оп. 4, д. 35, л. 26; СЕМЁНОВ С.Т. Ук. соч., с. 248—367; ЗЫРЯНОВ П.Н. Ук. соч., с. 101.
15. Полный свод законов. 3-е изд. Т. XXX, № 33 743.
16. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ Ю.В. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении СПб. 1911, с. 378.
17. ГА РФ, ф. 826, оп. 1, д. 168, л. 18, 20.
18. ПЕРШИН П.Н. Земельное устройство дореволюционной деревни. Т. 1. М.-Воронеж. 1928, с. 420—437.
19. СТОЛЫПИН П.А. Ук. соч., с. 58.

Тобольские нотариусы в конце XIX — начале XX в.

А.Я. Кодинцев

Аннотация. В исследовании на основе архивных материалов рассматривается конфликт между судебными учреждениями и нотариусами Тобольской губернии в конце XIX — начале XX века. Показывается процесс формирования нотариальной системы в Западной Сибири и ее значение в гражданско-правовом обороте сельскохозяйственных земель.

Ключевые слова: младший нотариус, старший нотариус, окружной суд, нотариальный архив, предварительный договор.

Abstract. In the study based on archival materials, the conflict between judicial institutions and notaries of the Tobolsk province at the beginning of the 20th century is considered. The process of formation of the notarial system in Western Siberia and its significance in the civil-legal turnover of agricultural lands is considered.

Key words: junior notary, senior notary, district court, notary archive, preliminary contract.

Осенью 1910 г. прошли заседания Тобольского окружного суда и Омской судебной палаты, приведшие к скандальной отставке тобольских нотариусов. Своих постов лишились Юденич и Гергардт. Конфликт внутри системы западносибирской юстиции назревал давно, и решения судов привели к чистке среди нотариусов Тобольской губернии.

В 1897 г. в Сибири началась судебная реформа. Было решено распространить на восточные районы страны положения судебных уставов 1860-х годов. Предполагалось ввести судебные палаты, окружные суды, должности мировых судей, судебных следователей, прокуроров, присяжных поверенных и нотариусов. Округа были переименованы в уезды. Реформа была очень быстро введена в Западной Сибири.

Современная историография введения судебной реформы в Сибири насчитывает немалое количество источников. Исследователи изучают особенности внедрения органов юстиции, характеризуют их

Кодинцев Александр Яковлевич — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Сургутского государственного университета. E-mail: Balsak1@yandex.ru.

Kodintsev Alexander Ya. — doctor of law, candidate of historical sciences, professor at the Surgut State University. E-mail: Balsak1@yandex.ru.

деятельность, рассматривают работу почти всех правоохранительных органов. При этом система нотариата остается пока вне поля зрения ученых. Существует только одна работа, посвященная истории нотариата Югры, изданная в 2015 г. (Нотариат Югры: из прошлого в будущее) ¹. Между тем, деятельность нотариусов тесно связана с развитием частноправовых отношений. Статистика нотариальных действий в существенной степени отражает эволюцию системы земельных отношений. При возникновении конфликтов нотариусы часто оказываются одними из первых посредников при их разрешении.

В течение 1897 г. в Западной Сибири были введены основные органы юстиции, соответствующие уставам 1860-х годов. Тобольский губернский суд был ликвидирован, а компетенция Тобольского окружного суда распространена на всю губернию. Органы юстиции губернии вначале подчинялись Казанской судебной палате, а с начала XX в. — Омской. Тобольское губернское правление (управление) и городские управы лишились права регистрировать нотариальные акты. Тобольский окружной суд стал главным органом по совершению нотариальных действий в губернии. В конце 1890-х гг. были сформированы участки мировых судей. Мировые судьи выполняли следственные, судебные и нотариальные функции.

Общее управление нотариусами, в том числе назначение и смещение их с должности, осуществлял председатель судебной палаты. Повседневное управление лежало на Тобольском окружном суде. Во главе суда в начале XX в. стоял его председатель Пётр Емельянович Маковецкий (в 1897—1918, 1918—1919, 1921 гг.). Первые нотариусы губернии не имели высшего юридического образования и могли работать только младшими нотариусами. Функции старшего нотариуса были возложены на одного из судей Тобольского суда. В первые годы их выполнял А.Т. Лавров, в 1900-е гг. — В. Конев. При суде хранился нотариальный архив. Используя положение о нотариальной части 1866 г., судьи окружного суда утверждали наиболее значимые нотариальные акты, отпускали нотариусов в отпуск, позволяли списывать деньги со счета, ревизовали конторы и т.д. Такая ситуация сохранялась с 1897 по 1913 год.

Окружной суд подчинил себе всех нотариусов губернии. Наиболее важные нотариальные дела по-прежнему оформлялись в суде. В фонде Тобольского окружного суда (ТОС) за 1897—1917 гг. сохранилось 2300 нотариальных дел, в том числе наследственные, завещания, дела о признании права собственности, о наложении запрещения на строения, утверждения закладных и т.д. Постепенно количество нотариальных дел, рассматриваемых ТОС, уменьшалось, а с 1908 г. суд продолжал рассматривать только наследственные дела.

Судебная реформа положила начало активной нотариальной деятельности в Сибири. В 1897 г. предполагалось ввести нотариусов в каждом уездном городе Тобольской губернии, за исключением Берёзово и Сургута. По запросу Министерства юстиции и с учетом количества нотариальных действий, тобольский губернатор предложил, чтобы нотариусы были в Тобольске, Кургане, Тюмени, Ишиме, Таре и Тюкалинске. В других уездных центрах должности нотариусов появились позже ².

Согласно Положению о нотариальной части 1866 г., на нотариусов возлагались такие обязанности (ст. 65), как совершение для жела-

ющих всякого рода актов, при участии не менее двух свидетелей. При этом нотариус должен был руководствоваться правилами, принятыми, в том числе, в последнее время (удостоверение в правоспособности совершающих акт, отсутствии чего-либо противозаконного и т.д.). Сохранялась актовая система нотариального делопроизводства. Акт заносился в книгу, сторонам выдавалась выписка. Нотариус свидетельствовал договоры, протесты, верности копий, подлинности подписей, время предъявления документов, мировые записи, прошения, третейские записи, принимал документы на хранение, составлял проекты отдельных актов. Он же взимал казенные пошлины, сборы в пользу города, плату за свои действия. Положение предусматривало пополнение залога. В личных делах тобольских нотариусов сохранилось много квитанций по внесению сумм на пополнение залога, который, как правило, оформлялся в форме различных ценных бумаг. Нотариусы, в случае неудовлетворительного материального положения, могли рассчитывать на получение процентов (купонов), начисляемых на ценные бумаги из залога. Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что тобольские нотариусы были вынуждены часто просить окружной суд о получении подобных купонов ³.

Нотариусом могло быть лицо, достигшее совершеннолетия (21 год), имевшее российское подданство, не опороченное судом, не занимавшее должности на государственной или общественной службе. Для нотариуса («младшего») не требовалось высшее юридическое образование и стаж. Кандидат был обязан выдержать экзамен на знание нотариального делопроизводства и законов. Испытание проводила комиссия в составе председателя окружного суда, прокурора и старшего нотариуса губернии. По данным А.С. Смыкалина, прошедший испытание претендент вносил на депозит окружного суда залог: 6 тыс. руб. в губернских городах и 2 тыс. в уездных. Нотариус приносил клятвенное обещание исполнять законы и правила, не причинять ущерба и т.д. С одной стороны, нотариус состоял на государственной службе, а с другой, его доход целиком зависел от количества клиентов. Свои обязанности нотариус исполнял в пределах судебного округа ⁴.

Смыкалин указывает, что во второй половине XIX в. применялось 4 формы актов: крепостные (о недвижимости) (совершали нотариусы, утверждали старшие нотариусы), нотариальные (совершали нотариусы), явочные (совершали участники правоотношения и в последующем свидетельствовались у нотариуса), домашние (совершали стороны) ⁵.

В первые годы юристы с высшим образованием не стремились работать в Сибири. Почти все нотариусы «первого призыва» имели среднее образование и могли претендовать только на должности младших нотариусов. Как младшие нотариусы они были лишены возможности совершать многие нотариальные действия, например, регистрацию актов недвижимости. Иногда подобные действия они совершали, но по разрешению «старшего нотариуса», каковым на самом деле являлся член Тобольского окружного суда. Например, сохранилось дело о продаже березовской мещанкой А.Ф. Никулиной своего дома в г. Тобольске. При этом нотариус формально только составлял проект купчей крепости ⁶.

Самым первым к председателю Тобольского окружного суда обратился Фердинанд Карлович Гергардт. Он родился в семье немца-

поселянина Карла в селе Скатовка Новоузенского уезда Самарской губернии 16 августа 1868 года. В 1887 г. Фердинанд закончил Саратовское Александро-Мариинское реальное училище, причем, по русскому языку получил оценку удовлетворительно. Семья выбрала для молодого немца юриспруденцию. С 1890 по 1892 г. он стажировался в Санкт-Петербургской конторе барона Николая Александровича Рауш фон Траубенберга, расположенной на Невском проспекте, д. 12 (возле Зимнего дворца). Гергардт, евангелист-лютеранин, сочетался браком с лютеранкой Юлией Крафт (Лидия Александровна) из соседнего села Краснояр в евангелическом лютеранском приходе Северо-Екатериненштадта в 1896 году. По постановлению старшего председателя Казанской судебной палаты от 22.06.1894 г., он был назначен младшим нотариусом города Златоуста. Материальное положение не удовлетворяло молодого немца, и он обратился с просьбой о переводе его в Тобольск. 30 июня 1897 г. Гергардт был назначен младшим нотариусом Тобольска. Так в Сибири появился первый нотариус ⁷.

Через некоторое время Гергардт понял, что тобольскому нотариусу не приходится рассчитывать на хорошие заработки. Многие дела по-прежнему вел Тобольский окружной суд. Гергардт просил перевести его нотариусом в Царицын или в Омск, но получил отказ. Юрист был вынужден оказывать различные юридические услуги. Законодательство позволяло нотариусу работать переводчиком, ходатайствовать по тяжёлым делам (гражданским), торговать, быть членом различных попечительских обществ, состоять в обществе взаимного кредита. Нотариус часто уезжал за границу и в Европейскую часть России. Через несколько лет Гергардт стал «прирастать корнями» к тобольской земле. Он участвовал в общественной деятельности губернии и со временем стал самым уважаемым нотариусом. Он считался безупречным, высококвалифицированным специалистом своего дела. Гергардт курировал нотариусов губернии и фактически исполнял роль старшего нотариуса. Он готовил материалы для нотариального архива окружного суда, вел переписку с нотариусами, отстаивал коллективные интересы нотариата. Таким образом, его реальное влияние не соответствовало занимаемой им должности.

25 февраля 1904 г. Гергардт стал директором Тобольского губернского комитета и попечителем Тобольского исправительного арестантского отделения, членом губернского статистического комитета. Эти должности Гергардт занимал до 1911 года. В 1908 г. нотариус стал личным почетным гражданином Тобольска по пожалованию императора. Во время первой революции юрист активно включился в политическую жизнь. Он был главным редактором печатного органа партии октябристов в Западной Сибири «Свободное слово», участвовал в выборах ⁸.

Тем не менее, его отношения с Тобольским окружным судом были далеки от идеальных. По тем или иным причинам он брал на себя роль защитника нотариусов губернии. Особенно много хлопот ему и окружному суду доставляли тюменские нотариусы.

Первыми тюменскими нотариусами (с 1897 г.) были Иван Иванович Клепиков (единственный на тот момент нотариус с высшим юридическим образованием) и Николай Тарасович Албычев, который успешно вошел в провинциальную элиту Тюмени и проработал нотариусом до выхода в отставку. Он родился в селе Теченское Шадринс-

кого уезда в 1855 г. в крестьянской семье. Окончил Камышловское уездное училище, получив по большинству предметов удовлетворительные оценки. В 1878 г. стал первым нотариусом Камышлова всего в 23 года. Рядом после строительства железной дороги быстро развивалась Тюмень. Как только открылась вакансия, Албычев перевелся в Тюмень. Как указал нотариус, причиной переезда были низкие доходы. С 1907 г. он стал личным почетным гражданином Тюмени, в 1913 г. получил право ношения бронзовой медали в честь 300-летия дома Романовых. Уволен в отставку по здоровью 30 мая 1915 года ⁹.

В 1899 г. Клепикова сменил Дмитрий Радионович Геращенко. В 1905 г. появился новый нотариус — Иосиф Станиславович Мягчилович-Вольский. Гергард активно защищал Мягчилович-Вольского от окружного суда, так как этот нотариус неоднократно попадал в разные истории. Зимой 1905—1906 гг. Вольский (он же общественный директор тюремного отделения Тюмени) и врач железнодорожной станции Тюмени Клишкин посещали тюремную больницу, где находились многочисленные арестованные участники беспорядков. Они собирали претензии заключенных, которые содержались в плохих условиях. После нескольких посещений тюремный врач Никольский не допустил их в больницу. Набравшись смелости Вольский и Клишкин (пьяные, как было указано в полицейском рапорте) явились в полицейское управление Тюмени с жалобой на Никольского. Скандал дошел до временного генерал-губернатора Курганского, Тюменского и Челябинского уездов генерал-майора С.Ф. Стельницкого. Вольского отстранили от должности директора тюремного отделения.

Исключенный из числа «приличных людей» Вольский стал подвергаться административному давлению. Он утерять гербовые знаки и при этом продал их авансом. Окружной суд удержал из залога нотариуса 500 руб. и обнаружил в его действиях признаки преступления, предусмотренные ст. 354 Уложения о Наказаниях 1845 г. (присвоение или растрата). Гергардт посчитал такое определение суда угрозой для всех нотариусов губернии и направил частную жалобу. Во-первых, продажа гербовых знаков была поручена Вольскому Тобольской губернской казенной палатой и не была связана с его действиями по должности. Суд при этом усмотрел связь таких действий с нотариальной деятельностью, но не указал, в чем она заключалась. Но такой связи не было. Не добившись разрешения дела в окружном суде, Гергардт подал иск в Омскую судебную палату. Несмотря на его усилия Вольский был отстранен от должности младшего нотариуса ¹⁰.

Новый нотариус Тюмени — потомственный дворянин Николай Фёдорович Бологовский — также доставил немало хлопот. Он родился в 1872 году. Учился во Владимирском Киевском корпусе (не закончил), радомской гимназии. Он часто менял места службы: работал помощником бухгалтера минского отделения Госбанка, помощником контролера Санкт-Петербургской конторы Госбанка, контролером Госбанка в Ялте. Затем Бологовский неожиданно появился в качестве старшего помощника по особым поручениям при тобольском губернаторе. После этого он работал заведующим страховым делом производством губернского управления, наблюдателем за типографиями и библиотеками в Тобольске, дружинным адъютантом охраны железной дороги и пр. Наконец, в 1907 г. он уволился из МВД и стал

нотариусом Тюмени. Некоторое время занимал должность директора Тобольского губернского тюремного комитета. Неизвестно, что произошло в Тюмени, но в 1910 г. Бологовский исчез. Его обнаружили в Туле, где раскрылся главный талант этого человека — он работал актером. Узнав, что о его местонахождении стало известно, Бологовский «поехал в Москву» и... вновь исчез ¹¹.

Следующим нотариусом Тобольска стал Афанасий Ефимович Юденич. В 1897 г. он уже был нотариусом, почетным мировым судьей и почетным гражданином Смоленска. 20 сентября 1897 г. Юденич обратился к председателю Тобольского окружного суда с просьбой о переводе. Он получил приглашение, но его предупредили: «При этом имейте, однако в виду, что на мало-мальски достаточное вознаграждение по должности нотариуса в г. Тобольске Вы рассчитывать не можете». Несмотря на это Юденич добился перевода. 25 октября 1897 г. он прошел испытание в Тобольском окружном суде и показал «познания вполне удовлетворительные». По постановлению председателя Казанской судебной палаты от 11.02.1898 г., Юденич стал младшим нотариусом Тобольска.

23 августа 1902 г. Юденич обратился с просьбой к председателю окружного суда о вступлении в брак с вдовой ирбитского купца Людмилой Ивановной Мальцевой (Хлыновой). Такое разрешение было получено. Юденич много подрабатывал, неоднократно просил перевести его в Омск ¹². Со временем доходы нотариуса возрастали. Например, только за составление проекта раздельного акта на имущество, оставшееся после умершего сургутского купца Н.Г. Тетюцкого в начала XX в., Юденич получил 2580 рублей. Эта сумма равнялась губернаторскому окладу за 2,5 месяца или мелкого служащего за 107 месяцев. Кроме того, Юденич занимался подпольной адвокатурой и оказывал различные юридические услуги.

В 1910 г. в Тобольской губернии вспыхнул конфликт между нотариусами Тобольска и Тобольским окружным судом. К тому времени накопилось раздражение в отношении нотариусов. В сравнении с 1890-ми гг. их материальное положение существенно улучшилось. Они имели большие доходы, жили в дорогих домах, ездили на отдых в Крым на несколько месяцев в году. В то же время многие достойные судебные работники находились в существенно худших условиях.

Ошибки, совершенные нотариусами, были использованы против них. В 1909 г. некий аноним разместил в еженедельном журнале «Сибирские вопросы» № 39 (24 октября 1910 г.) публикацию «Нотариус Гергардт и его жертвы». Из публикации читатели могли узнать, что в 1908 г. нотариус заключил с крестьянами Стасенко и Потапковым сделку о продаже 333 десятин земли в Карачинской волости Тобольского уезда. Далее он «вымогал» деньги у покупателей. Хотя сделка не была завершена (не была оформлена купчая), покупатели с 1909 г. вели хозяйство. В августе 1909 г. судебный пристав наложил запрет на эту собственность по иску бывших хозяев татар Тахтамышевых-Абульхазановых. Безграмотные поселяне вызвали своего «родственника» Н.А. Родиончика, ходатая по делам. Родиончик выбрал путь скандалов. Он заявил о наличии заговора против переселенцев, во главе которого стоял Гергардт. Обращаясь к местным губернским влас-

тям, Родиончик встретил полное игнорирование проблемы. Интересно, что среди всех руководителей он не упомянул непосредственного начальника нотариуса — председателя суда Маковецкого. Родиончик постарался вовлечь в историю депутата Госдумы Н.Л. Скалозубова, одного из главных кураторов переселенческой политики в Сибири. Также было направлено обращение к П.А. Столыпину. Дело преподносилось таким образом, что оно наносило вред переселенческому делу — главному направлению Столыпинской политики. Родиончик требовал, чтобы Гергардт подвергся уголовному преследованию. Достоверно неизвестно, что произошло. Возможно из Москвы пришла директива. Так или иначе, с сентября 1910 г. началась проверка нотариусов¹³.

Гергардт (которого уже сняли с должности) написал опровержение на анонимку. Его возражения носили конкретный и ясный характер. Сравнивая и обобщая эти письма, можно выявить важную проблему собственности в сельской местности Западной Сибири. Отношения в большинстве случаев не были нормативно урегулированы. Общины и частные лица владели землей по давности, без всякого оформления. Ситуация стала быстро меняться в начале XX века. В Сибирь хлынули миллионы переселенцев. Переход прав собственности осуществлялся двумя основными способами. Первый способ — в порядке искового производства. Совершалась «запродажная» к сроку. Срок не выполнялся. Покупатель предъявлял иск к продавцу о возврате выданных денег с неустойкой. Продавец признавал иск, суд выносил решение, и покупатель обращал взыскание на имущество, которое выставлялось на торги. Второй вариант предполагал, что покупатель берет у продавца вексель, по которому предъявлялся иск и обращалось взыскание на имущество, предназначенное для продажи. Основной риск состоял в том, что участники торгов (как правило фиктивных) могли их сорвать или перебить цену. Это и произошло со сделкой, которую заключил Гергардт.

Некое лицо приобрело у указанной татарской семьи Тахтамышевых участок в 333 десятины (семья владела землей по давности, без акта о праве собственности) и составило «запродажную», то есть предварительный договор. Это лицо переуступило нотариусу право на участок. Причем не было ясно, владел ли он участком или представлял чьи-то интересы. В 1908 г. Гергардт заключил еще одну запродажную с указанными крестьянами. Далее он организовал торги, на которые явились люди Юденича и стали перебивать цену. Причем заявивший наивысшую цену был неимушим, и с него не могли взыскать штраф за отказ платить. Тахтамышевых подговорили предъявить иск о возврате земли через узбека А.А. Тушакова. И за Родиончиком и за Тушаковым стоял Юденич, который и вел оба дела¹⁴.

Этот процесс, а также 19 жалоб на неправомерные действия Фердинанда Карловича, скопившиеся с 1897 г., легли в основу возбужденного дисциплинарного производства в отношении нотариуса. 6 октября 1910 г. ТОС рассмотрел его дело. Большинство судей высказались против отстранения нотариуса, трое (в том числе председатель Маковецкий) — за. Дело было передано Председателю Омской судебной палаты, Гергардт просил его разобрать дело по справедливости, но без всякого разбирательства был уволен 9 ноября 1910 г. по «плохой» статье 59-1 Положения о нотариальной части. Из действий нотариуса видно, что он не рассчитывал на то, что его будут «выталкивать» с работы. С опозда-

нием он попросил уволить его по прошению. В этом ему было отказано, а сам отказ был зачитан в полицейском участке в унижительной форме ¹⁵.

Одновременно было открыто дисциплинарное дело на Юденича. Основанием послужила записка, которую составили Гергардт и мировой судья Аглицкий о срыве торгов Юденичем. В октябре 1910 г. Тобольский суд несколько раз вызывал Юденича в суд, но тот уклонялся. В ходе процесса он пытался «очернить» свидетелей. Дело было передано в Омск. 16 ноября Юденича уволили по статье 59-1 Положения о нотариальной части. Он также пытался уволиться по прошению. Приезжал в Омск, где выступал в суде. Защищаясь, Юденич направлял жалобы в вышестоящие судебные инстанции. Он постарался «перевести стрелки», утверждая, что именно Гергардт, якобы, вместе с окружным судом скрывал какие-то документы и улики по делу. Он также жаловался во 2-й департамент Министерства юстиции, но все его жалобы остались без последствий.

Переписка показывает, что бывшие нотариусы были крайне подавлены отстранением. В течение нескольких месяцев они просили восстановить их в должности, объективно рассмотреть выдвинутые против них обвинения или дать им возможность вновь участвовать в конкурсе на замещение должности нотариуса. В одном из писем Юденич прямо обвинил председателя ТОО П.Е. Маковецкого: «Ваше превосходительство, тот, которому верил, что и говорил всем и каждому. Вы меня сгубили, и Вы и воскресите.... Вы должны меня представить, так как Вы и есть укрывающийся за спинами других виновник...» ¹⁶ В этом письме Юденич намекал на личную заинтересованность председателя суда. Она могла заключаться или в том, что Маковецкий использовал Юденича для компрометации его противника (а также и для устранения самого Юденича) или в том, что он сам получал проценты от незаконной деятельности нотариусов. Сейчас уверенно ответить на эти вопросы невозможно.

Нотариальные дела были сданы мировому судье Тобольска. Уже в декабре 1910 г. было напечатано объявление о вызове лиц, желающих заявить претензии, подлежащие удовлетворению из залога, который внесли Юденич и Гергардт. В течение 6 месяцев никаких взысканий предъявлено не было, и нотариусы получили свои залоговые документы. Дальнейшая судьба Юденича неизвестна. Гергардт вернулся в Царицыно, где купил мельницу и занялся мукомольным производством ¹⁷.

После объявления о новом конкурсе из числа претендентов было отобрано две кандидатуры: коллежские секретари Емельян Фёдорович Пермин и Иван Казимирович Станкевич (бывший судебный пристав города Тобольска). Пермин был известен как судебный пристав Кургана (1897—1911). Он курировал нотариусов губернии и готовил проекты важнейших нотариальных актов. 29 декабря 1912 г. Пермин перевелся на должность нотариуса в родной Курган. Был объявлен очередной конкурс, и 1 марта 1913 г. к работе приступил новый младший нотариус, титулярный советник Иван Николаевич Котовский. В том же году в губернии впервые появился старший нотариус, заведующий нотариальным архивом и управляющий работой нотариусов, статский советник Иван Михайлович Черепанов. Согласно Положению о нотариальной части 1866 г., старший нотариус заведовал нотариальным архивом, утверждал крепостные акты (по недвижимости) и осуществлял

контроль над младшими нотариусами и мировыми судьями. Залог старший нотариус не вносил. Он вел обширную переписку по нотариальной деятельности в пределах губернии. Неблагоприятные условия для работы и низкие заработки побудили Черепанова покинуть свой пост уже в 1914 году. Позже он перевелся в Курган. В 1916—1917 гг. в Тобольске работали младшие нотариусы Кремлев и И.К. Станкевич. При отсутствии старшего нотариуса его функции, по-прежнему, выполнял член Тобольского окружного суда. В 1916 г. исполняющим должность старшего нотариуса Тобольского окружного суда был назначен член суда И.Г. Литынский, который до этого работал мировым судьей Сургутского уезда.

События 1910 г. в Тобольске не были случайными. Чистка продолжалась. Первым нотариусом Кургана с 1897 г. работал коллежский секретарь Андрей Васильевич Хаберев. Он получил образование в Оренбургском учительском институте и был дипломированным педагогом. В 1890-х гг. работал в кунгурском училище. Нотариус пользовался уважением, его избирали гласным городской думы. С 1910 г. Хаберев часто болел и неоднократно просил председателя Тобольского окружного суда предоставить ему отпуск для поездки в Крым. Такие разрешения он получал. Наконец, он попросил уволить его от должности в связи с болезнью. В июле 1913 г. Хаберев был уволен¹⁸.

В 1902 г. в Кургане появился второй нотариус — Яков Константинович Попов. Он получил образование в великоустюжском уездном училище в 1863 году. Работал в органах юстиции Санкт-Петербургской судебной палаты. В 1898 г. был назначен нотариусом г. Тара. В Таре Попов имел очень маленький доход и просил перевести его в Тюмень. В январе 1902 г. он получил перевод в Курган. Попова поддерживал Гергардт. Нотариальная деятельность приносила хороший доход, что позволило Попову купить один из самых красивых домов в Кургане, выстроенный в стиле модерн (дом сохранился до наших дней). Поддерживать высокие стандарты было непросто, и Попов стал «баловаться» тем же, чем и Мягчилович-Вольский, Котовский и другие нотариусы. То есть стал скрывать часть гербового сбора от государства. На его действия приходили жалобы. Было возбуждено дисциплинарное производство. Жена Попова писала отчаянные письма Маковецкому, но последний был непреклонен. 16 октября 1912 г. Попов был уволен по статье 59-1 Положения о нотариальной части. Против него хотели возбудить уголовное дело по статье 362 Уголовного уложения (подлог документов), но в конечном счете приняли его объяснения и дело «замяли». Курганская городская управа безуспешно просила восстановить Попова в должности. В годы гражданской войны Попов был гласным городской думы и членом городской управы¹⁹.

Пример нового типа нотариуса демонстрирует действительный статский советник Владимир Эмильевич Шух. Сын аптекаря, лютеранин-евангелист родился в 1860 г. в Эстонии. Он закончил юридический факультет Дерптского университета в 1883 году. Проработал на судебных должностях в Псковском окружном суде, а в 1885 г. был переведен в Тобольск. Далее он работал на прокурорских должностях. Служил членом Кутаисского и Омского окружных судов. В 1911—1913 гг. был товарищем председателя Омского окружного суда и короткое время исполнявшим должность старшего председателя Омской судебной палаты. Его статус повышался, он награждался ордена-

ми за «отлично-усердную службу». Достигнув карьерных высот, Шух неожиданно в ноябре 1913 г. перешел на должность младшего нотариуса в Кургане. Такой резкий поворот можно объяснить разными причинами: возможная болезнь, желание жить на родине жены, более высокие заработки нотариусов. Шух отлично «вписался» в элиту Западной Сибири. Он устраивал судебное начальство. Женился на Ольге Ивановне Бронниковой — дочери крупного курганского купца. Проработав несколько лет курганским нотариусом, Шух скончался в феврале 1917 года ²⁰. Его супруга унаследовала от мужа и других родственников многочисленное имущество.

Следующей «жертвой» чистки стал новый тобольский нотариус — Иван Николаевич Котовский. Он родился в 1866 году. Учился в тобольской гимназии, но не закончил ее. Работал чиновником акцизного управления Западной Сибири. В 1913 г. вышел в отставку. Используя неизвестную протекцию, в марте 1913 г. был назначен нотариусом Тобольска. Однако с этой работой он не справился и уже в декабре 1914 г. был смещен с должности. Увольнению предшествовала ревизия конторы в октябре 1914 г., которая выявила злоупотребления. Однако на этом злоключения Котовского не закончились. Он был уволен по статье 59-1 Положения о нотариальной части, то есть за несоответствие занимаемой должности. Было возбуждено дисциплинарное производство и решался вопрос о возбуждении дела по ст. 354 Уголовного Уложения 1845 г. (присвоение или растрата). Дело было возбуждено: Котовский обвинялся в присвоении сборов за совершение нотариальных действий. В октябре 1915 г. Тобольский окружной суд наложил на Котовского дисциплинарное взыскание и штраф. В ноябре 1915 г. Омская судебная палата в действиях Котовского состава преступления не усмотрела. Взыскать штраф с Котовского уже не успели, 25 января 1916 г. он скончался ²¹.

В Тюмени продолжалась быстрая смена нотариусов. В 1911—1914 гг. работал Павел Александрович Саненко, с 1914 г. — Григорий Владиславович Борковский. Вторым нотариусом Тары после Попова был Николай Александрович Курбатов (с 1903 года). В Тюкалинске долгое время заместить должности нотариусов не удавалось. Первый тюкалинский нотариус — Николай Иванович Асанов — работал с 1906 года. В 1897 г. появился первый ишимский нотариус Николай Геронимович Жукович, через несколько лет его сменил Александр Петрович Бужко, затем — Михаил Васильевич Смородинов, а с 1910 г. — Тихон Александрович Постников. В 1913 г. в отношении Смородинова было возбуждено уголовное дело по статье 357 УУ (утрата вещей или недостача средств, находящихся на хранении не по вине обвиняемого). В 1913 г. появились конторы в Ялуторовске (Г.В. Борковский, а затем Г.И. Патушинский) и в Туринске (Е.А. Колпашников).

События 1917—1919 гг. «разбросали» нотариусов по России. Очевидно, что до временной ликвидации нотариата в Тобольской губернии в начале 1918 г. все нотариусы (10 чел.) оставались на своих местах. После захвата власти Сибирским правительством с лета 1918 г. работа многих из них возобновилась. Например, в Кургане в 1918—1919 гг. вновь работали нотариусы Е.Ф. Пермин и И.М. Черепанов. Бывший нотариус Попов в 1919 г. вместе с семьей бежал на Дальний Восток России.

Бюрократическая элита Западной Сибири осуществляла мелочный контроль над жизнью подчиненных ей работников юстиции. Вводившиеся новые элементы правосудия приспосабливались для ее нужд. Высокий уровень жизни, с точки зрения элиты, мог быть создан только тем представителям класса, которые входили в эту элиту. На примере тобольских нотариусов можно видеть, как происходила их адаптация к местным условиям. Те из них, кто выдвигался судебным руководством (Пермин, Станкевич и пр.) или вступал в брак с влиятельными женщинами (Шух) занимали прочное положение в местном «обществе». Остальные рано или поздно становились изгоями. И неважно было, совершали ли они реальные преступления (Юденич) или мнимые (Мягчилович-Вольский), пользовались уважением (Гергардт, Попов) или нет (Котовский), в 1910—1914 гг. они подверглись чистке. Нотариусы, которые вели себя осторожно и не были замечены ни в каких предосудительных действиях, спокойно заканчивали свою карьеру. Побочным следствием чистки стали конфликты внутри юридического сообщества, нестабильность кадрового состава, падение уровня профессионализма нотариусов и дискредитация профессии в глазах обывателей.

Примечания

1. АДОНЬЕВА И.Г. Судебные преобразования в Западной Сибири конца XIX — начала XX вв. в оценках местной юридической интеллигенции: Дисс. канд. ист. наук. Новосибирск. 2008; БТИКЕЕВА М.А. Реформирование судебных установлений Западной Сибири и их деятельность в конце XIX — начале XX вв. (по материалам округа Омской судебной палаты): Дисс. канд. юрид. наук. Волгоград. 2002; БУЗМАКОВА О.Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX вв.: Дисс. канд. ист. наук. Томск. 2004; ДМИТРИЕВА Т.М., КОДИНЦЕВ А.Я. Нотариат Югры: из прошлого в будущее. М. 2015; КРЕСТЬЯННИКОВ В.А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень. 2009; ЧЕЧЕЛЕВ С.В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX—XX вв.: Дисс. канд. юрид. наук. Омск. 2001.
2. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФГА ТО), ф. И-152, оп. 37, д. 860, л. 65.
3. СМЫКАЛИН А.С. История становления и развития нотариата на Среднем Урале. XVIII—XX века. М. 2007, с. 6—8, 18.
4. Там же, с. 21—22, 85.
5. Там же, с. 29—30.
6. ТФГА ТО, ф. И-439, оп. 1, д. 4.
7. СМЫКАЛИН А.С. Ук. соч., с. 79; ТФГА ТО, ф. И-158, оп. 2, д. 17, л. 10—14.
8. ТФГА ТО, ф. И-158, оп. 2, д. 17, л. 15, 88, 91, 124.
9. Там же, д. 4, л. 1—4, 125.
10. Там же, д. 17, л. 8, 49, 116—118.
11. Там же, оп. 38, д. 130, л. 4—10.
12. Там же, оп. 2, д. 5, л. 1—104.
13. Нотариус Гергардт и его жертвы. — Сибирские вопросы. 1910, № 39, с. 29—33.
14. ГЕРГАРДТ Ф. Письма в редакцию. — Там же, № 50—52, с. 140—145.
15. Исторический архив Омской области (ИА ОО), ф. 25, оп. 2, д. 63, л. 1—6, 17, 22—23.
16. ИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 310, л. 6—28, 45; ТФГА ТО, ф. И-158, оп. 2, д. 5, л. 111—122.
17. ТФГА ТО, ф. И-158, оп. 2, д. 5, л. 111—122; д. 17, л. 151—165.
18. Там же, д. 29, л. 79, 83, 100.
19. ИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 392, л. 13—17, 36; ТФГА ТО, ф. И-158, оп. 2, д. 34, л. 1—193.
20. ИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 306, л. 1—5.
21. ТФГА ТО, ф. И-158, оп. 2, д. 423, л. 1—41.

Формирование российской энциклопедистики в XVIII — начале XIX в.

Н.В. Мальцева, А.А. Чернышёв

Аннотация. Работа посвящена изучению энциклопедических изданий, появившихся в России в XVIII — начале XIX века. На основании материалов Российского государственного исторического архива и других научных источников рассмотрена структура и содержание энциклопедической литературы, издававшейся в дореволюционной России и составившей основу развития российской энциклопедистики. Особое внимание уделяется эволюции построения и информационной наполняемости словарно-энциклопедической литературы. Анализ материалов по теме исследования свидетельствует об изменении принципов подачи справочно-энциклопедической информации, выражающихся в стремлении авторов-составителей объединить разрозненные сведения в тематические блоки в целях систематизации научных знаний и для удобства читателей.

Ключевые слова: энциклопедия, энциклопедические издания, справочная литература, словарь-справочник, энциклопедический словарь, Российская империя, энциклопедистика.

Abstract. The work is devoted to the study of encyclopedias, which appeared in Russia in the XVIII — early XIX century. On the basis of materials of Russian state historical archive, and other scholarly sources, describes the structure and content of encyclopedic literature published in the pre-revolutionary Russia and formed the basis of development of the Russian encyclopedicity. Special attention is paid to the evolution of building information and occupancy rates of dictionary and encyclopedic literature. Analysis of materials on the subject indicates a change in the principles of supply reference and encyclopedic information, expressed in the desire of the authors of the to combine disparate information in thematic units in order to systematize scientific knowledge and for the convenience of readers.

Key words: encyclopedia, encyclopedic publications, reference literature, reference book, encyclopedic dictionary, Russian empire, encyclopedistika.

Россия занимает одно из ведущих мест в мировой энциклопедистке, являясь обладательницей многих крупнейших энциклопедических

Мальцева Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, доцент ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». E-mail: n.v.malceva@utmn.ru; *Чернышёв Александр Анатольевич* — кандидат исторических наук, доцент ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». E-mail: a.a.chernyshev@utmn.ru.

Maltseva Natalia V. — PhD in sociological sciences, associate professor at the Tyumen State University. E-mail: n.v.malceva@utmn.ru; *Chernyshev Alexander A.* — PhD in historical sciences, associate professor at the Tyumen State University. E-mail: a.a.chernyshev@utmn.ru.

изданий, уникальность которых проявилась, прежде всего, в их содержательности и тематическом многообразии материала. Актуальность изучения истории создания энциклопедических изданий в России обусловлена необходимостью систематизации опыта отечественного энциклопедического дела с целью выявления тенденций и перспектив его развития. Интерес к словарно-энциклопедическим изданиям связан с ускорением темпа жизни, важностью свободной ориентации в нарастающем потоке информации и приобретении глубоких знаний, без которых невозможен интеллектуальный прогресс личности и общества.

Стремление зафиксировать по возможности полное и актуальное знание о мире, обществе и человеке в рамках одного научно-универсального труда, позднее названного энциклопедией, существовало всегда. Результатом подобного интеллектуального усилия и определенной вехой старорусских лексиконов стал в середине XVI в. «Словарный свод» Вассиана Кошки под названием «Толкование неудобь, познаваемым в писаных речем понеже положение суть речи в книгах от начальных преводникъ ово словенски ино сербски и другаа болгарски и ина гречески их неудовлишась приложити на рускии»¹. «Свод» содержал не только переводные иноязычные слова, но и предоставлял разъяснения устаревших церковных терминов, толкуя метафорически отдельные религиозные слова и выражения. Нужно заметить, что древнерусские лексикографы в процессе систематизации слов располагали их «по буквам», или алфавиту, поэтому собрание слов называлось «азбуковники», «алфавиты» или «лексиконы». В XVII в. составители словарей уже указывают первоисточник, откуда извлечено слово, раскрывают его значение, а иногда дают и этимологию.

Начало XVIII в. для России стало особенно значимым: появились не только трехязычные, словопроизводные, этимологические, церковно-славянские, но формировались также академические словари и энциклопедии, фундаментом которых стали древнерусские азбуковники и толковые лексиконы. Такая деятельность во многом активизировалась благодаря запросам общественности и новой русской администрации, расширявшей внешние связи с европейскими государствами, а также начавшемуся интенсивному изучению иностранных языков в светских заведениях. Предтечей словарно-энциклопедического развития стала лексикографическая деятельность Епифания Славинецкого², который участвовал в работе по составлению словарей: «Лексикон латинский з Калепина преложенный...», «Книга лексикон греко-славено-латинский», «Филологический лексикон».

Большую работу в написании словарной литературы проделал и справщик Фёдор Поликарпов, в частности им были изданы такие труды, как «Лексикон трезычный сиречь речений славенских, елинногреческих и латинских сокровище...» и «Книга лексикон или собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык». Сам словарь отражал языковое состояние русского общества на рубеже XVII—XVIII вв. и в большей степени был ориентирован на церковно-славянскую лексику.

В конце XVIII в. произошла переориентация словарно-энциклопедической литературы, особенностью новых словарей, а в последствии и энциклопедий становилось то, что их составители все более отдалялись от схемы словников, которые были характерны для азбу-

ковников, старались избегать старославянских дефиниций. Издатели стали шире использовать современную иноязычную терминологию, новое обозначение административных учреждений, новые социально-экономические понятия и «модные» слова. Например, в «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» весьма разнообразные по тематике слова относятся к различного рода профессиям, производству, научным терминам, к сфере государственного устройства и культуры.

В словаре присутствует более 500 иностранных слов, расположенных по алфавиту. Каждому из них даны их русские и церковнославянские соответствия. Понятия истолковываются либо с помощью синонимов: «асфалт — клей, битум; баталия — бой, битва, сражение», либо описательно: «армия — войско главное, или великая часть», либо с помощью русского эквивалента переводимого слова: «акклямация — голос, вопль, возгласие, амбасадор — посол; амнистия — беспмятство, забытье прегрешения»³.

В это время появилась потребность в разработке иноязычных словарей нового типа, так например, в 1787—1789 гг. был издан двухтомный словарь П.С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий»⁴, содержащий данные по 272 языкам и диалектам. Идея создания словаря всех языков появилась именно в Российской империи не случайно, в предисловии к словарю Паллас отмечает: «Между известными в истории государствами нет ни единого на свете, которое бы, как по величине своей и пространству, так и по различию обитающих в нем народов и языков, могло хотя некоторым образом сравниться с Российской империей, выключая разве преждебывшей Римской Монархии; но и сея если сравнивать обстоятельнее, то уступить должна»⁵.

По указанию Екатерины II к сбору информации были привлечены высокопоставленные служащие в лице губернаторов и наместников, а также приглашенные «знатные иностранцы». В предисловии к словарю Паллас формулирует и главную цель: «Искусные в знании языков усмотрят сами, что в сем сочинении наблюдаемо было, сколько можно, чтобы показать приметное сродство различных наречий»⁶. Поскольку это был первый подобный словарь, то многие языки можно было увидеть в нем впервые, и неудивительно, что Паллас не смог найти все запланированные для включения в издание лексические единицы, чтобы сделать списки полными.

Структура словаря, построение и содержание статей в лексикографических штудиях Палласа дает основание говорить о формировании нового стиля подачи справочно-энциклопедической информации, а именно ее объединения в лексико-семантические словники. Так, друг за другом следовали группы слов, обозначающие те или иные разделы «картины мира»: части тела, явления природы, топографические термины и т.п. Внутри каждой группы также разрабатывались свои принципы подачи материала.

Древнерусские словари создали существенную базу для развития энциклопедистики в России, на основе которой впоследствии появились достаточно значимые энциклопедические и словарные издания, представляющие собой в настоящее время культурно-историческую ценность.

Примером может служить «Российский целлариус» профессора Московского университета Гельтергофа (1771 г.), в котором толкова-

ние значения слова сопровождается замечаниями энциклопедического характера. Словопроизводный русский словарь с немецким переводом содержит около 18 тыс. слов. Под корневое слово собрано большое количество производных разных степеней. Словарь дает грамматическую информацию о слове. Соответствующим знаком обозначены ударения слов и форм. К основному корпусу словаря приложено около 400 заимствованных слов. Любопытно, что гнездовая интерпретация словника положила начало традициям, оказавшим серьезное влияние на составителя словопроизводного «Словаря академии Российской».

Заметное место среди словарей XVIII в. занимали церковнославянские глоссарии. В 1773 г. в Московском университете вышел «Церковный словарь или истолкование речений славянских древних, также иноязычных без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах» П.А. Алексеева, в который было включено более 20 тыс. церковных слов, древнерусских книжных терминов, относящихся к классической древности. Алексеев приводит многочисленные цитаты из сочинений Цицерона, Сенеки, Плутарха, Страбона, Аввакума, М. Грека, П. Берынды, Поликарпова, В.Н. Татищева и других, содержание замечаний и комментариев которых свидетельствует о близости словаря к энциклопедическому справочнику. По мнению И.И. Срезневского, «Церковный словарь» представляет собой «краткую Энциклопедию ученыхъ и церковныхъ терминовъ»⁷. Более существенную характеристику словарю дал М.И. Сухомлинов, в частности: «Церковный словарь это плод неутомимой любознательности и работы... явился явление высшей степени замечательным»⁸. Можно отметить тот факт, что данный труд получил положительный резонанс в обществе и выдержал четыре издания. Весь статейный материал словаря был расположен по азбучному принципу. Статья имела четко выраженный порядок подачи сведений: заглавное слово, его характеристики (стилистические, грамматические, этимологические) и толкование, цитаты из текстов или иллюстративный материал, а также отсылку к источнику.

Первым собственно толковым словарем явился изданный в 1789—1794 гг. в шести томах «Словарь Академии Российской», который содержал более 40 тыс. слов, взятых составителями из современных им светских книг, а также из памятников древнерусской письменности. Структура подачи материала выстраивалась в алфавитном порядке. Словарь имел сложную структуру статьи, как отдельного, так и цельного словообразовательного гнезда, в которое слово вписывается. Интересен тот факт, что в словаре впервые была применена система отсылок, то есть слово, не имеющее собственного толкования и иллюстрации, связывалось с другим словообразовательным вариантом через отсылку. Таким образом, XVIII в. заложил довольно крепкий фундамент, благодаря которому развивалось словарно-энциклопедическое дело в России.

В Российском государстве в первой половине XIX в. спрос на справочно-энциклопедические издания значительно возрос, происходило не только увеличение книжной продукции в целом, но и рост количества справочно-энциклопедической литературы, в частности. Именно эти издания стали эталоном отечественной энциклопедистики.

В 1803—1806 гг. Н.М. Яновский издал трехтомный «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержит: разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно...». Словарь был представлен иностранными терминами, например: абрис, Abriss, нем. чертеж, контур; автохтон, autochton, греч. коренной, местный; алтер его, alter ego, лат. другой я, называется полномочная грамота испанского короля, силой которой тот, кому она пожалована, решит дело беспрекословно. Содержались в нем и русские слова и выражения, среди которых встречались административные термины (городничий, дума, управа), церковнославянизмы (жезл, конобъ — горшок, ставило — от-вес), архаизмы (копр — укроп, купа — куча, собрание, спира — отряд воинов), тюркизмы (баскак — сборщик податей, русск. мытарь) ⁹.

В «Словотолкователе» краткие переводы иностранных слов чередуются с пространными разъяснениями энциклопедического плана. Например, лексемы — «бахча», бакша, татарское место, где сажают арбузы, дыни и огурцы; «русины», малоруссы, живут в Венгрии и Австрии, говорят на малороссийском языке, близком к русскому, — истолковываются согласно первоначальным энциклопедическим канонам ¹⁰. Лексикографические идеи иноязычных или переводных словарей, стали фундаментом и образцом подобного рода изданий в последующее время. Начали регулярно появляться двуязычные (французско-русский и русско-французский, немецко-русский и русско-немецкий), полные, краткие, карманные словари для учебных заведений. Их составителями являлись практики и известные общественные деятели того времени.

В начале XIX столетия ведущие российские ученые задумались о разработке нового словаря, который бы отразил жизнь русского общества и его историю. Существенный вклад в русскую энциклопедистку внес вышедший в 1806—1822 гг. «Словарь академии Российской, по азбучному порядку расположенного», в его академический глоссарий было включено по алфавиту 51 388 слов. Авторы-составители не слишком изменили данное издание, и поэтому словарь выполнял свои обычные функции лексикографического справочника на протяжении ряда десятилетий, став в настоящее время историко-лексикографическим раритетом.

В 20-х гг. XIX в. начал печататься «Энциклопедический словарь» С.И. Селивановского, который, как ожидалось, должен был ответить научным запросам русской интеллигенции. Над созданием словаря работали крупные научные силы, в их число входили: С.И. Шевырев, И.Я. Зацепин, историк-археолог П.М. Строев и другие. Активное участие в работе приняли декабристы В.К. Кюхельбекер и В.И. Штейгель.

В предисловии сообщалось, что словарь должен был состоять из сорока томов ¹¹. В 1823—1825 гг. были изданы два тома и в печати находился третий. Труд этот дал 872 статьи на буквы А и Б, однако из-за жесткой цензуры, вызванной декабрьским восстанием 1825 г., издание было прекращено, а вышедшие тома конфискованы и уничтожены. Описывая восстание 1825 г., В.И. Маслов указывает, что среди документов, связанных с этим событием, была обнаружена папка с надписью: «Дело о рассмотрении Следственной комиссией (о злоумышленных обществах) Энциклопедии и других бумаг, отобранных

у московского типографщика С.И. Селивановского 7 мая 1826 г.», где приводятся слова барона В.И. Штейнгеля, который в своих показаниях Следственной комиссии упомянул, что «московский типографщик С.И. Селивановский, желая способствовать к “разлитию” просвещения и свободомыслия, занимается изданием “Энциклопедического словаря”, не могущего выдержать цензуру»¹². Тем не менее, неосуществившаяся попытка Селивановского издать многотомный энциклопедический словарь отнюдь не умалила саму идею создания национального энциклопедического труда. Тема продолжала оставаться актуальной.

В типографии А.А. Плюшара стал формироваться будущий «Энциклопедический лексикон», который должен был объединить вокруг себя всю научную элиту России. Нужно отметить, что круг участников работы над энциклопедией был довольно широким для того времени. Так, А.С. Пушкин, присутствовавший на одном из совещаний, посвященных изданию русского «Conversations Lexicon», записал в своем дневнике 17 марта 1834 г.: «... нас было много, со сто человек, большею частью неизвестных мне великих людей»¹³.

По замыслу создателей, «Лексикон» должен был издаваться в течение шести лет и состоять из 24 томов, большинство статей задумывались не переводными, а оригинальными, созданными лучшими российскими учеными. Главным редактором был назначен Н.И. Греч. «Сегодня было большое собрание литераторов у Греча. Здесь находилось, я думаю, человек семьдесят. Предмет заседания — издание энциклопедии на русском языке. Это предприятие типографщика Плюшара. В нем приглашены участвовать все сколько-нибудь известные ученые и литераторы. Греч открыл заседание маленькой речью о пользе этого труда и прочел программу энциклопедии, которая должна состоять из 24-х томов и заключать в себе, кроме общих ученых предметов, статьи, касающиеся до России»¹⁴. Лицо «Энциклопедического лексикона» во многом обуславливал авторский состав, который трудился над энциклопедическим словарем. В авторский коллектив входили: К.И. Арсеньев, Ф.Ф. Брант, Ф.В. Булганин, А.Х. Востоков, Н.В. Гоголь, В.И. Даль, Д.П. Журавский, А.Я. Купфер, А.А. Краевский, Д.А. Милютин, В.Ф. Одоевский, М.П. Погодин и другие.

Особую роль в работе над словарем сыграл О.И. Сенковский, написавший программу для словаря и большую часть статей по ориенталистике. Сенковский имел солидный опыт лексикографирования, он попытался сконцентрировать современные достижения в этой области, обосновать принципы формирования словника, отбора слов и иллюстративного материала к ним, систематизации стилистических, грамматических и иных помет, а также приемов толкования слова¹⁵.

«Лексикон» Плюшара включал информацию, в большей степени, о зарубежной истории и культуре, которая являлась компиляцией из немецкого справочного издания «Conversations-Lexicon». Кроме того, авторам удалось представить материал о Российской империи: ее истории, географии, статистике, государственном устройстве и словесности. Слабость методологической базы и недоразумения в редакции привели к задержкам с выходом очередных томов.

Редакторы и издатель не смогли спасти Лексикон от банкротства, и словарь остался незаконченным. Выпуск был прекращен на

XVII томе (До — Дят). По поводу причины остановки издания Греч в своей автобиографии, отмечал, что книга представляла собой солидный труд, но была «... наполнена бессмысленными недомолвками, ошибками»¹⁶, за которые словарь подвергся резкой критике в периодической печати. На наш взгляд, основной причиной незавершенности «Лексикона» стала растянувшаяся на длительный период времени публикация издания.

Создатели «Лексикона» во вступлении к первому тому оповестили подписчиков о ходе работ по написанию и редакции статейного материала: «По составлению общего плана “Лексикона” списки входящих в его состав статей распределены были по частям и розданы Редакторам, которые со своей стороны разделили труды по обработке статей со своими Сотрудниками. Статьи, написанные Сотрудниками, поступали к Редактору, который по прочтении утверждал их и препровождал в Общую Редакцию... Вторая корректура статей читана была Редактором»¹⁷. Нельзя не признать тот факт, что работа была поставлена весьма серьезно и при такой ответственности могла быть доведена до завершения. Примечательно, что в связи с ходатайством Плюшара перед властями о выпуске «Энциклопедического лексикона», министр народного просвещения С.С. Уваров по этому поводу писал попечителю Петербургского ученого круга: «Главное управление цензуры считает нужным поставить между тем на вид издателям, что все относящиеся к политическим наукам, к определению главных начал оных и учений, ныне употребляемых, будет подвергнуто особому разбору цензуры и наблюдению правительства»¹⁸. Это свидетельствует об особом внимании властей к содержанию словарно-книжной продукции, продиктованном цензурой.

В первый том словаря под редакцией Греча и Сенковского было включено более 20 тыс. дефиниций, в том числе, термины иноязычного происхождения. Характерной особенностью «Лексикона» является системность в толковании языковых единиц: сначала первоначальное (историческое) значение слова, затем его эволюционные модификации, подтверждаемые примерами из литературно-художественных, научных, официально-деловых текстов и фольклора. Особое внимание авторы уделили внедрению хорошо структурированной системы грамматических и стилистических, терминологических и специальных помет. Таким образом, понятие приобретало свой морфологический, стилистический, этимологический и этнический статус.

Стоит рассмотреть структуру подачи энциклопедического материала. Четкой основы построения энциклопедической статьи не существовало, это объяснялось тем, что авторы попросту заимствовали из иностранных лексиконов информацию, дополняя ее краткой преамбулой. Отсюда несбалансированность строения справочников: наличие в них сильно различающихся по объему статей, излишняя детализация фактических сведений и неоправданное включение ненужного материала. Дефиниции создавались с учетом накопленного европейского опыта. Форма статьи-биографии только вырабатывалась, поэтому удачные тексты соседствовали с неудавшимися.

Отсутствие достаточного опыта написания справочных изданий, а также малочисленность образованной аудитории приводили к необходимости наполнения энциклопедий не только информационным,

но и художественным содержанием. Кроме того, у российских читателей того времени привычка обращения к словарям еще не сформировалась, и потребность в использовании справочной литературы оставалась низкой. Расположение статей по алфавиту в многотомных изданиях создавало определенные трудности для их пользователей, поскольку читатели могли найти информацию по интересующим вопросам только по завершении всего выпуска. Распространенность тематических, в частности биографических словарей, сделала привычным для читательской аудитории систематизированное расположение материала в энциклопедиях.

XVIII в. в России можно считать эпохой закладывания основы русской энциклопедистики, когда создавались необходимые внутренние предпосылки развития энциклопедического дела, сочетающиеся с воздействием внешних факторов. Попытки издания энциклопедий в России в начале XIX в. в определенной степени оказались безуспешными. Причины этого различны: сказалось и отсутствие научного сообщества, объединенного общими философскими идеями, и жесткая цензура власти, которая стремилась не допустить распространение крамольных политических идей, а также недостаточная востребованность подобных изданий со стороны русского общества, связанная с низким уровнем образования и просвещения.

Примечания

1. КОВТУН Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л. 1975, с. 263.
2. Иеромонах Епифамний (Славинемцкий) — восточнославянский богослов, философ и переводчик.
3. ЦЕЙТЛИН Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М. 1958, с. 18.
4. Словарь с дополнениями выходил в 1791 г. под названием «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный».
5. ПАЛЛАС П.С. Сравнительный словарь всех языков и наречий, по алфавитному порядку расположенный. СПб. 1787, с. 3.
6. Там же.
7. СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Словарь Церковно-Словянского и Русского языка, составленный II Отделением Императорской Академии Наук. — Журнал министерства народного просвещения. 1848, № 6, с. 222.
8. СУХОМЛИНОВ М.И. История российской академии. Т. 1. СПб. 1874, с. 334.
9. ЦЕЙТЛИН Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии. М. 1958, с. 42.
10. ЩЕРБА Л.В. Опыт общей истории лексикографии. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. 1985, с. 59.
11. КОНОНОВИЧ С.С. Типографщик Селивановский. Книга: Исследования и материалы. Сб. 23. М. 1972, с. 101.
12. МАСЛОВ В.И. Библиографические заметки. Киев. 1913, с. 10.
13. ПУШКИН А.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. М. 1962, с. 321.
14. АНДЕРСОН В.Л. Семейство Плюшар — типографы. — Русский библиофил. 1911, № 1, с. 38.
15. ЛОНГИНОВ М. По поводу статьи Греча о Плюшаре и об Энциклопедическом лексиконе. В кн.: Русский архив. М. 1870, стб. 1940—1942.
16. ГРЕЧ Н.И. История первого энциклопедического лексикона в России. В кн.: ГРЕЧ Н. Записки о моей жизни. М.—Л. 1930, с. 603.
17. ЕГО ЖЕ. Предисловие. «Энциклопедический лексикон» А.А. Плюшара. Т. 1. СПб. 1835, с. V.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 777, оп. 1, № 1246, л. 9об.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

УДК 930.2

Иоганн Филипп Густав Эверс

Л.В. Исакова

Аннотация. На основе анализа отечественной и зарубежной историографии, привлечения архивных документов и личной переписки Иоганна Филиппа Густава Эверса в публикации уточнены отдельные факты его биографии. Представлена взаимосвязь ряда биографических сюжетов с профессиональной деятельностью представителя отечественной исторической науки первой трети XIX века.

Ключевые слова: биография, основные труды, административная деятельность, научные интересы.

Abstract. On the basis of the analysis of domestic and foreign historiography, attracting archival documents and personal correspondence of Johann Philip Gustav Ewers, some facts of his biography are clarified. The interrelation of a number of biographical subjects with professional activity of the representative of domestic historical science of the first third of the XIX century is presented.

Key words: Biography, main works, administrative activity, scientific interests.

Исследования биографии Иоганна Филиппа Густава Эверса — профессора, с 1818 г. ректора Дерптского (ныне — Тартуского) университета — наиболее полно представлены в зарубежной историографии. Так, в 1846 г. Ф. Буш, в 1853 г. Э.И. Гаффнер и в 1869 г. Ю. Экард в своих работах высоко оценили его административную деятельность. Особое внимание они уделили взаимоотношению ректора Эверса с попечителем Дерптского учебного округа К.А. Ливеном (1767—1844) ¹. Изучение этого вопроса продолжил в 1895 г. Ф. Бинеманн, который подготовил к печати и опубликовал часть писем Ливена к Эверсу ², положив начало изданию официальной переписки последнего. Ранее опубликованные биографические данные послужили в 1933 г. источником развернутого повествования Р. Энгельгардта о личной жизни и деятельности Эверса в должности ректора Дерптского университета

Исакова Любовь Владимировна — старший преподаватель Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: gorkova.l.v@yandex.ru.

Isakova Lubov V. — senior lecturer at the State University of Nizhni Novgorod named after N.I. Lobachevsky, Arzamas Branch. E-mail: gorkova.l.v@yandex.ru.

с 1818 по 1830 г., где автор отметил эволюцию его политических взглядов, не поясняя причину этих изменений ³. Биографические сведения о Густаве Эверсе приводили специалист по русской историографии К.Д. Гротхузен (1954 г.) и исследователь истории Дерптского университета Р. Виттрам (1964 г.) ⁴.

В отечественной историографии краткие сведения о его биографии и научной деятельности впервые в 1847 г. привел «Справочный энциклопедический словарь» под редакцией А. Старчевского. Среди основных сочинений историка названо также «Des Herzogthums Ehsten Ritter- und Landrecht» («Рыцарское право Эстляндского герцогства»), изданное в Дерпте в 1826 г., которое до сих пор не упоминается более ни в одном библиографическом описании. Также сообщается, что Эверс и Энгельгардт издали «первую половину первого тома продолжения Миллеровых записок, касательно древней и новой русской истории и географии, под заглавием “*Beiträge zur Kenntniss...*”» ⁵ В 1878 г. Д.Д. Рябинин отметил: «Имя профессора Густава Эверса, как уважаемого труженика науки, которому русская история обязана ценными критическими исследованиями древнейшего ее периода, пользуется и поныне заслуженной известностью в ученом мире; но о самой личности его, как человека и как должностного деятеля русской службы, кажется, не встречалось в нашей печати до сих пор никаких сведений» ⁶. То же говорится в биографических материалах сенатора Н.П. Смирнова за 1898 год ⁷.

Большая энциклопедия под редакцией С.Н. Южакова (1905 г.) сообщает, что Иоганн Филипп Август Эверс занимался историей с 1799 г. под руководством Шлецера и Гердера (видимо, вместо Геерена). Издание сочинения «О происхождении Русского государства» ошибочно указано под 1818 г. (вместо 1808) ⁸. Статья правоведа Б.И. Сыромятникова (1929 г.), посвященная биографии и научной деятельности дерптского историка, размещена в «Энциклопедическом словаре русского библиографического института Гранат» ⁹. Малая советская энциклопедия (1947 г.) говорит о нем как об авторе «ряда работ по истории России, в частности, русского права, написанных на немецком языке» ¹⁰. Несмотря на обращение к указанной проблеме зарубежных и отечественных специалистов ¹¹, до сих пор известно крайне мало достоверных сведений о личной жизни, научной, административной и преподавательской деятельности Эверса, изучение научного наследия которого сегодня ограничивается рассмотрением его родовой теории, нашедшей последователей в лице представителей государственной школы российской историографии, и обращением к его исследованиям в области древнерусского права.

Так, например, в отечественной и зарубежной исторической литературе нет единого мнения по поводу даты его рождения: указываются, как правило, 1779 или 1781 годы. Есть единичные упоминания о 1780 ¹² и 1791 гг. ¹³ рождения ученого. Анализ российской историографии этой проблемы показывает, что большее распространение имеет дата 22 июня (по старому стилю 2 июля ¹⁴) 1781 года. Она приводится преимущественно в трудах дореволюционных и советских исследователей, а также в работе историка-эмигранта Г.В. Вернадского ¹⁵. Этой точки зрения придерживается большинство современных российских ученых ¹⁶. Именно эта дата — 22 июня 1781 г. —

указывается практически во всех биографических и энциклопедических словарях и справочниках¹⁷. «Справочный энциклопедический словарь» под редакцией Старчевского приводит дату 23 июля 1781 года¹⁸. О рождении Эверса в 1779 г. сегодня говорит только М. Шиппан¹⁹. Дата 22 июня 1781 г. весьма распространена и в зарубежной историографии²⁰. Однако наряду с ней нередко встречается и 1779 г. как год рождения дерптского историка²¹.

Исследователи биографии и творчества Эверса почти не уделяли внимания его жизни до 1803 г. (до переезда в Российскую империю). Исключением является работа Л.М. Леппик²². В монографии «Ректор Эверс» исследовательница сообщает, что Иоганн Филипп Густав Эверс родился 22 июня 1779 г. и был третьим ребенком в семье крестьянина Иоганна Фридриха Эверса (1747—1803) из местечка Амелунксен на Везере провинции Вестфалия²³ в Пруссии (по воспоминаниям внука Густава Эверса, известного протестантского теолога Адольфа Гарнака²⁴, Амелунксен принадлежал к епархии «Соргеу», знаменитой своим средневековым монастырем²⁵). В примечании Леппик подчеркивает, что благодаря усилиям школьного директора и краеведа Р. Домана, проживающего в соседнем с Амелунксеном Брауншвейге, удалось установить точную дату рождения Эверса, то есть 1779 год. Как возникла другая дата рождения известного историка — 1781 г., которая получила распространение еще при жизни Эверса, точно выяснить не удалось²⁶. Как правило, во всех документах до середины XIX в. указывалась не дата рождения, а возраст человека. Так, в подушной ревизии 1816 г., хранящейся в Национальном архиве Эстонии, в графе «возраст» напротив фамилии Эверса значится 34 года²⁷ (то есть 1782 год рождения). В послужном листе ректора Эверса за 1828 г. в графе «возраст» отмечено 48 лет²⁸ (следовательно, год рождения — 1780). Поэтому установить точную дату его рождения на основе сохранившихся документов довольно трудно.

О своем возрасте Эверс упоминал редко. Возможно это было связано, как предполагает Леппик, с боязнью оказаться в армии, но могла быть и другая причина: например, люди в ту эпоху часто не помнили точную дату своего рождения. В монографии «Ректор Эверс» (2001 г.) Леппик указала: «В Германии до сих пор продолжают носить фамилию Evers (следует отметить, что немецкое написание фамилии отца Густава Эверса именно «Evers». — Л.И.), в России же она трансформировалась в Ewers и употребляется только в сочетании с именем ректора I.Ph.G. Ewers»²⁹. Однако необходимо заметить, что в Дерптском университете преподавал профессор богословия, швед по происхождению Lorenz Ewers (1742—1830)³⁰, поэтому здесь не исключена и возможность ошибки.

Одна из первых биографических статей об Эверсе содержится в «Общем лексиконе писателей и ученых провинций Лифляндии, Эстляндии и Курляндии» (1827 г.). В ней сообщается, что Эверс родился 4 июля 1781 г. в семье зажиточных крестьян³¹. На сайте «Восточно-германские биографии» размещена статья М. Цайдлер, в которой подробно изложена биография ученого. Данная работа, написанная в том числе и на основе воспоминаний внука Эверса Адольфа Гарнака, содержит указание на то, что историк умер в 1830 г. в возрасте 51 года. Сам Гарнак отмечал, что его дед умер в 1830 г., при этом ему «noch

nicht 50 Jahre alt (еще не исполнилось 50 лет)»³². Кроме того, Цайдлер обращает внимание на тот факт, что в евангелической церковной книге общины Амелунксен отмечена дата крещения Эверса под именем Иоганн Филипп 22 июля 1779 года³³. Эти сведения подтверждают эстонские исследователи М.Г. Салупере и Леппик, делая ссылку на церковную метрику, обнаруженную Доманом³⁴. Следовательно, годом рождения Густава Эверса следует считать 1779.

Нет точных сведений и о социальном происхождении Эверса: одни называют его сыном вестфальского крестьянина³⁵, зажиточного поселянина³⁶, другие — сыном лифляндского фермера³⁷. Первоначальное образование он получил под руководством сельского пастора Шнорра³⁸, с 1796 г. учился в объединенной городской и монастырской школе в Гольцминдене³⁹. 2 апреля 1799 г. в именной список зачисленных в Геттингенский университет, среди которых фигурирует фамилия Эверса, была внесена отметка о его третьем личном имени — «Густав».

В Геттингене он занимался теологией и классической филологией. Под руководством историка церкви Г.Я. Планка (1751—1833)⁴⁰ им был осуществлен перевод с датского на немецкий язык «Справочника христианской догматической истории» копенгагенского епископа Фридриха Мюнтера (1761—1830). Над переводом он работал до 1806 г. и подготовил двухтомное (в трех частях) издание в 1200 страниц⁴¹. Внезапно Эверс отошел от занятий теологией и посвятил себя истории⁴² (В.П. Макарихин указал, что в Геттингене Эверс «активно занимался изучением торговых отношений»⁴³. Вероятно, ошибка закралась из-за того, что этот вопрос разрабатывал учитель Эверса, геттингенский профессор А.Л.И. Геерен). Трудно сказать, что послужило причиной перехода Эверса к изучению государственной и правовой наук. В упомянутом выше «Лексиконе» констатируется, что он решил «посвятить себя исключительно государственной науке» под влиянием своего университетского друга Ф. Рюса (1781—1820)⁴⁴. Его учителями, оставившими весьма заметный след и в его биографии, и в его методологии науки, были знаменитые геттингенские профессора Геерен (1760—1842)⁴⁵ и А.Л. Шлецер (1735—1809).

После окончания университета Эверс получил предложения быть домашним учителем у «генерала Янсена, голландского губернатора, и в Париже у m-me de Stael»⁴⁶. По рекомендации Шлецера, он в 1803 г. стал учителем в доме лифляндского ландрата (советника от дворян уезда) Отто Магнуса фон Рихтера (1755—1826) в его имении Ваймаль (Ваймель, Вьямель) в Верроском уезде Лифляндской губернии Российской империи⁴⁷. Его воспитанниками были сыновья ландрата Эдуард⁴⁸ и Отто⁴⁹, а также племянник Рихтера Эрнст⁵⁰ (Майдель). В Ваймеле он познакомился со своей будущей женой, приемной дочерью ландрата Рихтера (по другим сведениям, его племянницей) баронессой Доротеей⁵¹ («Дорхен», как называл ее в письмах Эверс⁵²) фон Майдель, на которой он женился в 1811 г.⁵³ и от которой имел сына Отто⁵⁴ и трех дочерей: Матильду⁵⁵, Берту⁵⁶ и Марию⁵⁷.

Близость Ваймеля к Дерпту (60 верст) решила вопрос использования университетской библиотеки. К этому времени Густав Эверс уже был знаком с К.С. Моргенштерном (1770—1852)⁵⁸ — директором главной университетской библиотеки в Дерпте. В предисловии к

«Происхождению Русского государства» (1808 г.) Эверс подчеркнул: «Среди используемых источников сведущий читатель не найдет лишь некоторые значимые работы, но, несомненно, обнаружит труды, которые он не ожидал увидеть в том месте, где я на них ссылаюсь. Этому я обязан библиотеке Дерптского университета, пользоваться которой мне с великой щедростью разрешил Академический Совет»⁵⁹.

Первые годы пребывания Эверса в Ваймале были ознаменованы его публикациями по актуальному вопросу освобождения крестьян Прибалтийских провинций Российской империи⁶⁰. К этому же времени относится начало его переписки с И.Ф. Кругом (1764—1844)⁶¹, которая, по верному замечанию А.А. Куника, положила начало многолетней дружбе двух историков⁶². Поводом к ней послужило объявление в каталоге весенней Лейпцигской ярмарки 1806 г. о предстоящем выходе книги Эверса «О происхождении Русского государства». Круг отвечал на обращенную к Академии наук просьбу Эверса о помощи в получении и возможности использования древнерусских источников, считая ее невыполнимой⁶³. Круг, по свидетельству Куника, испытывал к Эверсу «сердечную симпатию». Приводя пространные цитаты из их писем, он констатировал: «Бумаги Круга включают в себе некоторый материал для будущей биографии» дерптского историка-юриста⁶⁴. Параллельно Эверс вел активную переписку с доктором философии, профессором Дерптского университета А.Х. Гаспари (1752—1830), обсуждая вопросы истории России, просил присылать необходимые для работы книги⁶⁵.

В 1808—1809 гг. Эверс сопровождал в Москву своих воспитанников, которые были зачислены в Московский университет. Там он познакомился с Н.М. Карамзиным (1766—1826), начало переписки с которым относится к апрелю 1808 года. Остаются неизвестными первые письма от Эверса семейству Рихтеров, в которых он, судя по контексту последующих, рассказывал о своих встречах с российским историографом. Советский историк М.В. Нечкина акцентировала внимание на благотворном влиянии на Эверса Карамзина: начинающий тогда исследователь получил возможность работать с редкими историческими источниками в его библиотеке⁶⁶. Подтверждение этому находим в письме от 28 августа 1808 г., в котором Эверс сообщал Рихтерам, что Карамзин в середине сентября должен познакомить его с рукописями А.И. Мусина-Пушкина «и, вообще, сделать мое здешнее пребывание как можно более полезным для науки».

8 октября 1808 г. в письме Кругу Эверс отметил: «Я познакомился с Карамзиным и очарован... Он объединяет по своему предмету много исчерпывающих знаний с критическим умом. И какой клад древних рукописей он собрал! Он имеет полное право говорить, что нигде не объединено больше пособий по русской истории, чем в его рабочем кабинете. Мне он любезно предоставляет возможность ими пользоваться»⁶⁷. Месяц спустя Эверс писал: «Дружба с Карамзиным развивается. Кажется, он имеет ко мне почти личную симпатию... Я всегда учусь у него в нашем деле, ни один человек не знает столько о русской истории и никто не изъявляет такой готовности учить меня»⁶⁸. В ответном письме от 29 октября 1808 г. г-жа Рихтер сообщила: «То, что знакомство с Карамзиным доставило Вам такое удовольствие, меня очень обрадовало... что Вы надеетесь многому у него поучиться».

В письме ландрату Рихтеру от 28 августа 1808 г. Эверс сообщал о своем конфликте с профессором Московского университета Х.А. Шлецером (1774—1831), сыном А.Л. Шлецера. Суть спора заключалась в авторстве ответа на вопрос: «Какой народ следует понимать под волохами Нестора?» За два года до этого инцидента Московский университет объявил премию в 500 руб. за лучшее разрешение данной проблемы. Победителем оказался Х.А. Шлецер. Профессор естественного права и теории изящных искусств названного университета И.Ф. Буле (1763—1821) навел Эверса на мысль, что утверждения Шлецера основаны именно на его (Эверса) системе доказательств. «Только честь я у него оспариваю, — объяснял в письме Эверс. — Может быть, несправедливо: почему бы он не мог без меня найти того, что мною найдено без него?»⁶⁹

Поездка в Москву была вообще весьма полезна для Эверса. Он познакомился и затем активно общался с рядом ученых и общественных деятелей того времени. Среди них — профессор истории и ректор Московского университета Х.А. Чеботарёв (1745/1746—1815), профессор естественного права и теории изящных искусств И.Ф. Буле, профессор всемирной истории, статистики и географии И.А. Гейм (1759—1821), профессор римского права, истории наук и педагогики Ф.Г. Баузе (1752—1812), профессор философии Ф.Х. Рейнгард (1764—1812), а также поэт и литературный критик П.А. Вяземский (1792—1878), будущий начальник третьего отделения А.Х. Бенкендорф (1782—1844), а также генерал-лейтенант К.Ф. Кнорринг (1746—1820).

Надлежит добавить, что среди знакомых Эверса был известный собиратель документов по истории России Н.П. Румянцев (1754—1826), с которым он познакомился в 1813 г. по совету Круга. Он тогда был министром иностранных дел (1807—1814 гг.), а в 1810—1812 гг. занимал должность председателя Государственного Совета, что могло благоприятно сказаться на продвижении Эверса по служебной лестнице. Румянцев попал под влияние идеи Эверса и даже организовал экспедицию в Сурож (Судак) для проверки истинности его гипотезы о южном происхождении руси⁷⁰.

Сочинение «О происхождении Русского государства»⁷¹ (1808 г.) стало камнем преткновения между автором и его учителем Шлецером, который ранее сам в «руси» видел понтийскую русь и сближал ее с хазарами, но потом отказался от этой гипотезы. Называя Эверса «поэтом хазар», он обвинил начинающего исследователя в плагиате, так как Эверс якобы без ссылок печатал «целые абзацы, целые страницы»⁷² из его «Нестора». Как отмечает В.В. Фомин, «такая реакция маститого и европейски известного ученого была вызвана выводами Эверса, абсолютно несовместимыми с его собственными»⁷³.

В ответ на необоснованную критику и обвинения в плагиате в 1810 г. увидели свет «Неприятные воспоминания об Августе Людвиге Шлецере»⁷⁴ Эверса, негативно отразившиеся на взаимоотношениях Эверса с Карамзиным⁷⁵. Отголоски этого конфликта в 1811 г. послужили основанием к возбуждению дела об оскорблении памяти Шлецера («Неприятные воспоминания» были опубликованы уже после его смерти) и чести его наследников. Жалобу на Эверса в университетский суд подал сын Шлецера — вице-консул в г. Любек К. Шлецер (1780—1859). Однако дело было закрыто потому, что истец не

представил конкретное обвинение и признал, что его отец, хоть и «не намерено», искажил письма Эверса ⁷⁶.

С 1809 г. началась преподавательская деятельность Эверса в Дерптском университете: 27 сентября его выбрали штатным профессором по кафедре географии, статистики и истории России. Он читал курс по географии (составил учебное пособие по экономической географии России ⁷⁷), русской истории (древней и новой), а также курсы, посвященные государственному устройству, статистике и топографии Российской империи, спецкурс критического введения в изучение древнейшей русской истории. С начала своей преподавательской деятельности Эверс вел учебные курсы по истории государств Западной Европы — от падения Римской империи до Французской революции 1789 г., по статистике, современному положению, государственному устройству и управлению европейских государств Англии и Франции. С 1810—1811 уч. года он занимал пост декана филологического факультета и, как профессор истории, статистики и географии Российской империи и провинций Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и Финляндии, преподавал топографию Русского государства и государственного устройства Франции ⁷⁸.

С 1814 г. Эверс читал курс по истории средних веков. Его лекционный материал частично сохранился в записях его учеников. Из лекций по средневековой истории — только четыре (в общем же их было, вероятно, более 90; из воспоминаний В.А. Жуковского, бывшего студента Дерптского университета, известно, что курс средневековой истории в Дерптском университете продолжался с февраля до конца мая, и каждый день читалось по лекции), записанные его рукой, частью на немецком и частью на русском языках. Лекции представляли собой два раздела: в первом излагались общие идеи, во втором — строгие научные данные ⁷⁹. В 1814 г. были опубликованы «Предварительные критические исследования для Российской истории» ⁸⁰ (русский перевод М.П. Погодина, 1825—1826 гг. ⁸¹) — сочинение, которым он придал мощный импульс изучению проблем древней русской истории.

Наряду с научной и преподавательской деятельностью с ноября 1814 г. Эверс возглавлял школы Дерптского учебного округа, с 1816 г. вел курсы по новой всеобщей истории. В том же году он получил предложение занять вакантную должность штатного профессора государственной экономики в Берлинском Императорском университете. М. Цайдлер считает, что причиной отказа от такого почетного предложения было «лучшее экономическое положение дерптского профессора» ⁸². Однако не стоит забывать, что именно в 1816 г. его вторично избрали деканом филологического факультета и проректором для решения дела о незаконном присуждении докторских степеней на юридическом факультете университета. В итоге прежний ректор был уволен, и с 15 мая 1818 г. этот пост занял Эверс. Возможно, перспектива карьерного роста в Дерпте и была главной причиной отказа от предложения работать в Берлинском университете.

Не менее успешной была и его научная деятельность. В 1816 г. увидела свет изданная на средства Румянцева «История руссов» ⁸³ (изложение доведено до 1689 г.), в которой Эверс попытался дать общий обзор истории России. Он планировал продолжить работу и во

второй части довести содержание до смерти Екатерины II. По мнению Салупере и Леппик, вторая часть сочинения была готова уже к 1818 г., «но, вероятно, Эверс не решился ее напечатать, опасаясь “политических инсинуаций”».

Возможно, мешали и административная работа, и постоянно ужесточавшаяся цензура, но мысль об издании данного труда не оставляла его до самой смерти. Подтверждение этому можно найти в письме Кругу 8 мая 1829 г., в котором историк спрашивал о редакторе для второй части «Истории руссов» (сам он уже почти ослеп к этому времени вследствие опухоли головного мозга)⁸⁴. Совместно с М.Ф. Энгельгардтом он в 1816 и 1818 гг. осуществил публикацию ряда ценных документов по истории России⁸⁵, что фактически составило десятый том первого русского исторического журнала «Sammlung Russischer Geschichte» («Собрание русской истории»), начало которому было положено Г.Ф. Миллером (1705—1783).

С 1818 г. и вплоть до своей смерти в 1830 г. Эверс занимал должность ректора Дерптского университета, по верному замечанию Д.Н. Бакуна, превратив его в лучший вуз страны⁸⁶. Необходимо согласиться с Салупере и Леппик, что столь долгий период ректорства — «случай беспрецедентный в те времена, когда ректор ежегодно выбирался»⁸⁷. За время его пребывания на этом посту университет получил в виде ассигнований более одного миллиона рублей. Благодаря поддержке попечителя Дерптского учебного округа Ливена университет в 1817 г. пополнился новыми штатами. Улучшилось материальное положение учебного заведения⁸⁸. Преподавательский состав его в то время был одним из лучших в Российской империи. Например Эверс приглашал для чтения лекций в университете известного немецкого историка Л. Ранке (1795—1886), а с 1817 г. в Дерпте стал работать историк права, профессор Казанского университета И.Е. Нейман (1780—1855).

Находясь на посту ректора, Эверс улучшил работу университетской библиотеки, создал полноценный фонд русских книг, осуществив проект «Славянская библиотека». Все это имело одну цель: «Чтобы молодежь Остзейнских провинций обращала более внимания на изучение русского языка»⁸⁹. В 1819 г. Эверс был награжден орденом Св. Анны II степени и принят в коллегиальный совет, в 1820 г. получил бриллиантовые регалии этого ордена. В 1822 г. он был возведен в ранг государственного советника. Летом того же года приезжал для осмотра училища Балтийского порта, где познакомился с литератором Н.В. Баталиным (1803—1869), который в то время занимал должность учителя русского языка этого училища. В своих воспоминаниях о ректоре Дерптского университета Баталин писал: «Эверс не считался приверженцем инквизиционной системы Магницких и Руничей... и слыл человеком беспристрастным, умеренным и негордым... Он столь же не напрасно слыл добрым и привлекательным человеком, как недаром славился знаменитым ученым»⁹⁰.

Таким образом, государственная служба Эверса сочеталась с активной преподавательской и научной деятельностью. Сохранились отзывы о его лекционных курсах и ораторском мастерстве в воспоминаниях его студентов. Так, например, учившийся в 1822—1829 гг. в Дерптском университете будущий известный поэт Н.М. Языков

(1803—1846) отмечал в письме к братьям: «Лекции Эверса составляют самую приятную пищу моего ума: читает просто, ясно и необыкновенно выразительно»⁹¹. В период с 1822 по 1827 г. Эверс также выполнял обязанности цензора выходявших в Дерпте изданий и газет политического и исторического содержания (а в 1826 г. был назначен председателем цензурного комитета в Дерпте).

В 1824 г. ему был пожалован орден Св. Владимира III степени. В том же году по инициативе Эверса и при его активном содействии был издан «Первый учебник для немецких детей в учебном округе Дерптского императорского университета»⁹², который долгое время был единственным в своем роде, несколько раз переиздавался и применялся в школах вплоть до конца XIX века. Вошедшая в его состав глава «Маленький катехизис Мартина Лютера с комментариями и библейскими доказательствами» была переработана Эверсом в 1828 г. и издана отдельной книгой уже после смерти автора⁹³.

Административная деятельность отнимала у Эверса очень много времени. Подтверждение этому содержится в изданном в 1825 г. на немецком языке (на русском языке — в 1826 г.) сочинении Неймана «О жилищах древнейших руссов». В предисловии к нему Эверс отметил, что автор разрешил публикацию «с условием, чтобы я выдал сии листы за предварительное известие о собственном своем труде, относящемся до сего же предмета». Далее Эверс указал, что сам всегда имел в виду «продолжение своих исследований, прерванных делами служебными»⁹⁴.

С 1826 г. Эверс — штатный профессор юридического факультета по кафедре положительного государственного и народного права, где он читал курсы положительного государственного права, русского государственного права, политики, европейского народного права и государственного хозяйства. Параллельно с административной и преподавательской деятельностью в 1826 г. Эверс издал монографию «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии»⁹⁵ (русский перевод И. Платонова, 1835 г.⁹⁶). За это сочинение в 1826 г. Густав Эверс был избран почетным членом Российской Академии наук.

Усилиями ректора Эверса в 1828 г. при Дерптском университете был открыт (и существовал до 1839 г.) институт для подготовки профессорских кадров в другие учебные заведения Российской империи. К этому времени Густав Эверс уже был членом-корреспондентом Московского Общества истории и древностей российских, исторического общества при Санкт-Петербургском университете, действительным членом Курляндского общества литературы и искусства, корреспондентом императорской комиссии древностей Копенгагена, почетным членом Латинского общества Йены⁹⁷.

Безусловно, административная деятельность Эверса требовала много времени и сил. Его ректорство, как отмечают Салупере и Леппик, «было счастьем для Дерптского университета, но губительно отразилось на его научных планах и здоровье»⁹⁸. Последним изданием, в котором участвовал Эверс, стал сборник статей его учеников «Результаты изучения основополагающих знаний о прошлом России, совместно с И.Ф.Г. Эверсом». Он умер, составляя предисловие к этой книге, в возрасте 51 года от рака головного мозга.

По поводу даты смерти Густава Эверса в исторической литературе расхождений нет: все исследователи называют 8 (20) ноября 1830 г., хотя метрические книги прихода св. Иоганна (г. Дерпт) за 1830 г. не сохранились, и невозможно проверить запись о его смерти. Однако нет серьезных оснований не доверять этой дате, так как именно она указана во всех некрологах ⁹⁹.

Таким образом, на основе историографического анализа и привлечения ряда архивных документов удалось изучить отрезок биографии ученого до 1803 г., то есть до его переезда в Российскую империю, которому ранее не уделялось достаточно внимания в исторической науке. Кроме того, на основе личной переписки историка были рассмотрены отдельные факты его жизни и научной деятельности до начала 1810 г., времени, когда Эверс получил должность профессора Дерптского университета. Основные вехи его биографии можно проследить по архивным материалам, большая часть которых представлена в монографии Леппик «Ректор Эверс».

Советский историк В.И. Шевцов выделил два периода научной деятельности Густава Эверса. Первый охватывал время с 1808 по 1816 г. и завершался выходом в свет «Истории руссов». По мнению исследователя, он характеризовался тем, что «Эверс придерживался еще принципов дворянской историографии XVIII в., и только в “Истории руссов” отразился решительный поворот во взглядах автора на задачи и предмет исследования»; второй период (1817—1830 гг.) озаглавлен появлением труда «Древнейшее русское право», в котором «утверждались принципы буржуазной исторической науки» ¹⁰⁰.

Однако вне поля зрения Шевцова остался период с 1803 по 1808 г., когда Эверс активно работал с материалами Дерптской университетской библиотеки и выступал в печати с полемическими статьями по крестьянской реформе, основанными не только на наблюдениях автора. Он привлекал статистические методы вычисления доходности крестьянских хозяйств, а также анализировал крестьянское законодательство в России вообще и в Прибалтийских провинциях Российской империи, в частности. Период с 1803 по 1808 г. в жизни Густава Эверса был насыщен важными событиями. Здесь и работа в качестве домашнего учителя в доме лифляндского ландрата Рихтера, и участие в полемике по крестьянскому вопросу, и поездка 1808 г. в Москву, где начинающий ученый познакомился с плеядой известных людей, составлявших целую эпоху в отечественной исторической науке и общественно-политической жизни России периода правления Александра I.

Примечания

1. Карл Андреевич (Карл-Христофор) Ливен — барон, граф (с 1799 г.) и светлейший князь (с 1826 г.); генерал от инфантерии, министр народного просвещения Российской империи, член Государственного совета Российской империи.
2. Baltische Monatsschrift. Herausgegeben von F. Binemann. Bd. XLII. Reval. 1884, S. 191—204, 265—280, 422—438.
3. ENGELHARD R. Die Deutsche Universität Dorpat in ihrer geistesgeschichtlicher Bedeutung. Basel. 1933, S. 6, 62, 72.

4. Baltische Geschichte. Die Ostseelände. Ehistland, Kurland 1180—1918. München. 1954, S. 172; WITTRAM R. Die Universität Dorpat im 19 Jahrhundert. Deutsche Universitäten und Hochschulen im Osten. Westdeutscher Verlag, Köln-Opladen. 1964, S. 65—140.
5. Справочный энциклопедический словарь. Т. 12. СПб. 1847, с. 360.
6. РЯБИНИН Д.Д. Профессор Эверс по запискам Н.В. Баталина. — Русский архив. 1878, № 4, с. 404.
7. Библиографические материалы: опись книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н.П. Смирнова. СПб. 1898, с. 418.
8. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 20. СПб. 1905, с. 453.
9. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Т. 50. М. 1929, стб. 624.
10. Малая советская энциклопедия. Т. 11. М. 1947, с. 437.
11. РУБИНШТЕЙН Н.Л. Русская историография. М. 1941, с. 222; ШЕВЦОВ В.И. Густав Эверс и русская историография. — Вопросы истории. 1975, № 3, с. 55; ШИКЛО А.Е. Он заставил думать над русской историей: Иоганн Филипп Густав Эверс. В кн.: Историки России XVIII — нач. XX вв. М. 1996, с. 124; МАКАРИХИН В.П. Курс лекций по отечественной историографии: досоветский период. Нижний Новгород. 2001, с. 62; ЗЕЛЕНОВ М.В. Иоганн Филипп Густав Эверс. В кн.: Историки России XVIII—XX вв. М. 1995, с. 81—82.
12. PETER K. CHRISTOFF. K.S. Aksakov, A Study in Ideas. Vol. III: An Introduction to Nineteenth-Century Russian Slavophilism. Princeton University Press. 2014, p. 362.
13. STUPPERICH R. Gustav Ewers (1791—1830). Westfälische Lebensbilder. Veröffentlichungen der Historischen Kommission Westfalens XVII A, Band XI. Aschendorff. 1975, S. 78.
14. Такая дата стоит в справочнике Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710—1760. Köln-Wien-Böhlau. 1970, S. 204; LEPPIK L. Rektor Ewers. — Kleio. Ajaloo ajakiri. 1996, № 3 (17), lk. 19.
15. Материалы для библиографии или обозрение русских и иностранных книг, находящихся в библиотеке любителя исторических наук и словесности N.N., составлено Яковом Березиным-Ширяевым. СПб. 1868, с. 69; УСТРЯЛОВ Н.Г. Русская история до 1855 г. в двух частях. Ч. 1. Петрозаводск. 1997, с. 418; РЯБИНИН Д.Д. Ук. соч., с. 404; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского Университета за сто лет его существования (1802—1902). Т. II. Юрьев. 1902, с. 510; РУБИНШТЕЙН Н.Л. Ук. соч., с. 222; ГРАБАРЬ В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России, 1647—1917. М. 1958, с. 195—196; ШЕВЦОВ В.И. Ук. соч., с. 55; САХАРОВ А.М. Историография истории СССР: досоветский период. М. 1978, с. 107; ШАПИРО А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учебное пособие. М. 1993, с. 364; КУЗЬМИН А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М. 2003, с. 40; ЕГО ЖЕ. История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М. 2004, с. 75; ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Русская историография. М. 1998, с. 75.
16. ЗЕЛЕНОВ М.В. Ук. соч., с. 81; ШИКЛО А.Е. Ук. соч., с. 124; МАКАРИХИН В.П. Ук. соч., с. 62; ФАЙНШТЕЙН М.Ш. «И славу Франции в России превзойти»: Российская Академия (1783—1841), развитие культуры и гуманитарных наук. М. 2002, с. 100; ПЕТРОВ Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: Российские университеты и устав 1804 г. М. 2003, с. 232; БАКУН Д.Н. Развитие библиографии исторических источников в России (XVIII — нач. XX в.). М. 2006, с. 92; ХАЛЯВИН Н.В. Историография истории России (дореволюционный период): курс лекций. Ижевск. 2017, с. 120.
17. Большая советская энциклопедия. Т. 29. М. 1978, с. 554; Советский энциклопедический словарь. М. 1984, ст. 1524.
18. Справочный энциклопедический словарь, с. 360.
19. ШИППАН М. Карл Фридрих фон дер Борг — переводчик Ивана Дмитриева. В кн.: Иван Иванович Дмитриев (1760—1837). Жизнь. Творчество. Круг общения [Чтения Отдела русской литературы XVIII в. Вып. 6]. СПб. 2010, с. 125.
20. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-lexicon der Provinzenlivland, Estland und Kurland: A—K. J.F. von Recke, T. Beise, K.E. Napiersku. Mitau. 1827, S. 535; Allgemeine

- Encyklopädie der Wissenschaften und Künste: in alphabetischen Folge. Leipzig. 1829, S. 286; STUPPERICH R. Op. cit. S. 78; Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Deutscher Verlag der Wissenschaften. Berlin. 1985, № 29, S. 283; ZEIL W. Slawistik in Deutschland. Böhlau. 1994, S. 592; SILNIZKI M. Geschichte des gelehrten Rechts in Rusland. Bd. 1. Jurisprudencija an den Universitäten des Russischen Reiches 1700—1835. Frankfurt am Main. 1997, S. 412; HAAH Г. Советская Эстония: Энциклопедический справочник. Таллин. 1979, с. 43
21. Geschichte der deutschbaltischen Geschichtsschreibung. Im Auftrage der Baltischen Historischen Kommission unter Mitwirkung von Michael Garleff, J. von Hehn, W. Lenz herausgegeben von Georg von Rauch. Köln-Wien. 1986, S. VII; VARPIO Y., ZADENCKA M. Literatur und nationale Identität. Bd. 3. Zur Literatur und Geschichte des 19. Jahrhunderts im Ostseeraum: Finnland, Estland, Lettland, Litauen und Polen. Stockholm. 2000, S. 235.
 22. LEPPIK L. Op. cit., lk. 19.
 23. Вестфалия — историческая область на северо-западе Германии между реками Рейн и Везер (в настоящее время данная территория является восточной частью федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия).
 24. Gustav Adolf von Harnack (07.05.1851 — 10.06.1930).
 25. ZAHN-HARNACK AGNES von. Adolf von Harnack. Berlin. 1951, S. 3.
 26. LEPPIK L. Rektor Ewers. Monografia. Tartu. 2001, lk. 39.
 27. Национальный архив Эстонии, Императорский Тартуский университет (ЕАА). 1865-2-99:4, л. 21об.
 28. Там же. 402-3-1977, л. 146об.
 29. LEPPIK L. Rektor Ewers, lk. 39.
 30. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802—1902). Т. I. Юрьев. 1902, с. 67—68.
 31. Allgemeines Schriftsteller- und Gelerten- lexicon der Provinzenlivland, Estland und Kurland, S. 535.
 32. ZAHN-HARNACK AGNES von. Op. cit., S. 3.
 33. Zeidler M. Ewers, Gustav von. Historiker. In: Ostdeutsche biographie. Persönlichkeiten des historischen deutschen Osten. URL: <http://www.ostdeutsche-biographie.de/ewergu05.htm>.
 34. Письма Г. Эверса к семейству ландрата Рихтера. М.Г. Салупере, Л.М. Леппик. — Новое литературное обозрение. 1997, № 27, с. 95.
 35. САЛУПЕРЕ М.Г., ЛЕППИК Л.М. Г. Эверс и Н.М. Карамзин. — Новое литературное обозрение. 1997, № 27, с. 82; МАКАРИХИН В.П. Ук. соч., с. 62.
 36. ЗЕЛЕНОВ М.В. Ук. соч., с. 81.
 37. РУБИНШТЕЙН Н.Л. Ук. соч., с. 222; ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Ук. соч., с. 75; ХАЛЯВИН Н.В. Ук. соч., с. 120.
 38. Allgemeines Schriftsteller- und Gelerten- lexicon der Provinzenlivland, Estland und Kurland. A-K. J.F. von Recke, T. Beise, K.E. Napiersku. Mitau. 1827, S. 535.
 39. Гольцминден — город в герцогстве Брауншвейг-Вольфенбюттель; ныне — территория федеральной земли Нижняя Саксония.
 40. Готтлиб Иаков Планк в области церковной историографии знаменит сочинением «Geschichte der christlich-kirchlichen Gesellschafts — Verfassung» («История христианско-церковного общественного устройства»), в пяти томах, вышедших в период с 1803 по 1809 год.
 41. EWERS G. Dr. Friedrich Münters, Prof. an der Universität zu Kopenhagen, Handbuch der ältesten Dogmengeschichte, mit Zusätzen des Verf. vermehrt und deutsch herausgegeben. 1-ster Bd. Göttingen. 1802; 2-ten Bds. 1-ste Hefte. Ebd., 1804; 2-te Hefte. Ebd., 1806.
 42. Allgemeines Schriftsteller- und Gelerten- lexicon der Provinzenlivland, Estland und Kurland, S. 535—539.
 43. МАКАРИХИН В.П. Ук. соч., с. 62.
 44. Фридрих Христиан Рюс — немецкий историк.
 45. Арнольд Герман Людвиг Геерен — немецкий историк, почетный член Российской академии наук (1826). Профессор философии и истории в Геттингенском университете.

46. SOMMERHAGE C. Zur Geschichte der Deutschen in Dorpat. Tartu. 2000, S. 118, 536.
47. Ныне территория уездов Йыгевамаа и Тартумаа Эстонии.
48. Густав Эдуард Христоф фон Рихтер (1790—1847).
49. Отто Фридрих фон Рихтер (1791—1816). Подробнее об этом см.: STADNIKOW S. Otto Friedrich von Richters Forschungsreise in Unternubien im Jahre 1815. Auszüge aus dem Tagebuch. Mitteilungen für Anthropologie und Religionsgeschichte, 15. Münster. 2000, S. 125—161. Ему посвящена книга Густава Эверса: Otto Friedrichs von Richter Wallfahrten im Morgenlande. Aus seinen Tagebüchern und Briefen dargestellt von Johann Philipp Gustav Ewers, Russ. K. Staatsrath... ordentl. Professor an der Universität Dorpat etc. Mit Kupfern. Berlin, 1822, in G. Reimer's Verlage. Dorpat, gedruckt bei J. Chr. Schönmann, Universitäts-Buchdrucker. Berlin. 1822.
50. Эдуард Отто Эрнст фон Майдель (1790—1862).
51. Dorothea Christina Eleonore von Maydell (01.01.1790—03.09.1864), в замужестве — von Ewers.
52. Письма Г. Эверса к семейству ландрата Рихтера, с. 99.
53. ZEIDLER M. Op. cit.; ZAHN-HARNACK AGNES von. Op. cit., S. 4.
54. Otto Roderich von Ewers (21.01.1812—30.09.1873).
55. Mathilde Anna Beate von Ewers (04.03.1815—01.05.1850), в замужестве — von Oettingen.
56. Anna Bertha Catharine von Ewers (06.12.1818—04.04.1913), в замужестве — von Engelhardt.
57. Anna Carolina Maria von Ewers (22.05.1828/29—23.11.1857), в замужестве — von Harnack.
58. Карл Симон Моргенштерн — филолог и нумизмат. Профессор Дерптского университета, почетный член Санкт-Петербургской Академии наук (с 1826 г.).
59. EWERS G. Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen. Riga-Leipzig. 1808. S. XI.
60. EJUSD. Einige Frage an Jeden, der sie beantworten kann, insonderheit an den Herr Kollegienrat von Kotzebue. — Allgemeine Literatur-Zeitung. Halle, Leipzig, vom 4 Juni 1806, № 46, S. 177—184; EJUSD. Provisorische Verfassung des Bauerstandes in Ehstland. SPb. 1806; EJUSD. Vom Zustande der Bauern in Livland und Ehstland. Ein Wort zu seiner Zeit; auch dem Herrn Kollegien-Rath von Kotzebue zur Beherzigung empfohlen. December 1806. Dorpat. 1806.
61. Филипп Иванович Круг — археолог, нумизмат и историк.
62. KUNIK E.E. Einleitung. Von Herausgeber. In: KRUG PH. Forschungen in der ältesten Geschichte Russland. T. 1. SPb. 1848, S. CL.
63. САЛУПЕРЕ М.Г., ЛЕППИК Л.М. Ук. соч., с. 84.
64. KUNIK E.E. Einleitung, S. CL.
65. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802—1902). Т. II. Юрьев. 1903, с. 505—509.
66. НЕЧКИНА М.В. Густав Эверс. Русская историческая литература в классовом освещении. М. 1927, с. 29.
67. Die wissenschaftliche Korrespondenz zwischen Gustav Ewers (1781—1830) und Philipp Krug (1764—1844). — Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1985, Bd. 29, S. 300.
68. Письма Г. Эверса к семейству ландрата Рихтера, с. 103.
69. Там же, с. 99, 101.
70. Подробнее об этом см.: Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. М. 1971, с. 417; ТУНКИНА И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). М. 2002, с. 92.
71. EWERS G. Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen. Riga-Leipzig. 1808.
72. SCHLÖZER A.L. Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache: verglichen, von SchreibFehlern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt. Bd. 5. Göttingen. 1809, S. XVI—XXXV.
73. ФОМИН В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии. В кн.: Изгнание норманнов из Русской истории. Сб. статей и монографий. М. 2010, с. 399.
74. EWERS G. Unangenehme Erinnerung an August Ludwig Schlözer. Dorpat. 1810.

75. САЛУПЕРЕ М.Г., ЛЕППИК Л.М. Ук. соч., с. 86, 88.
76. Там же, с. 87.
77. СИИЛИВАСК К. История Тартуского университета, 1632—1982. Таллин. 1982, с. 99.
78. Dorpat Verzeichnis der vom 1. August 1811 zu haltenden halbjährigen Vorlesungen. — Intellegenzblatt der Jenaischen Allgemeine Literatur-Zeitung. 11 September 1811, № 50, S. 468.
79. Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы. В кн.: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. 1. М. 1859, с. 71—74.
80. EWERS G. Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. Erstes u. zweites Buch. Dorpat-Mitau. 1814.
81. Предварительные критические исследования Густава Еверса для Российской истории. Кн. 1—2. М. 1826.
82. ZEIDLER M. Op. cit.
83. EWERS G. Geschichte der Russen. Von den ältesten Zeiten bis zur Alleinherrschaft Peters des Grossen. Т. I. Dorpat. 1816.
84. САЛУПЕРЕ М.Г., ЛЕППИК Л.М. Ук. соч., с. 89, 94.
85. Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte. Herausgegeben von Gustav Ewers und Moriz von Engelhardt. Bd. 1. Hefte 1. Dorpat-SPb.-Leipzig-Berlin. 1816; Dorpat. 1818.
86. БАКУН Д.Н. Ук. соч., с. 92.
87. САЛУПЕРЕ М.Г., ЛЕППИК Л.М. Ук. соч., с. 82.
88. СИИЛИВАСК К. Ук. соч., с. 72, 81.
89. БУДИЛОВИЧ А.С. Несколько данных и соображений об успехах русского языка в Юрьевском (бывшем Дерптском) университете в истекающем столетии: речь, прочитанная 10 мая 1898 г. в годовичном собрании состоящего при этом университете. Юрьев. 1899, с. 40.
90. РЯБИНИН Д.Д. Ук. соч., с. 406, 410.
91. Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни, 1822—1829. СПб. 1913, с. 464; ЯЗЫКОВ Н.М. Сочинения. Л. 1982, с. 308.
92. EWERS G. Ersten Schulbuch für die deutsche Jugend im Lehrbezirke die Kaiserl. Universität Dorpat. Dorpat. 1824.
93. EWERS G. Martin Luthers Kleiner Katechismus mit Erläuterungen und biblischen Beweisstellen. Mit Allerhöchster Genehmigung zum Gebrauche bei dem Religionsunterrichte der Evangelisch-Lutherischen Jugend in den oberen Classen der hoeheren Lehranstalten in Ruszland herausgegeben von Johann Philipp Gustav Ewers, Professor an der Kaiserlichen Universitaet Dorpat. Mitau. 1831.
94. О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на N. и критический разбор оногo. М. 1826, с. II.
95. EWERS G. Das ältesten Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung dargestellt. Dorpat-Hamburg. 1826.
96. ЭВЕРС И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб. 1835.
97. Allgemeines Schriftsteller- und Gelertenlexicon der Provinzenlivland, Estland und Kurland, S. 537—538.
98. САЛУПЕРЕ М.Г., ЛЕППИК Л.М. Ук. соч., с. 82.
99. [Некролог]. — Санкт-Петербургские Ведомости. 1830, № 139, 19 ноября, с. 909; [Некролог]. — Северная Пчела. 1830, № 137, 15 ноября, с. 1; [Некролог]. — Исторический, статистический и географический журнал. 1830, ч. 4, кн. 3, № 12, с. 221.
100. ШЕВЦОВ В.И. Ук. соч., с. 14—15.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201807Shkola01

ББК 63.3(47)53/УДК 94(497)«191»

Балканские корни первой мировой войны: правда и вымысел

П.А. Искендеров

Аннотация. Публикация посвящена ситуации на Балканах накануне первой мировой войны. Основное внимание уделено анализу подлинных и мнимых причин начала войны применительно к региону. В центре внимания — основные узловые моменты темы, которые нуждаются в более подробном изложении и осмыслении применительно к школьному курсу истории.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия, Италия, первая мировая война, Балканы, Сербия, Болгария.

Abstract. The publication is devoted to the situation in the Balkan Peninsula on the eve of World War I. The author pays particular attention to the real as well as false Balkan roots of the European war. The most discussed problems connected with school history lessons are under examination.

Key words: Russia, Great Britain, France, Germany, Austria-Hungary, Italy, World War I, Balkan Peninsula, Serbia, Bulgaria.

В центре внимания данной публикации — исторические корни первой мировой войны в той их части, которая является самой дискуссионной и обсуждаемой стороной проблемы, а именно балканской. В какой степени государства Балканского полуострова, и в первую очередь Сербия и поддерживавшая ее Россия, ответственны за возникновение первого в XX в. общемирового военного пожара? И насколько закономерным, с точки зрения исторического процесса, оказалась первая мировая война — учитывая, что лидеры всех без исключения великих держав все предвоенные недели подчеркивали свою незаинтересованность в военном разрешении кризиса в сербо-австрийских отношениях?

В последние годы тема Балкан не сходит со страниц ведущих мировых изданий и с первых строчек повесток дня крупнейших мировых

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории». E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher at the Institute for Slavic Studies RAS, editor-in-chief of “Voprosy Istorii” history journal. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

форумов. Авторы и участники вспоминают старые и изобретают новые эпитеты и словесные конструкции, способные, по их мнению, объяснить происходящее в регионе. «Пороховой погреб Европы» и ее «мягкое подбрюшье», «балканизация» и «балканская чересполосица» — все эти броские выражения верны лишь отчасти, поскольку выхватывают один из элементов совокупной балканской мозаики — будь-то проблема македонская, боснийская или косовская.

Еще более ожесточенный характер подчас приобретают дискуссии относительно событий столетней давности, а именно — в какой мере балканские проблемы и противоречия послужили (и послужили ли?) катализатором или даже ключевой причиной первой мировой войны?

Трудно не заметить происходящий в последнее время в западно-европейской и отчасти балканской историографии процесс «переосмысления» проблемы истоков войны 1914—1918 гг. в совершенно определенном смысле. В духе известных антисербских и антиславянских концепций делается попытка объявить (вопреки положениям Версальского мирного договора) Сербию и стоявшую за ее спиной Россию главными виновниками общеевропейского военного конфликта, раздуть сербо-австрийские противоречия до уровня глобального геополитического узла, увести в тень собственные планы Берлина, Вены, Лондона, Парижа и других мировых игроков по переделу сфер влияния в мире, реформатированию колоний, захвату источников сырья, установлению контроля над транспортными путями.

Понятно также, что признание решающей роли Тройственного союза в развязывании первой мировой войны представляет невыгодные Западу аналогии с сегодняшними попытками США, НАТО и других стран и структур перекроить мировую карту в выгодном им свете. Отсюда и беспрецедентный накал дискуссий по событиям столетней давности — тем более, что сам юбилей предоставил подобным дискуссиям соответствующую трибуну.

Наиболее заметно данная тенденция прослеживается в Германии. При этом попытки возложить главную ответственность за возникновение первой мировой войны на Сербию и Россию показательно совпадают с процессом нового усиления германской экономической мощи и геополитических претензий этой страны. С 1960-х гг. в Германии (тогда — ФРГ), в сфере исследований мировой политики, существует признанная «школа Фишера», названная так по имени одного из крупнейших германских историков, профессора Университета Гамбурга Фрица Фишера.

В своей хрестоматийной книге «Схватка за мировое господство» он убедительно доказал, что именно Германия толкнула человечество в первую мировую войну, желая перераспределить соотношение сил в мире, захватить новые колонии и природные ресурсы. Фишер показал «глобальный аспект немецких притязаний стать мировой державой и добиться мирового положения»¹.

Действительно, вряд ли есть основания сомневаться, что «в борьбе кайзеровской Германии за мировую гегемонию ее колониальные цели накануне и во время первой мировой войны играли очень видную роль»². Однако в последние два десятилетия в германской историографии наметилась четкая тенденция отказа от наследия «школы Фишера». Показательно, что никаких новых документов, позволяющих

снять с Берлина ответственность за развязывание первой мировой войны, найти так и не удалось. Зато активно используются более чем сомнительные исторические параллели с сегодняшним днем. Этим, к слову, грешат американские и британские историки. К примеру, британский ученый Крис Кларк в вышедшей в 2013 г. на шумевшей монографии под названием «Лунатики: Как Европа в 1914 году вступила в войну» в качестве аргумента в пользу пересмотра устоявшейся концепции исторических корней первой мировой войны приводит трагические события, произошедшие в боснийском городе Сребреница летом 1995 г., в которых Запад сразу же обвинил местных сербов. По мнению Кларка, «после Сребреницы» о Сербии и сербах якобы нельзя писать, как раньше, необходимо пересмотреть всю сущность сербского национального движения на протяжении многих веков³.

В рамках анализа и преподавания рассматриваемой темы представляется особенно важным акцентировать внимание на следующих ключевых ее аспектах:

1. Объективный характер противоречий между двумя военно-политическими блоками — Антантой и Тройственным союзом, которые в первую очередь касались раздела глобальных сфер влияния и колониальных владений. С этой точки зрения балканское направление являлось отнюдь не первостепенной сферой противоречий великих держав — хотя и играло важную роль в более широкомасштабных геополитических комбинациях. В частности, именно Балканский полуостров являлся «объектом непосредственной экспансии великих держав и был исходной базой для ее расширения в бассейне Средиземного моря, в Северной Африке, на Ближнем Востоке»⁴.

2. Наличие серьезных внутренних противоречий в рядах самих блоков. В рамках Антанты это касалось, в первую очередь, сохранявшегося еще с середины XIX в. соперничества России и Англии, а в Тройственном союзе — стремления Германии добиться максимального подчинения своим политическим и военным интересам Австро-Венгрии. Оба эти обстоятельства объективно дестабилизировали ситуацию в Европе и повышали риск возникновения общеевропейской войны в большей степени, нежели конкретное развитие ситуации на Балканском полуострове.

3. Объективная неготовность Сербии как основного бенефициара Балканских войн 1912—1913 гг. к новому вооруженному конфликту — тем более с участием Австро-Венгрии. В отличие от некоторых радикально настроенных военных и политических сербских кругов, правительство страны стремилось в первой половине 1914 г. поддерживать спокойные отношения с Веной и даже инициировало переговоры по вопросам железнодорожного строительства в регионе.

4. России также был невыгоден вооруженный конфликт в Европе. В Санкт-Петербурге понимали, что на стороне Австро-Венгрии неизбежно выступит Германия. Что же касается Франции и особенно Англии, то их военная поддержка могла оказаться недостаточной для противостояния германо-австрийскому наступлению на Восточном и Юго-Восточном фронтах.

5. Развитие событий в июне-июле 1914 г. являлось классическим примером выхода ситуации из-под контроля основных игроков — когда развитие событий приобретает собственную динамику, а любые

попытки остановить цепную реакцию лишь добавляют «топлива» в разгорающийся конфликт. Динамика ситуации полностью отвечала концепции, сформулированной еще в 1980-е гг. американским экономистом Полом Дэвидом и получившей широкое распространение также в политологии и теории исторического процесса. Она исходит из того, что «первичные события» (так называемые «критические соединения») запускают «специфические траектории, или цепи событий, усиливающие, в свою очередь, первоначально заданный путь, который в результате становится все труднее и труднее изменить». Подобные процессы «генерируют механизмы самоусиления», в результате действия которых «каждый шаг, предпринятый в определенном направлении, делает все более трудным реверсирование самого пути» — свидетельствует еще один сторонник подобной концепции американский исследователь Пол Пирсон⁵. Война «здесь и сейчас» летом 1914 г. была невыгодна всем, но именно данное обстоятельство, а также подсознательная вера в здравый смысл своих оппонентов не позволили ведущим европейским державам трезво проанализировать ситуацию. В данном случае в целях воссоздания исторической картины может быть востребован принцип «ситуационной логики», который предполагает, в частности, выявление «многопричинности внешнеполитических событий и процессов».

6. Не следует преувеличивать также значимость морально-психологического фактора солидарности с сербами и другими балканскими народами в качестве одного из факторов вступления России в первую мировую войну. Подобные настроения в российском дипломатическом корпусе, безусловно, присутствовали, но отнюдь не были всеобщими. Показательная оценка касательно идей славянской взаимности содержится, в частности, в донесении первого секретаря российского посольства в Японии князя Л.В. Урусова от 13 сентября 1914 г.: «Давно пора перестать сентиментальничать на Балканском полуострове и тем более с болгарами. Поля и горы Шипки и Плевны давно заросли травой забвения, и мы теперь видим, с каким успехом болгары освободились от чувства благодарности к России. Единицы... в счет не идут — нужно было, чтобы народ потребовал войны за Россию, а если Фердинанд с Радославовым могут наложить нейтралитет на народ, то где же его душа?»⁶

Анализ ситуации в треугольнике Белград-Вена-Петербург осенью 1913 — весной 1914 г. отнюдь не дает оснований определять ее в качестве чуть ли не решающего фактора возникновения первой мировой войны. Наоборот, к июню 1914 г. Сербия и Австро-Венгрия при активном посредничестве России смогли урегулировать или по крайней мере смягчить многие разногласия и противоречия. И хотя коренные расхождения в целях и задачах монархии Габсбургов и сербского национального движения никуда не делись, считать их главной причиной начала общеевропейской войны представляется необоснованным.

Между позицией правительства Сербии во главе с многоопытным государственным деятелем Николой Пашичем и настроениями в сербском обществе накануне первой мировой войны действительно существовали серьезные противоречия. В беседе с представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства В. Сватковским, со-

стоявшейся 4 октября 1913 г. в Вене, председатель Совета министров Сербии следующим образом охарактеризовал первоочередные задачи своей страны в деле восстановления и укрепления вооруженных сил: численное увеличение армии до полумиллионного строевого состава, включающего в себя 400 000 чел. пехоты и 100 000 чел., связанных с кавалерией, артиллерией и техническими войсками, помимо не включаемых в это число вспомогательных частей, а также служб охраны путей сообщения и поддержания общественного порядка в стране. Данные количественные показатели определялись Пашичем, исходя из поставленной им общей стратегической цели: сделать сербскую армию по всем основным показателям не уступающей по силе болгарской. При этом в мирное время предполагалось держать под ружьем 50—60 тыс. человек. Одновременно перед сербской армией встала необходимость восполнить убыль офицерского корпуса и повысить его численность пропорционально увеличению рядового состава. По свидетельству сербского посланника в Вене Й. Йовановича, убыль сербских офицеров во время войны, не признаваемая официально, составила около 10% от всего их числа. При этом необходимо принять во внимание тот факт, что в сербской армии на 100 солдат приходился всего один офицер. Кроме того, следовало в кратчайшие сроки пополнить запасы боеприпасов и других военных материалов ⁷.

Неудивительно, что среди членов высшего политического и военного руководства Сербии преобладало представление о желательности для страны «мирной передышки» — в том числе и с точки зрения проведения более активной политики на «югославянском направлении». Многоопытный сербский премьер Н. Пашич отдавал себе отчет в неготовности страны к новой войне — в частности, для освобождения южнославянских областей монархии Габсбургов: «Сегодня в наших интересах, чтобы Австро-Венгрия существовала еще 25—30 лет, пока мы на юге не освоим все настолько прочно, что эти территории нельзя будет от нас отделить» ⁸. А российский поверенный в делах в Белграде В.Н. Штрандтман на пороге первой мировой войны отмечал, что «Сербия сможет перевооружить свою армию только через два с половиной года, и то при активной помощи своих союзников» ⁹.

Позиция Пашича определялась как общей неподготовленностью Сербии к новой войне после двух Балканских войн, так и тем фактом (о котором были осведомлены в Белграде), что сама Австро-Венгрия вела планомерную подготовку к антисербскому выступлению еще с 1907—1908 гг., хотя данная опция далеко не всегда рассматривалась Веней в качестве определяющей. Как подчеркивают в этой связи сербские исследователи А. Митрович и А. Растович, в зависимости от расклада военно-политических сил на Балканах и в Европе в целом, монархия Габсбургов могла привести в действие один из трех сценариев: полный раздел Сербии между Австро-Венгрией, Болгарией и Румынией, передачу значительной части территории Сербии Болгарии, Румынии и Албании с тем, чтобы лишить сербское государство жизнеспособности и тем самым заставить Белград полностью ориентироваться на Вену, и, наконец, включение территории Сербии в состав Австро-Венгрии (в том числе по определенной аналогии с Боснией и Герцеговиной) ¹⁰.

Тем не менее, мнение о крайней нежелательности новой войны не было единодушным в сербском правительстве. Еще 27 июня 1913 г. на заседании парламентского клуба депутатов-радикалов министр финансов Сербии Лаза Пачу призвал не рассматривать присоединение к Королевству Старой Сербии и Вардарской Македонии в качестве полного выполнения сербской национальной задачи. По его словам, итоги первой Балканской войны 1912—1913 гг. закономерно поставили на повестку дня достижение глобального объединения с югославянами Австро-Венгрии. Значительным в сербском обществе явился и морально-психологический эффект от сербских побед и воссоединения со Старой Сербией. Как отмечал в 1912 г. Миодраг Попович, крестьяне, «вдохновленные примером героев Косовского мифа и любимого народом богатыря Марко Краевича, ожесточенно сражались с турками и завоевывали победы»¹¹.

Представления о грядущем крахе Австро-Венгрии после окончания Балканских войн были достаточно широко распространены и в Сербии. На них особо указал посетивший в июле-августе 1913 г. все югославянские области монархии Габсбургов (за исключением Австро-Венгрии) представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства Сватковский. По его словам, рассуждения активистов югославянского освободительного движения строились следующим образом:

Распад Австро-Венгрии при первом же серьезном вооруженном столкновении является предопределенным. Тем не менее, данного столкновения следует попытаться избежать в течение ближайших шести-семи лет, чтобы Сербия могла спокойно урегулировать свои внутренние проблемы и качественно укрепить армию (на необходимость чего неоднократно указывал и глава сербского кабинета Пашич). В военных действиях против Турции и Болгарии в ходе Балканских войн принимала участие преимущественно сербская молодежь; на борьбу же против Австро-Венгрии поднимутся самые широкие народные массы, причем не только самой Сербии, но и всех югославянских областей монархии Габсбургов. Кроме того, на стороне Сербии выступят представители других славянских народов, в частности, чехи. Этим силам Австро-Венгрия сможет противопоставить немцев, венгров и поляков. Но первые два народа составляют далеко не самую боеспособную часть австро-венгерской армии, а что касается поляков, то они занимают второе место после хорватов по числу дезертиров и уклонившихся от исполнения воинской повинности (за предыдущие 12 лет — то есть с начала XX в. — полмиллиона поляков эмигрировали в Америку).

Таким образом, по мнению идеологов югославянского движения, ожидаемая война должна закончиться полным поражением и как следствие этого — расчленением Монархии. В результате раздела, по их оценкам, к России отойдут Галиция, Карпаты и часть Венгрии до Дуная включительно, вместе с частью Будапешта (Пешт). Другая часть Будапешта (Буда) отойдет к Сербии вместе со всей южной и западной Венгрией, а также югославянскими землями Австро-Венгрии вплоть до середины Штирии и Хирутании на севере. Чешские земли (Чехия, Моравия и Силезия) должны будут объединиться с единоплеменными словацкими землями Северной Венгрии, образовав единое государство северо-западных славян с населением в

11 млн человек. Что же касается поляков, то они, независимо от области проживания — как галицкие и силезские, так и познанские — должны непременно войти в состав России, «ибо Россия наконец поймет же, что русско-польский вопрос может быть так или иначе разрешен только при условии объединения всех польских земель под русской властью и отсутствия заграничной ирреденты, подобно тому, как малорусский, или украинский, вопрос не разрастется до опасных размеров только при присоединении Восточной Галиции, Северной Буковины и Угарской Руси к России»¹².

Другие области Австро-Венгрии окажутся в результате поделенными между Румынией, которой достанется Трансильвания и Южная Буковина, Францией (она получит Эльзас и Лотарингию) и Данией, к которой будут присоединены Шлезвиг и Гольштиния. Что же касается земель с собственно немецким населением, а именно Нижней и Верхней Австрии, Зальцбургской области, северной части Штирии, Каринтии и Тироля, то они могут объединиться с южногерманскими и западногерманскими территориями в «особую католическую Германию в противовес разбитой и приуменьшенной со всех сторон протестантской Германии»¹³.

Не добавляли Вене уверенности и распространившиеся в Австро-Венгрии после завершения Балканских войн слухи о формировании югославянской молодежи особого «легиона смерти», члены которого готовились осуществить целый ряд покушений, а также взрывов арсеналов, мостов, железнодорожных путей и других стратегически важных объектов в случае начала австро-сербской войны. Косвенное подтверждение данных слухов давалось, в том числе, и депутатами парламента. При этом район предполагаемых акций не ограничивался югославянскими областями, а включал в себя и крупные центры в других районах страны, в том числе и Вену. Основным лозунгом, под которым объединялись югославянские группировки, являлось провозглашение Великого Сербского королевства с границами от Адриатического моря до Будапешта¹⁴.

Как в правительственных сферах Австро-Венгрии, так и в самом обществе монархии Габсбургов преобладали серьезные сомнения в длительности и прочности нынешнего внешнеполитического положения государства. Разногласия в этой связи касались, главным образом, сроков наступления будущих осложнений: от весны 1914 г. до ближайших пяти-шести лет. Представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства отмечал, что «все верят в новые грядущие осложнения на Ближнем Востоке и неминуемое вовлечение ими Австро-Венгрии рано или поздно в войну на один, два или три фронта»¹⁵.

В этой связи представляется интересным мнение ряда чешских депутатов-аграриев, а также лидера чешских национальных социалистов В. Клофача, которые, объясняя проводимую ими политику obstruction в парламенте, отмечали, что, хотя указанные действия и не преследовали каких-либо конкретных целей, тем не менее, они осуществлялись на основании убеждения в том, что «ввиду неизбежной в будущем войны, спокойная парламентская работа даже в лучшем случае не может дать чешскому народу прочных выгод. Для чехов после их глубокой деморализации поражениями России на Дальнем Востоке и русской революцией необходимо поддержание духовного

подъема, вызванного балканскими событиями... Чехов надо-де приучить к мысли, что им нечего ждать от этого парламента и от самого государства, что все надежды на будущие внешние события»¹⁶. Еще в большей степени подобные убеждения были характерны для депутатов от югославянских земель¹⁷.

Вместе с тем, не следует недооценивать и степень военно-политической подготовки Австро-Венгрии к возможной войне на Балканах, способной перерасти в общеевропейскую. Генеральный штаб австро-венгерской армии имел в своем распоряжении детально разработанные планы превентивного одновременного нападения на Сербию и Россию уже в октябре 1912 г. — то есть почти за два года до убийства в Сараево. «Если Россия и дальше будет стоять за Сербию, то следует в отношении Сербии держаться оборонительно, а всеми корпусами маршировать в Галицию» — подчеркивал в те дни начальник Генштаба австро-венгерской армии генерал Конрад фон Гетцендорф.

А для оправдания подобной операции, по его словам, нужен был предлог, делавший Россию и Сербию ответственными за войну. Император Германии Вильгельм II и начальник Генерального штаба германской армии Гельмут фон Мольтке поддерживали в этом вопросе Вену. Фон Мольтке указывал в письме к своему австро-венгерскому коллеге: «Необходимо найти предлог для войны, надо сманеврировать так, чтобы повод пришел от славян». Таким поводом (а не причиной) и стали июньские выстрелы в Сараево боснийского националиста Гаврилы Принципа.

Не случайно именно венские и берлинские военно-политические документы и легли в основу решений послевоенной Парижской мирной конференции — в частности, Версальского мирного договора 1919 года. Статья 231 этого документа («War Guilt Clause») возложила всю ответственность за первую мировую войну на Германию и ее союзников, которые должны были возместить весь ущерб, нанесенный гражданскому населению. А статья 227 обвинила императора Вильгельма II в преступлениях против «международной морали» и потребовала предать его суду как «военного преступника».

Разумеется, история первой мировой войны еще таит в себе немало тайн. Ведь подобные конфликты всегда имеют под собой целый ряд причин, в том числе и субъективного характера. В этом плане речь идет о споре двух ключевых концепций. Сторонники первой говорят о «войне по расписанию» (War by Timetable) — понятии, введенном в оборот в 1969 г. британским историком А.Дж.П. Тейлором. Их оппоненты настаивают, что к общеевропейскому конфликту привела скорее цепь трагических случайностей, недоверие между державами и отсутствие координации между монархами. Однако сторонники обеих концепций едины в том, что тогдашние противоречия между великими державами вряд ли могли бы быть урегулированы мирным путем.

При этом вряд ли будет преувеличением сказать, что активно развивавшиеся в начале XX в. отношения между Сербией и Россией не только служили традиционным «раздражителем» для других великих держав (в первую очередь, Австро-Венгрии), но и порождали среди сербов стойкие соблазны спровоцировать Санкт-Петербург на неосмотрительные действия или, в крайнем случае, использовать рос-

сийскую поддержку для решения внутривосточных задач. Впрочем, и российская общественность, и средства массовой информации в своих явных и тайных желаниях и намерениях не уступали сербским — тем более, что взрывоопасная обстановка на Балканах то и дело подбрасывала им «горячие» поводы. Да и сама система международных отношений в Европе переживала в рассматриваемый период глубинные трансформации. «Инклюзивность ставит под вопрос прежнюю клубную дипломатию и превращает в достояние прошлого решения Венского конгресса, которые столь долго служили основанием западной дипломатии. Она ослабляет концепцию полярности, равно как и постулат об упорядоченности международной системы», — весьма точно замечает в этой связи профессор Парижского института политических исследований Бертран Бади¹⁸.

И хотя в Сербии применительно к внешней политике отсутствовали пресловутая «боязнь расчленения» и концепция «осажденной крепости», которая в начале XX в. в значительной степени отягощала ситуацию в македонском национальном движении¹⁹, — общая ситуация военно-политической неопределенности оказывала дестабилизирующее влияние на сербскую внешнюю политику.

Впрочем, подобная ситуация в целом была характерна в рассматриваемый период как для балканских государств, так и для великих держав. В том, что касается монархии Габсбургов, ее непредсказуемость была во многом связана как раз с противоречивой фигурой на тот момент еще здравствовавшего эрцгерцога Франца Фердинанда. Российский посол в Вене Н.Н. Шебеко в своей депеше от 30 июня 1914 г. (то есть уже после убийства престолонаследника в Сараево 28 июня), давая ему характеристику, указывал, что тот искренне мечтал о восстановлении Австро-Венгрии во всем ее блеске; однако ему часто приписывали широкие завоевательные замыслы, и «как часто бывает в подобных случаях, лица, его окружавшие, сгущали краски и проповедовали еще более, чем у него самого крайние идеи»²⁰.

По его словам, в первый период своей деятельности эрцгерцог, по-видимому, стремился опираться на славянские элементы внутри страны и создать триалистическую модель государства. Затем становилась все более заметной его растущая зависимость от германского императора Вильгельма II, что имело следствием ускоренное увеличение армии и флота. Состоявшаяся 12—14 июня 1914 г. в фамильном замке Франца Фердинанда Конопишт (современная Чехия) его встреча с Вильгельмом, по мнению австро-венгерской печати, должно было в результате привести «к обложению населения новыми налогами для военных целей»²¹.

С другой стороны, росло влияние на взгляды престолонаследника со стороны ватиканских кругов, чему особенно содействовала герцогиня Гогенберг, принадлежавшая к крайне религиозной семье. В связи с этим возросла и пропаганда католицизма в Монархии, в первую очередь в Галиции, Боснии и Герцеговине, а также в Албании. Российский дипломат подчеркивал, что Франц Фердинанд никогда не пользовался особой популярностью по сравнению с покойным кронпринцем Рудольфом и особенно императором Францем-Иосифом, отчасти из-за своего характера, но главным образом из-за чрезмерного честолюбия и слабоосуществимых замыслов, которые ему припи-

сывали, и которые вызывали серьезные опасения среди населения Монархии, за исключением некоторых военных кругов. При этом, начиная с 1908 г., то есть с момента аннексии Боснии и Герцеговины, в стране наблюдались постоянное увеличение военных расходов и параллельный рост межнациональных противоречий.

Характерно также, что, по словам российского генерального консула в Будапеште М.Г. Приклонского и российского посланника в Италии А.Н. Крупенского, итальянские политические круги и общественное мнение обвиняли Франца Фердинанда во враждебном отношении к их стране, а венгры испытывали к нему подозрения и определенную антипатию вследствие неприязненного отношения с его стороны к венгерским национальным устремлениям, а также из-за его воинственности ²².

Кроме того, на «загадочность политических тенденций» Франца Фердинанда особо указывал тот же Приклонский в своей телеграмме от 4 мая 1914 года ²³.

Все это в значительной степени усугубило обстановку взаимного межгосударственного недоверия в Европе, которая — наряду с существовавшими между отдельными странами и их военно-политическими блоками объективными противоречиями — в конечном итоге и сыграла пагубную роль в июльские дни 1914 года. Можно согласиться со следующей характеристикой сложной и многофакторной ситуации, сложившейся к лету 1914 г. на Балканах, которую дал один из ведущих отечественных российских специалистов в области истории международных отношений В.М. Хвостов: «Балканские войны привели к еще большему обострению международной ситуации. Правда, они завершили освобождение балканских славян от гнета Турции. Но они же усилили противоречия между балканскими государствами. Турецкий гнет был свергнут не революцией, а войной балканских монархических правительств; это привело к ожесточеннейшей борьбе между победителями Турции. Болгария жаждала реванша за вторую балканскую войну; Турция ждала благоприятного момента, чтобы отнять у Греции Эгейские острова; Италия не очищала занятого ею Додеканеза; Греция и Сербия не хотели примириться с новыми границами Албании. Но это не все. За балканскими монархиями стояли великие империалистические державы, которые оспаривали друг у друга влияние на Ближнем Востоке. Россия и Англия стремились вырвать Турцию из-под германского влияния. В Софии, Бухаресте и Афинах шла ожесточенная борьба между Антантой и австро-германским блоком за политическую ориентацию балканских правительств, за их военные силы, необходимые ввиду надвигающейся мировой войны. Австрия ждала случая расправиться с Сербией; Сербия стремилась освободить югославян Австро-Венгрии; Россия покровительствовала сербам. Венское правительство видело в Сербии и южнославянской пропаганде опасность для самого существования Австро-Венгерской империи. Россия усматривала в Сербии лучшую свою опору против Австрии на балканском плацдарме. Стоило еще раз вспыхнуть австро-сербскому конфликту, достаточно было России не отступить перед центральными державами, — и могла начаться австро-русская война. А тогда уже неизбежно заработал бы механизм союзов. Австрия не решилась бы начать войну с Сербией без санкции Германии.

Если бы такая война возникла, это означало бы, что Германия признает момент подходящим для решительного боя за передел мира. Франция не могла бы не поддержать Россию, ибо разгром Российской империи не только уничтожил бы шансы на реванш, но и оставил бы Францию беззащитной перед лицом германского империализма. Наконец, и Англия не могла бы не оказать помощи Франции против своего опаснейшего германского соперника»²⁴.

Васе это действительно так. А, следовательно, принципиальную ответственность за возникновение первой мировой войны должны разделить между собой все великие державы, которые отказывались выполнять все громче звучавшие требования: «Балканы — балканским народам!» и одновременно стремились поджечь в своих интересах порох, в изобилии накопившийся в регионе.

Примечания

1. FISCHER F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des Kaiserlichen Deutschland 1914/1918. Dusseldorf. 1962, S. 792.
2. МАШКИН М.Н. Колониальные цели кайзеровской Германии в 1918 г. — Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2012, № 5, с. 51.
3. Подробнее см.: CLARK CH. The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. Harper. 2013.
4. ПИСАРЕВ Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М. 1985, с. 3.
5. SOUZA LEGÄ DE L. Bringing Historical Sociology and Path-Dependence Together: A Case Study of the Brazilian Political Economy (1930—2000). — Historical Social Research. Vol. 38. 2013, № 2, p. 175—176.
6. Дневники Л.В. Урусова. 1914—1917. Тамбов. 2017, с. 59.
7. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 2907, л. 2.
8. Споменица Николе П. Пашина 1845—1925. Београд. 1925, с. 721.
9. Цит. по: Первая мировая война: пролог XX века. М. 1998, с. 13.
10. РАСТОВИЋ А. Срби, Руси и Први светски рат — један пример ревизије историје. — Историјски часопис. 2015, књ. LXIV, с. 368.
11. ДОРОНИНА Р.Ф. Сербская литература в преддверии войны. В кн.: Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М. 2004, с. 75.
12. АВП РИ, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 278, л. 2.
13. Там же.
14. Там же, л. 1.
15. Там же, л. 70.
16. Там же, л. 70—71.
17. Там же, л. 71.
18. БАДИ Б. Возобновление истории? — Международные процессы. 2016, № 2, с. 11.
19. КОЛОСКОВ Е.А. Боязнь расчленения: образ бухарестского договора 1913 г. во внешней политике РМ 1991—2001 г. Букурешкиот мировен договор (1913) и неговите долгорочни последици за Македонија и Југоисточна Европа. Скопје. 2017, с. 41—42.
20. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 178, л. 10.
21. Там же.
22. Там же, л. 10, 13, 19.
23. Там же, л. 73.
24. История дипломатии. Т. 2. М. 1945, с. 238—239.

Борьба с нарушениями трудового законодательства в Кировской области в 1946—1953 гг.

С.Г. Егоров

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы нарушения трудового права и трудовой дисциплины в Кировской области в первые послевоенные годы. Показывается роль партийных органов и профсоюзных организаций в регулировании трудовых отношений между работниками и администрацией предприятий. Особое внимание уделяется положению дел в лесной промышленности, где были широко распространены случаи нарушения прав мобилизованного на работу колхозного крестьянства.

Ключевые слова: Кировская область, трудовое право, трудовая дисциплина, профсоюзы, лесная промышленность.

Abstract. The work deals with the violation of labor law and labor discipline in the Kirov region in the postwar years. The role of Communist Party and trade union organizations in regulating labor relations between workers and the administration of factories is shown. Particular attention is paid to the state of affairs in the forestry industry, where cases of violation of the rights of the collective farm peasants mobilized for work were common.

Key words: Kirov region, labor law, labor discipline, trade unions, timber industry.

Одной из важнейших проблем, которую необходимо было решать в первые послевоенные годы, являлась задача перехода от военных к мирным способам организации производственной деятельности. В это время продолжало действовать чрезвычайное трудовое законодательство, что было обусловлено нуждами послевоенного восстановления хозяйства и большой текучестью кадров.

Несмотря на суровые законы, регулировавшие трудовую деятельность, последняя проблема в этот период проявлялась очень остро. Только за три осенних месяца 1946 г. на фабрике «Красная звезда» 92 чел. самовольно оставили работу, а 64 — не вернулись из отпусков¹. В Вятскополянском районе на заводе № 367 в июле 1946 г. самовольно оставили работу 38 чел., в августе — 53, в сентябре — 57, в первые двадцать дней октября — более 50 человек². Дело в том, что

Егоров Сергей Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета. Киров. E-mail: palamit@rambler.ru.

Egorov Sergey G. — PhD, assistant professor at the Vyatka State University. Kirov. E-mail: palamit@rambler.ru.

из общего количества рабочих и ИТР завода более тысячи человек составляли эвакуированные вместе с предприятием жители Москвы, Загорска (Сергиева Посада) и Тулы. Большинство из них имели семьи и жилплощадь в местах прежнего проживания. Эти рабочие считали свое пребывание на заводе временным³. Кроме того, на предприятии были неудовлетворительные условия труда. Так, в лесотопливном отделе, где было больше всего фактов самовольного ухода с завода, рабочим не выдавалась спецодежда. Трудиться приходилось в непригодной одежде и обуви⁴. Проверка органов юстиции показала, что прокуратура Вятскополянского района в течение длительного времени отказывалась принимать дела дезертиров (лиц не возвратившихся из предоставленных отпусков), так как не были установлены причины невозвращения. В конечном счете это оказывало соответствующее влияние на оставшихся на производстве рабочих и способствовало росту дезертирства.

Для некоторых предприятий в тот период была характерна слабая трудовая дисциплина, имели место прогулы, широкое распространение получили отпуска с разрешения администрации. Большая текучесть кадров не позволяла организовать на многих предприятиях выполнение производственных планов. Так, за 1947 г. в лесной промышленности области на работу было принято 2285 чел., а самовольно ушло — 2202, что в немалой степени способствовало отставанию этой отрасли от заданных планом показателей⁵. Связано это было не только с тяжелыми условиями труда, но и со стремлением колхозников, устраивающихся на постоянную работу в леспромхозы, использовать этот шаг для легального переезда из сельской местности. Во второй половине 1940-х — начале 50-х гг. лесная промышленность стала одним из каналов «бегства» колхозного крестьянства Кировской области из деревни в города и другие регионы, где уровень жизни был выше. В 1951 г. секретарь Порезского района Лежнин резонно отмечал: «Я подсчитал по своему Порезскому району, что за три года от нас ушло в лес свыше 300 человек и как правило 25—30% сезонников остаются на лесозаготовках. Спрашивается, есть эта рабочая сила или нет в лесу? Нет... Надо сказать, что это мостик, с которого можно уйти из колхоза, получая паспорт в леспромхозе, и через некоторое время из леспромхоза тоже уходят. Фактически этой рабочей силы нет в колхозах и леспромхозе. Пора покончить с этим делом. Если район дал рабочую силу, надо ее на лесоучастках в леспромхозах закрепить. Мы не можем без конца посылать рабочую силу. В ряде колхозов недостаток рабочей силы, однако этому внимания не придается»⁶.

В этом же году состоялся IV пленум Кировского обкома ВКП(б), на котором первый секретарь И.Т. Быков заявил: «В ЦК мне очень строго заметили, что мы в области очень много судим людей... За прогулы и опоздания за 1950 год отдано под суд 7 тысяч человек, осудили 3 тысячи. На 4 тысячи человек были неправильно дела переданы. Это же безобразия...»⁷

Показателен в этой связи случай, который имел место ранее, в 1949 году. Начальник Техснаба уволил заправщицу Мочалову за то, что она после дежурства отказалась пилить дрова, сославшись на больничный лист. Жалоба рабочей не имела результатов, конфликтная комиссия встала на сторону начальника⁸. Разбирательства заняли два

месяца, и если бы не поддержка профсоюза, незаконное увольнение состоялось бы.

Достаточно оперативно разбирались случаи, связанные с недостойным поведением и действиями администрации предприятий, членов партийных и профсоюзных организаций на городских заводах и фабриках⁹. Так, в июне 1949 г. обком обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой о снятии с должности директора Кировской кордной фабрики. Предприятие в послевоенные годы развивалось успешно: годовые планы выполнялись уже к началу ноября. В 1948 г. фабрика отказалась от государственной дотации, добилась рентабельности и дала сверхплановой экономии на 2 млн рублей. В характеристике директора отмечалось, что он «...проявил себя, как опытный инициативный руководитель и хороший организатор, знающий свое дело... настойчив и требователен к своим подчиненным»¹⁰. Однако годом позже при проверке на этой фабрике «...были вскрыты факты непартийного поведения руководящих работников, выразившихся в сожительстве с работниками фабрики, коллективных пьянках, зажиме критики, нарушении финансовой дисциплины и незаконном расходовании государственных средств»¹¹. Несмотря на то, что кордная фабрика считалась одним из передовых предприятий в городе, директору был сразу же объявлен строгий выговор с отстранением от работы.

На городских предприятиях в первые послевоенные годы довольно часто вскрывались нарушения прав рабочих. Показательна в этом отношении ситуация, сложившаяся в 1946 г. на заводе «Крин» и фабрике «Красный труд». Вследствие общих простоев и невыполнения плановых заданий, руководители данных предприятий стали широко практиковать сверхурочные работы. На «Крине» подобные работы продолжались до 9—12 час. вечера, при этом оплачивались они не полностью. За отказ от сверхурочных рабочие наказывались как за уход с работы в урочное время¹². На фабрике «Красный труд» работы выполнялись в выходные дни, была введена практика отработок за простои в случае отключения электроэнергии¹³. Руководству предприятий инструкторами обкома было предложено пересмотреть организацию труда и технологию с целью уплотнения рабочего дня и упразднения сверхурочных. Директор фабрики «Красный труд» был наказан по партийной линии, а фабком получил официальное предупреждение, что вместе с администрацией за дальнейшее нарушение трудового законодательства будет привлечен к суду¹⁴.

В сельской местности при проведении мобилизации рабочей силы на лесозаготовки нарушений закона было особенно много. Эта проблема для региона была острой не только в первые послевоенные годы, но и в начале 1950-х годов. В 1951 г. заведующая отделом пропаганды и агитации Сунского райкома Рысева сетовала: «Укомплектовали вечерние школы молодежи, а как началась мобилизация в лес, всю молодежь забрали. Это было очень удобно, т.к. списки были в райисполкоме»¹⁵.

Иногда имели место случаи привлечения милиции для обеспечения выполнения работ. Секретарь обкома Радаев разбирал этот вопрос на примере действий секретаря Тужинского райкома Алексева: «Товарищ Алексеев направлял в район Горьковской области работников МГБ и милиции, чтобы вернуть сбежавших людей из леса в Ту-

жинский район. Такое действие т. Алексеева я считаю неправильным, т.к. в другой области работники МГБ и милиции проводить какие-либо мероприятия, без особого на то разрешения, не имеют права. Так я по телефону и разъяснил т. Алексееву, и мы договорились, что он в Тоншаевский район Горьковской области для выявления сбежавших из леса колхозников направит представителя исполкома районного Совета»¹⁶.

Главы сельсоветов и колхозов всеми правдами и неправдами пытались уклониться от обременительной «лесной повинности». Председатель облисполкома Н.И. Светлаков отмечал, что «... выписывались извещения на колхозников, которых не было в колхозе, они ранее выбыли, на призванных в ФЗО, направленных для работы в МТС, больных и т.д., то есть руководители этих районов неправдиво доложили руководящим областными организациями, что они полностью провели трудгужповинность, а фактически этого не было сделано»¹⁷.

В 1951 г. председатель колхоза «Чулпан» (Малмыжский район) включил в список мобилизованных в лес двух работников исполкома райсовета, которые за три года до этого ушли из колхоза. Председатель райисполкома, не вникая, подписал представленный список и мобилизовал этих двух сотрудников на лесозаготовки из аппарата райисполкома¹⁸. Тогда же был осужден на один год исправительно-трудовых работ председатель Ахтанского сельсовета Санчурского района, который из 35 привлеченных направил в лес только 3 чел., а остальных укрывал¹⁹. На пассивное сопротивление сельского населения власти также отвечали усилением штрафных санкций. Председатель Кикнурского райисполкома только в зиму 1951—1952 гг. наложил штраф на 49 колхозников за невыход в лес²⁰.

Злоупотребления властью в отдельных районах приводили к отстранению от должности советских руководителей. 27 февраля 1952 г. председатель Санчурского райисполкома был снят с работы и исключен из членов ВКП(б) «за грубое администрирование и нарушение революционной законности». Что стояло за этими словами? В колхозе им. Красина в присутствии председателя райисполкома милиционер открыл стрельбу по людям, подлежащим мобилизации и пытавшимся скрыться в лесу. Глава района вместе с милиционером лично задерживал колхозников и под конвоем отправлял в райисполком²¹.

В целом, в непростых послевоенных условиях региональные власти уделяли серьезное внимание поддержанию законности на предприятиях города Кирова и других промышленных центров. Однако ситуация в сельской местности в отношении мобилизованных в лесную промышленность колхозников продолжала оставаться сложной. Постоянные нарушения трудового права в районах Кировской области даже в начале 1950-х гг. были частыми явлениями, а не редким исключением. Продолжение военной чрезвычайщины в мирное время вызывало недовольство населения. В конце 1951 г. начальник сельскохозяйственного отдела Булатов признавал: «Бригада ЦК партии и министерство сельского хозяйства говорят, что больше чем в Кировской области жалоб, больше нет в Совете по делам колхозов»²². В этой ситуации руководство области просто закрывало глаза на существовавшую проблему, делая вид, что положение в районах нормальное. В марте 1952 г. один из работников обкома Ивонин вспоминал,

какотреагировал первый секретарь Быков на слова одного из секретарей райкома о том, что «колхозники прячутся в подполье», так как не хотят ехать на лесозаготовки: «Это чепуха, это обыватели, 2—3 человека»²³. При этом и областным, и местным руководителям было очевидно, что подобных случаев было много практически во всех районах региона.

Примечания

1. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), ф. 1290, оп. 12, д. 291, л. 166.
2. Там же, д. 48, л. 129.
3. Там же, оп. 20, д. 51, л. 11.
4. Там же, оп. 12, д. 48, л. 129.
5. Там же, ф. 6733, оп. 2, д. 3, л. 98.
6. Там же, ф. 1290, оп. 23, д. 14, л. 196—197.
7. Там же, д. 5, л. 80—82.
8. Там же, д. 11, л. 20об.
9. Там же, оп. 12, д. 291, л. 125, 127—128, 172—172об.
10. Там же, оп. 21, д. 28, л. 70—71.
11. Там же, л. 118.
12. Там же, оп. 12, д. 291, л. 88—89.
13. Там же, ф. 6710, оп. 2, д. 4, л. 40.
14. Там же.
15. Там же, ф. 1290, оп. 23, д. 5, л. 158.
16. Там же, л. 191—192.
17. Там же, д. 14, л. 210.
18. Там же, л. 151.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же, оп. 25, д. 1, л. 88.
22. Там же, оп. 23, д. 36, л. 40.
23. Там же, оп. 25, д. 7, л. 49.

Отчеты городских управ как источник информации о состоянии местного хозяйства

В.Д. Камынин, А.Б. Храмов

Аннотация. Публикация посвящена характеристике отчетов городских управ как источников, свидетельствующих о состоянии местного хозяйства, экономических и социальных процессах в Западной Сибири в конце XIX — начале XX века. Большинство отчетов не подвергались специальному изучению и впервые вводятся в научный оборот. Информационную базу исследования составляют документы архивных фондов городских управлений, хранящихся в государственных архивах Тюменской, Томской и Новосибирской областей, и опубликованные источники. Использовались традиционные принципы историзма и объективности, аналитический, системный, типологический, статистический и сравнительный методы.

Ключевые слова: источники, архивные документы, отчеты городских управ, отчетность, городские думы, финансово-хозяйственная деятельность, статистический учет.

Abstract. Article is devoted to the characteristic of reports of town councils as the sources testifying to a condition of local economy, economic and social processes in Western Siberia at the end of XIX — the beginning of the 20th century. The majority of reports weren't exposed to special studying and are for the first time introduced for scientific use. Information base of a research is made by documents of archival funds of city managements in the state archives of the Tyumen, Tomsk and Novosibirsk regions and the published sources. The traditional principles of historicism and objectivity, analytical, system, typological, statistical and comparative methods were used.

Key words: sources, archival documents, reports of town councils, reporting, city dumas, financial and economic activity, statistical account.

Возникновение городской статистики связано с проходившими в обществе процессами становления российской государственности и, в первую очередь, развития городского самоуправления. Невозможно

Камынин Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина. E-mail: kamyninv@yandex.ru; *Храмов Александр Борисович* — кандидат исторических наук, доцент Тюменского промышленного университета. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru.

Kamynin Vladimir D. — doctor of historical sciences, professor at the Ural Federal University named after the first Russian President B.N. Yeltsin. E-mail: kamyninv@yandex.ru; *Khramtsov Alexander B.* — candidate of historical sciences, associate professor at the Tyumen Industrial University. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru.

стало осуществлять эффективное управление городом без информации о массовых экономических, социальных, демографических, экологических явлениях на территории поселения. Данных, получаемых от правительства и губернской администрации, становилось явно недостаточно для решения текущих задач. Городовое положение 1870 г. заложило основы создания системы статистического учета на местном уровне. Информационную основу данной работы составили архивных документы государственных архивов Новосибирской (ГА НО), Томской (ГА ТомО) и Тюменской (ГА ТюмО и ГА в г. Тобольске) областей, а также опубликованные документы.

Городская управа заведовала всеми делами территориального образования, в частности, собирала необходимые ей сведения, вела опись городского имущества, составляла доклады о своей деятельности и работе подведомственных ей лиц и учреждений ¹. С помощью отчетных документов подводились итоги деятельности городских учреждений за месяц, квартал, год, принимались новые правила работы, меры по улучшению санитарного состояния, осуществлялось прогнозирование экономического развития городов, контролировалась правильность ведения документации и расходования бюджетных средств. Данные статистики использовались для обоснования управленческих решений. В этой связи особое значение придавалось работе по сбору данных, обработке и предоставлению разного рода отчетов, которые в обязательном порядке проходили процедуры обсуждения, ревизии, утверждения думским собранием и опубликования. По закону, городская дума на сентябрьском собрании рассматривала отчет управы за истекший год, а на ноябрьском — обсуждала проект бюджета на предстоящий. Журналы управ свидетельствуют, что данный порядок в основном соблюдался ².

Исследователи считают, что городская статистика имела ярко выраженный отчетный характер. Например, В.А. Скопа выделяет два вида такой статистики: санитарную (о загрязнении частей города, санитарной профилактике) и «охранительную» (отчетный материал) ³, с чем лишь отчасти можно согласиться, так как собираемые сведения группировались по разным сферам деятельности. Н.Б. Телятников, исследуя развитие статистики в Саратовской губернии, указывает, что созданный при городской управе статистический отдел включал в себя четыре главных направления работ: 1) территория и население; 2) сельское хозяйство, торговля и промыслы; 3) платежеспособность населения, налоги и повинности; 4) суды, городское, земское и крестьянское самоуправление ⁴.

Городовым положением 1870 г. (ст. 72) и циркуляром МВД от 25 июля 1879 г. № 5658 городским управам предписывалось «непрерывно за каждый год» представлять в губернское управление и Хозяйственный департамент особые отчеты о своей деятельности и подведомственных им частей, «с опубликованием их... во всеобщее сведение» ⁵.

Любопытно, что местные власти не спешили исполнять это требование. В архивных фондах первые отчеты удалось выявить за 1884 г., последние — за 1916. Наивысшую ценность для изучения представляют ежегодные отчеты финансово-хозяйственного характера из тематических блоков. Например, отчет Тарской городской управы за 1886 г. содержит 9 разделов: 1) по управлению; 2) по благоустройству

города; 3) о благосостоянии городского поселения; 4) об охране народного здоровья; 5) о принятии мер предосторожностей против пожаров; 6) о принятии мер против падежа скота; 7) о состоянии благотворительных заведений; 8) ходатайства по предметам в пользу города; 9) об общественных зданиях и сооружениях ⁶.

Отчет Туринской городской управы за 1886 г. включает 7 параграфов: 1) по денежной операции; 2) по делопроизводству; 3) по благоустройству города; 4) по охране народного здоровья; 5) по принятию мер предосторожности против пожаров; 6) о состоянии благотворительных заведений (городской больницы и городской богадельни); 7) об общественных зданиях и сооружениях ⁷.

Отчет Ялуторовской городской управы за 1888 г. состоит из 8 частей: 1) городская дума; 2) городская управа; 3) городская больница; 4) богадельня; 5) пожарная часть; 6) городское приходское училище; 7) воинская казарма и 8) тюремный замок. К отчету прилагалась приходно-расходная смета города на 1888 год ⁸.

Отчет Томской городской управы представлен за 1888—1891 гг., что позволяет оценить динамику развития местного хозяйства за 3 года. Например, можно проследить изменение доходов и расходов бюджета города: в 1888 г. поступило 193 020 руб. 60 коп., израсходовано — 219 363 руб. 79 коп.; в 1889 г. доход — 192 042 руб. 80 коп., расход — 173 838 руб. 59 коп.; в 1890 г. — 199 502 руб. 60 коп. и 202 120 руб. 05 коп. соответственно. Как видно, местный бюджет был большей частью дефицитным ⁹.

Отчет Тюменской городской управы за 1892 г. включает 6 разделов: 1) по думе (число решенных и нерешенных дел); по управе (количество журналов, объем переписки, бюджет, число выданных разрешений на частные постройки); 2) по городскому банку (баланс, операции, капиталы); 3) по больнице (содержание; число больных и умерших за год); 4) по богадельне; 5) по Владимирскому сиротопитательному заведению (число сирот, их обучение и содержание) и 6) по Александровскому родильному дому (посещений за год, число родившихся младенцев, содержание приюта) ¹⁰.

Отчет Барнаульской городской управы за 1892 г. не имеет отдельных разделов (единый текст с пунктами). Тем не менее, в нем указаны решения управы, исполненные за год (57 определений). Например, из отчета следует, что при управе была создана санитарная комиссия для принятия мер против распространения холеры. Город Барнаул был разделен на 56 санитарных участков — в каждый направлялось по одному санитару для проверки домов, дворов, отхожих мест и помойных ям. Также для осмотра переселенцев, прибывающих в город на пароходах, были приглашены два врача с оплатой по 100 руб. каждому ¹¹.

Отчет Курганской городской управы за 1893 г. состоит из 6 пунктов: 1) при управлении (о доходах и расходах); 2) по благоустройству города; 3) об охране народного здоровья; 4) о принятии мер предосторожности против пожаров; 5) о предупреждении падежа скота; 6) о состоянии благотворительных заведений города: городская больница, Владимирская богадельня, Николаевское детское убежище, ночлежный дом; об общественных зданиях и сооружениях ¹². В частности, по отчету можно судить об уровне развития торговли и промыслов в городе и округе. Всего за этот год управа выдала 1605 гильдейских, мелоч-

ных, развозных, разносных свидетельств и ярмарочных билетов на право торговли и промыслов, что стало одним из самых высоких показателей в Тобольской губернии (наряду с Тюменью и Тобольском).

Безусловно, в небольших городках (Берёзов, Сургут, Нарым, Кузнецк) отчеты управ не отличались структурным разнообразием и информационной насыщенностью. Тем не менее, это незаменимый источник при изучении местных нужд и забот, особенностей повседневной жизни в малых поселениях. Например, из отчета Березовской городской управы за 1893 г. можно узнать: о направлениях занятий управы (например: выдача мещанам паспортов, расквартирование жандармов, ведение дел купеческо-мещанского общества); о выданных торговых документах (493); о движении городских сумм (приход и расход) и др.¹³

Сравнительный анализ данных отчетов (например, за несколько лет) дает возможность оценить работу органов местного самоуправления. Так, тюменские власти очевидно не могли справиться с таким объемом поступающих дел и входивших бумаг за год. В частности, если на 1 января 1886 г. в местной думе оставалось 158 дел, за год поступило еще 225, а нерешенными осталось 180, то на 1 января 1889 г. эти показатели составили соответственно 226, 182 и 210 дел¹⁴.

В исследуемых отчетах содержатся разнообразные статистические сведения по состоянию основных сфер местного хозяйства и объектов социальной инфраструктуры. Следует признать тематическое сходство отчетов, форма и содержание которых постепенно усложнялись: увеличивался объем данных, появлялись новые разделы¹⁵. Причем общие формулировки, по наблюдению исследователей, «повторялись из года в год, из отчета в отчет»¹⁶.

В частности, отчет Тарской городской управы за 1908 г. включает 10 пунктов: 1) по росписям (доходы и расходы); 2) по благоустройству города; 3) об обеспечении народного продовольствия; 4) о состоянии городской общественной скотобойни; 5) об охране народного здоровья; 6) о мероприятиях против падежа скота; 7) о принятии мер предосторожности против пожаров; 8) о состоянии благотворительных заведений (в том числе: а) в городской больнице; б) в доме призрения бедных А.Г. Немчиновой; в) в городской богадельне); 9) ходатайства о местных нуждах и пользах; 10) об общественных зданиях и сооружениях¹⁷. Как видно, этот отчет в сравнении с отчетом за 1886 г. имеет ряд отличий по структуре и объему.

Отчет городской управы носил сводный характер, составными частями которого выступали доклады подведомственных городскому управлению в хозяйственно-распорядительном отношении предприятий и заведений. Ежегодно отчеты представляли как городские учреждения, так и отдельные должностные лица общественной службы. Среди них наибольший интерес представляют отчеты городских учебных заведений, городских ветеринарных врачей, санитарных обозов, скотобоев, утилизационных заводов, общественных банков, больниц, богаделен и других заведений, от которых не осталось архивных фондов¹⁸.

Отчеты управ свидетельствуют об интенсивном развитии местного хозяйства, росте основных показателей экономики городов региона (доходов и расходов бюджетов, налогов и сборов), в частности, в разы увеличилась оценка стоимости городской недвижимости, осо-

бенно в крупных городах. По отчетам можно проследить динамику стоимости недвижимости. Скажем, в г. Томске — 9 176 815 руб. (1905 г.), 11 438 347 руб. (1908 г.) и 14 521 216 руб. (1911 г.) — рост на 26%; в г. Барнауле — 1 493 775 руб. (1905 г.), 3 104 800 руб. (1908 г.) и 4 778 903 руб. (1911 г.) — рост более чем на 53%; в г. Новониколаевске — 2 245 079 руб. (1908 г.) и 5 029 863 руб. (1911 г.) — рост более чем на 124%¹⁹.

Любопытно, что в отчетах управ начала XX в. стали фигурировать капиталы, векселя и другое имущество ремесленных, купеческих и мещанских обществ, что свидетельствует о том, что городские управления на своей территории «поглощали» другие формы самоуправления, включая сословные, вследствие чего последние упразднились²⁰.

К сожалению, отчеты городских управ сохранились лишь за отдельные годы, что не дает возможности их комплексного изучения для установления подробной и более точной динамики состояния местного хозяйства. Тем не менее, эти источники имеют ключевое значение для рассмотрения истории общественного и частного строительства, развития городской архитектуры. Отчеты в части благоустройства содержат данные о мощении улиц, постройке мостов, возведении переправ и т.п.²¹. Из отчета Тюкалинского городского старосты за 1902 г. следует, что местные власти в этом году выделили два новых места и выдали жителям 25 разрешений на возведение частных построек. Содержание улиц и канав «лежало на обязанности домовладельцев»²².

По отчетам управ можно проследить этапы развития просвещения в городах Сибири — от начального ко всеобщему, определить видовой состав учебных заведений, их разрядность (низшие, начальные, средние школы, училища, прогимназии, гимназии, университеты), источники финансирования (казна, городские бюджеты, средства меценатов) и другие показатели. В частности, согласно отчету Курганской городской управы за 1906 г., город содержал 6 приходских школ (3 мужские и 3 женские), женскую гимназию, городское училище и две церковно-приходские школы. Кроме этого, были учреждены стипендии для учеников, выделялись средства на ремонт учебных помещений, на школьные библиотеки. Всего за этот год расходы на образование составили 18 168 руб. (12% от всех расходов бюджета)²³.

В процессе работы с источниками выясняется, что нередко разные документы дают несопоставимые данные, поэтому необходимым условием исследования является критический подход при проверке фактов и отбор наиболее достоверных. Критика строится на сравнении одного документа с другим, оригинала и копии. Например, годовой отчет управы представлялся в нескольких вариантах: 1) утвержденный и подшитый в соответствующее дело управы; 2) включенный в сводный губернаторский отчет; 3) опубликованный в местной печати. Пожалуй, в первом случае с большей степенью уверенности можно утверждать, что отчет не подвергался изменениям и дополнениям.

Наряду с управой, первичный учетный материал «оседал» в городских исполнительных комиссиях, которые по характеру работы делились на подготовительные (предварительное рассмотрение вопросов, сбор необходимой информации) и исполнительные — проведение каких-либо акций и контроль за реализацией постановлений

центральной и местной власти. По срокам действия комиссии были временными (для разработки проектов нормативных актов, размещения беженцев, мобилизации войск, сооружения водопровода, борьбы с эпидемией, организации праздника) и постоянными (училищная, финансовая, оценочная, строительная, санитарная). По результатам обсуждения докладов комиссий гласные дум утверждали соответствующие отчеты, разрабатывали различные проекты, вплоть до долгосрочной политики в той или иной сфере ²⁴.

Основными в работе городских управ стали хозяйственные отчеты, позволявшие им вести надзор и контроль за использованием городских земельных ресурсов, водных и лесных объектов, регулировать и планировать застройку территории, принимать необходимые решения. Текущие операции фиксировались управой в различных ведомостях, учетных книгах, журналах и списках, подлежавших проверке (вместе с отчетами) членами городской ревизионной комиссии.

Разделы отчетов управ по социально-культурному развитию, торговле, народонаселению, благоустройству, бюджетной политике детально раскрывают все «язвы» в деятельности городских управлений: острая санитарная и противопожарная ситуация; эпидемии; падеж скота; проституция; наводнения; плохое состояние улиц; сложности в снабжении жителей товарами первой необходимости, размещении беженцев и др. Сбор и обработка данных позволяли курировать решение этих вопросов, принимать эффективные меры к улучшению местного хозяйства.

Среди опубликованных документов особую ценность представляют отчеты, насыщенные конкретными статистическими сведениями, являющиеся незаменимым источником в случае их отсутствия в архивных фондах. В изданных отчетах управ и подотчетных им заводов, заведений и обществ содержатся различные сведения об их деятельности ²⁵. Наряду с этим, отдельные данные по развитию городской экономики, торговли, просвещения, здравоохранения можно почерпнуть в губернских изданиях статистического характера (обзорах, календарях, памятных книжках и др.).

Для исследователей бесспорный интерес вызывает статистический сборник «Экономическое состояние городских поселений Сибири», в котором МВД были собраны отчеты городов региона за 1875—1877 гг., на основании которых можно провести анализ состояния местного хозяйства в этот период, а также сравнить полученные результаты с показателями на рубеже XIX—XX веков ²⁶.

Исследование отчетности управ показывает, что городские власти располагали обширными статистическими данными по основным направлениям своей компетенции, с приоритетом по хозяйственной части. Отчеты городских управ использовались думами для обоснования решений по развитию местного хозяйства, прогнозирования социально-экономических процессов на их территории. Формы ведомственной отчетности, которые разрабатывались в МВД и направлялись на места, были единообразными (унифицированными), как по перечню, так и по систематике показателей. Однако местные власти в точности эти формы не соблюдали, внося свои изменения и дополнения.

Наименее достоверной следует признать сводную статистику по городам правительственных органов, где фактически отсутствовал

анализ таких важных общественных явлений, как безработица, уровень жизни населения, заработной платы и эксплуатации трудящихся, мало изучена динамика развития городской экономики и ряд других вопросов. Частично разрешить эти исследовательские задачи позволяют отчеты городских управ.

Как исторические источники эти отчеты отличаются комплексностью, многогранностью, уникальностью первичных учетных данных. К сожалению, данные источники сохранились в архивах лишь за отдельные годы, что требует к ним более внимательного отношения. Статистические отчеты дают возможность более аргументировано и точно установить финансово-хозяйственное состояние городских поселений страны в целом и Западной Сибири в частности.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (ПС ЗРИ). Собр. II. Т. XLV. Отд. 1-е. СПб. 1874, ст. 48 498, с. 830.
2. Государственный архив Тюменской области (ГА ТюмО), ф. И-1, оп. 1, д. 60, л. 91—94.
3. СКОПА В.А. Развитие статистики в системе общественных организаций и городского самоуправления в Томской губернии в конце XIX — начале XX в. В кн.: Местное самоуправление в истории Сибири XIX—XX вв. Материалы научной конференции. Новосибирск. 2004, с. 114.
4. ТЕЛЯТНИКОВ Н.Б. Из истории статистики в Саратовской губернии. — Вопросы статистики. 2002, № 10, с. 74.
5. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске), ф. И-152, оп. 35, д. 394, л. 1а.
6. Там же, л. 119—124об.
7. Там же, л. 108—111.
8. Там же, д. 421, л. 3—13.
9. Государственный архив Томской области (ГА ТомО), ф. 48, оп. 1, д. 26, л. 36.
10. ГА ТюмО, ф. И-1, оп. 1, д. 156, л. 90—93а.
11. ГА ТомО, ф. 48, оп. 1, д. 26, л. 16об.
12. ГА в г. Тобольске, ф. И-152, оп. 35, д. 505, л. 81—85об.
13. Там же, л. 108—113.
14. Там же, д. 394, л. 185; д. 454, л. 61об.; ГАТюмО, ф. И-1, оп. 1, д. 149, л. 40в; д. 150, л. 49.
15. Статистический обзор г. Тюмени за 1902 г., составленный городской управой. Тюменский областной краеведческий музей, ф. 26, № 4983.
16. КОРОЛЬ Ж.В. Деятельность городских управ Западной Сибири в пореформенный период. — Наука и современность. 2010, № 6—1, с. 133.
17. ГА в г. Тобольске, ф. И-152, оп. 35, д. 864, л. 47—51.
18. Отчет городского лесопильного завода за 1913 г. ГА ТюмО, ф. И-1, оп. 1, д. 191, л. 15—32; Отчет по утилизационному заводу за 1908—1911 гг. Там же, д. 537, л. 61—66об.; Отчет тюменского городского ветеринарного врача за 1915—1916 гг. Там же, д. 540, л. 5—7.
19. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО), ф. 97, оп. 1, д. 1, л. 139—140об.; д. 74, л. 43—43об., 45—45об.
20. ГА в г. Тобольске, ф. И-152, оп. 35, д. 614, л. 263; д. 775, л. 135—135об.
21. ГА ТюмО, ф. И-1, оп. 1, д. 417, 417а.
22. ГА в г. Тобольске, ф. И-152, оп. 35, д. 614, л. 273об.
23. Там же, д. 775, л. 216.
24. ГА ТюмО, ф. И-2, оп. 1, д. 537, л. 37—37об., 62, 101об.—107.
25. Отчет Тарской городской управы о деятельности и состоянии подведомственных ей частей за 1884 г. — Тобольские губернские ведомости. 1887, № 23, приложение; Финансовый отчет Томской городской управы за 1899 г. Томск. 1900; Отчет о действиях общественного Сибирского банка в Томске за 1894 г. Томск. 1895; Отчет томского городского ветеринарного врача за 1904 г. — Известия Томского городского общественного управления. 1906, № 10, с. 96—98.
26. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб. 1882.

Формирование исторического портрета города с использованием информационных технологий

А.А. Горелов, В.А. Немтинов

Аннотация. Публикация посвящена вопросам создания исторического портрета муниципального образования с использованием информационных технологий на примере города Тамбова, имеющего почти 380-летнюю историю. Результаты работы могут быть представлены в виде виртуального музея объектов культурного наследия центральной части г. Тамбова на различных этапах его развития. При создании исторического портрета предложен подход комплексного использования различных программных сред при описании объектов исторического наследия.

Ключевые слова: объекты культурно-исторического значения, исторический портрет города, информационные технологии.

Abstract. This publication is devoted to creating a historical portrait of a municipality with the use of information technology on an example of the city of Tambov with nearly 380-year history. The results are presented in the form of a Virtual Museum of cultural heritage of the Central part of Tambov at various stages of its development. For the purposes of creating a historical portrait we have proposed an approach based on the integrated use of a variety of software packages for description of historical heritage objects.

Key words: objects of cultural and historical values, historical portrait of a city, information technology.

В России существуют города, исторический облик которых удалось в большой мере сохранить таким, каким он был 100, а в отдельных случаях и 200 лет назад. Прежде всего, к ним относятся населенные пункты, не затронутые боевыми действиями во время Великой Отечественной войны, а также те, в которых эпоха индустриального развития XX в. не оставила свой след в виде модернистских проявлений в архитектуре градостроения. Нередко такие города до сих пор на-

Горелов Александр Алексеевич — кандидат технических наук, профессор, доцент Тамбовского государственного технического университета. E-mail: gorelov50@list.ru; *Немтинов Владимир Алексеевич* — доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой Тамбовского государственного технического университета. E-mail: nemtinov@mail.gaps.tstu.ru.

Gorelov Alexander A. — candidate of technical sciences, professor, associate professor at the Tambov State Technical University. E-mail: gorelov50@list.ru; *Nemtinov Vladimir A.* — doctor of technical sciences, professor, head of the department at the Tambov State Technical University. E-mail: nemtinov@mail.gaps.tstu.ru.

зывают патриархальными. Иногда это определение содержит налет некоторого пренебрежения или сожаления, что можно объяснить проблемами дальнейшего сохранения или возможного уничтожения старых застроек. Конечно, в каждом конкретном случае этот вопрос следует решать индивидуально, но несомненным остается то, что со временем в крупных городах от старых исторических кварталов не останется ничего. Сложившаяся ситуация заставляет искать пути решения обозначенной проблемы. Много в этом вопросе можно сделать с помощью компьютерных технологий. Современная наука должна способствовать тому, чтобы наши потомки получили самые достоверные сведения о том, как выглядели и что представляли собой когда-то старинные российские города ¹.

В этом плане, прежде всего, следует обратить внимание на видовые изображения, которые могут передать структуру старинного города, его неподдельные, характерные только для него особенности, о которых можно прочесть, но которые гораздо лучше увидеть ².

На сегодняшний день известно много вариантов, позволяющих решить эти вопросы. Это и отлично зарекомендовавшая себя фотосъемка, и последовавшая за ней киносъемка, и другие способы видовых технических изображений ³. Однако в рассматриваемом случае дело касается изображений слишком больших участков местности, содержащих старинную застройку в отдельных крупных массивах. Тем не менее, термин «исторический портрет города» вполне уместен, чтобы воспользоваться им, затрагивая обозначенную тему.

Исторический портрет города — это понятие многозначное, включающее в себя определенные черты и параметры, в соответствии с которыми город, либо отдельные его участки можно считать историческими ⁴. К этому следует добавить всевозможные информационные материалы, подтверждающие это историческое значение. Нельзя оставить в стороне вопросы, связанные с сохранением внешнего вида города. В то же время должны быть определены функции взаимодействия исторической части (если она является составляющей большого города) с другими его участками. Таких вопросов много, и далеко не все из них имеют простые однозначные ответы.

И все же портрет — это, прежде всего, видовое изображение. Для исторического портрета такого большого объекта как город, главным вопросом является создание соответствующего видового изображения и возможности передачи его широкому кругу заинтересованных лиц ⁵.

Даже с применением самых современных технологий, включающих в себя видео- и фотосъемки с использованием средств авиатехники, можно зафиксировать только то, что существует в настоящее время. Все, что касается прошлого, такими способами отобразить нельзя. Однако желания историков, краеведов и многих других специалистов воссоздать изображения исторических участков российских городов на основе архивных источников, могут быть в определенной степени реализованы с помощью компьютерных технологий. В воплощении таких решений значительную роль играет сотрудничество историков с профессионалами, занимающимися вопросами видовых изображений средствами компьютерной техники ⁶. Существуют разработки, позволяющие увидеть виртуальные изображения историчес-

ких районов городов и поселков. Как правило, все они строятся на большом документальном материале, собранном историками в архивах городов. Чаще всего — это планы застроек, отражающие отдельные исторические периоды. На их основе, реализуя сведения, почерпнутые из научно-исторических информационных источников, составляются изображения объектов городских застроек. И только после этого можно переходить к дальнейшим компьютерным разработкам.

Главными элементами исторического портрета любого города или поселка, расположенного в России, являются его культурно-исторические центры. Они, в свою очередь, формируются из жилых зданий, административных помещений, торговых построек, объектов религиозного значения, учреждений образования и мест развлечений, площадей и парков. Часто в структуру такого центра входят мемориалы, памятники, исторические сооружения, а иногда и промышленные объекты, если с ними связаны какие-то исторические события. Подобные составляющие достопримечательных мест городских и поселковых застроек принято называть объектами культурно-исторического назначения ⁷.

Исследование подобных центров имеет ряд направлений, начиная от простого туристического знакомства до серьезных научных разработок, связанных с подготовкой будущих специалистов в различных областях ⁸. Какими бы не были цели и задачи исследований объектов культурно-исторического назначения их реализация возможна только после обработки научной информации.

Одним из российских городов, которые на значительной части своей территории до настоящего времени сохраняют застройку вековой давности, является Тамбов. Уже много лет ведется полемика о том, как не потерять «тамбовский колорит». В последнее время в различные дискуссии по этому вопросу были втянуты представители областных структур власти. Принято решение о необходимости сохранения (по возможности) отдельных исторических объектов и «самобытных зданий». С этой целью «разрабатывается концепция оформлений фасадов зданий». В старых, но отремонтированных домах предполагается разместить современные парикмахерские, салоны красоты, кафе, различные торговые объекты.

На наш взгляд, такой подход совершенно не отвечает поставленным целям — «сохранить исторический облик города». Нет смысла тратить огромные средства на фрагментарные реконструкции в современных российских городах. Они будут иметь смысл лишь в единичных объектах прошлого. При этом цель их сохранения не в исторической достоверности, что само по себе просто невозможно, а чаще всего, в предоставлении информации, связанной с прошлым данного городского объекта. Подобный пример есть и в Тамбове. Это отреставрированный бывший особняк фабриканта Асеева, расположенный в южной части города. Его соответствие исторической достоверности доказывается не только тщательно выполненным восстановлением здания по архивным материалам, но и обособленным расположением. Тамбовский дворец фабриканта Асеева находится на высоком берегу реки Цны и окружен старинным дворцовым парком. Это способствует сохранению его видового изображения таким, ка-

ким оно было сто лет назад. Только при подобных условиях можно вести речь о восстановлении прежнего облика объекта городской застройки. Во всех остальных случаях, касающихся вопросов сохранения исторического вида старинных российских городов, к числу которых не без основания может быть отнесен и Тамбов, следует откровенно, хотя и с сожалением, признать невозможность подобного.

Говоря о городе в целом, о его градостроительном прошлом, можно и нужно рассматривать другие подходы, базирующиеся на научных исследованиях, на сборе многочисленных исторических документов: старинных планов, изображений фасадов зданий, их описаний, сохранившихся в архивах. Такая база данных послужит в дальнейшем для подготовки видовых изображений, выполненных сначала в традиционном чертежном варианте с применением всех норм и правил построения чертежей, и переведенных затем в наглядные аксонометрические изображения и 3D-модели исследуемых объектов. Главное условие, которому должны быть подчинены эти работы, заключается в том, что все информационные материалы и видовые изображения городских застроек должны строго соответствовать конкретному историческому периоду.

Первые виртуальные музеи возникли в 90-е г. XX в., а через 15 лет количество экскурсантов в них увеличилось и сравнялось с посетителями реальных музеев ⁹. В широком смысле под виртуальным музеем мы подразумеваем информационный ресурс, созданный средствами современных компьютерных технологий и представляющий в виртуальном пространстве оцифрованные версии объектов материального и нематериального культурного наследия ¹⁰.

В течение 2015—2017 гг. авторы данной публикации выполнили проект по созданию информационной системы «Виртуальный музей истории градостроительства центральной части города Тамбова». Музей представляет собой трехмерную реконструкцию центральной части города Тамбова в различные временные периоды, а также деревянной крепости Тамбов XVII—XVIII вв. (современный район «Вечный огонь/Соборная площадь»).

На начальном этапе реконструкции была исследована доступная информация об объектах культурного наследия, в том числе изучены исторические материалы и архивные сведения. Затем были построены объемные 3D-модели исторических объектов (построек, зданий, утвари и пр.) как существующих объектов, так и утраченных, либо частично разрушенных ¹¹. К их числу относятся элементы крепости Тамбов XVII—XVIII вв. (крепостные стены и башни, бронзовые пушки, деревянная церковь, церковная утварь и убранство) ¹²; Богородническая (Уткинская) церковь XVIII в. и возведенная на ее месте в XX в. Библиотека им А.С. Пушкина; здание Дворянского собрания XIX в.; Базарная площадь и другие ¹³. Используя программы дизайна ландшафтов на основе доступной топографической информации (карт, планов, схем, снимков из космоса) была спроектирована 3D-модель ландшафта, а затем и итоговое виртуальное пространство. Посетитель музея может подключиться к серверу через Internet и управлять перемещением виртуального персонажа внутри смоделированного мира, переходя при этом в различные временные эпохи для изучения со-

стояния объектов культурного наследия центра Тамбова в исторические периоды: начало XXI в., 80-е гг. XX в., начало XX в., середина XIX в., середина XVIII в., середина XVII века¹⁴.

Посетителям нравится, что во время виртуального путешествия можно встретить других пользователей, наблюдать за их перемещениями и действиями, общаться с ними в реальном времени. Наличие игрового характера, несомненно, привлекательно для молодой аудитории.

С помощью разработанной системы можно проводить, например, экскурсии, в ходе которых знакомиться с историческим портретом городской среды. Уникальность таких экскурсий заключается в том, что виртуальная реальность способна погрузить посетителя в различные временные эпохи и продемонстрировать не только современное состояние исторических объектов на различных этапах их существования, но и показать неосуществленные проекты, исчезнувшие архитектурные памятники, утраченные либо частично разрушенные исторические объекты.

Авторами предложена технология создания исторического портрета муниципального образования с использованием информационных технологий на примере Тамбова. Результаты работы представлены в виде виртуального музея объектов культурного наследия центральной части города на различных этапах его развития. Они могут быть рекомендованы к использованию при создании исторических портретов других городов с применением информационных технологий.

Виртуальные музеи обладают значительным познавательным и исследовательским потенциалом, активно содействуют сохранению культурного наследия и, таким образом, формируют исторический портрет городской застройки. Применение современных информационных технологий позволяет привлечь внимание к объектам исторического и культурного значения. Разработанный авторами виртуальный музей способствует популяризации краеведческой и музейной деятельности, в том числе среди подрастающего поколения.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта создания информационных систем № 17-01-12017 «Виртуальный музей истории развития территории “Базарная площадь” и хронологии становления торгово-купеческой деятельности в этой части города Тамбова».

1. ЯКИМОВА Е.В. Проект трехмерной исторической реконструкции Московского Кремля. ФГУ ГИКМЗ «Московский Кремль». http://www.hist.msu.ru/Departaments/Inf/3D/Article/doklad_809.pdf.
2. Архитектурные мотивы. М. 1988, вып. 3; 1900, вып. 4.
3. АФАНАСЬЕВА Л.П. Интернет-ресурсы по истории постсоветской России. — Новый исторический вестник. 2005, №1 (12). http://www.nivestnik.ru/2005_1/16.
4. БАРАНОВСКИЙ Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Т. 1—7. СПб. 1904.
5. МИЛОВАНОВ К.Ю., НИКИТИНА Е.Е. Ведущие тенденции и перспективы развития музейной педагогики как приоритетного направления национальной систе-

- мы дополнительного образования. — *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2016, № 9, с. 91—96.
6. W.VAN DER TOORN VRIJHOFF. History integrated urban transformation. The Sustainable City IV. Urban Regeneration and Sustainability. WIT Press /Computational Mechanics (June, 26, 2006).
 7. ИКОННИКОВ А.В. Историзм в архитектуре. М. 1997.
 8. КУПЦОВ А.И., КУПЦОВ С.А., ХАЙРУЛЛИН Р.З., БОГАЧ В.В. Разработка и использование технологий виртуальной реальности в процессах обучения. — Вестник Казанского технологического университета. 2016, № 4 (19), с. 100—101.
 9. ВАСИЛИНА Д.С. Виртуальный музей как феномен современной культуры. — Международный журнал исследований культуры. 2016, № 3 (24), с. 96—102.
 10. РАЗУВАЛОВА Е.В., РУДЕНКО К.А. Визуальные и виртуальные реконструкции в музейном пространстве. — Электронные библиотеки. 2016, № 6 (18), с. 302—317.
 11. МАКСИМОВА Т.Е. Виртуальные музеи vs традиционные музеи: преимущества виртуальных экспонатов. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. — Вопросы теории и практики. 2013, № 3—4 (30), с. 109—111.
 12. «И пыль веков от хартии отряхнув...»: Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов. 1993.
 13. КУЧЕНКОВА В.А. Неизвестный Тамбов. Тамбов. 1993.
 14. Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 г. Тамбов. 1903.

Борьба с пьянством на сельских выборах в России в 1890-е гг.

А.М. Субботина

Аннотация. В работе рассматривается новый аспект антиалкогольной кампании 1890-х годов. На примере Вятской губернии исследуется вопрос о том, как борьба с пьянством повлияла на выборы волостных судей и земских гласных от сельских обществ в России. Публикация основывается на комплексном изучении законодательных актов, материалов периодической печати и документов Государственного архива Кировской области. Особое внимание уделяется роли земских начальников как проводников антиалкогольной кампании в крестьянской среде.

Ключевые слова: история России, земство, земские выборы, земские начальники, волостные судьи, антиалкогольная кампания, пьянство.

Abstract. The article explores a new aspect of the anti-alcohol campaign of the 1890s in Russia. It examines the impact of the fight against drunkenness at the election of volost (parish) judges and Zemstvo peasant representatives. The conclusions are based on the materials of Vyatka province. The author studied the set of documents. Among them are legislative acts, materials of periodicals and documents of the State archive of Kirov region. The author pays particular attention to the role of zemsky territorial district chiefs in the implementation of the anti-alcohol campaign among the peasants.

Key words: Russian history, zemstvo, zemstvo elections, zemsky chiefs, volost judges, anti-alcohol campaign, hard drinking.

Тема борьбы с пьянством в нашей стране имеет более чем столетнюю историю. На современном этапе наблюдается новый всплеск интереса к ней. Обращение к изучению опыта антиалкогольной кампании конца XIX в. имеет большое значение, поскольку в это время стали обращать внимание на негативные проявления пьянства не только в частной, но и в публичной сфере жизни людей. Период конца 1880-х — начала 1890-х гг. в России отмечен проведением ряда реформ, затрагивавших права крестьянского населения на участие в выборах.

Субботина Анна Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. E-mail: anmisu@yandex.ru.

Subbotina Anna M. — candidate of historical sciences, associate professor, senior researcher at the Udmurt Institute of History, Language and Literature. Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS. E-mail: anmisu@yandex.ru.

Среди нововведений можно выделить судебно-административную реформу 1889 г., которая установила институт земских участковых начальников и изменила судебную систему в отношении крестьян на территориях его распространения. В 1890 г. вышло новое Положение о земских учреждениях, реформировавшее порядок выборов гласных от сельских обществ. Материалы периодической печати и архивные документы, отражающие ход реформ, обращают внимание на один характерный для этого времени аспект: подчеркивание борьбы с различными проявлениями пьянства в крестьянской среде. Можно предположить, что в данный период либо масштабы пьянства в стране достигли какой-то критической точки, либо, что более вероятно, на государственном уровне была осознана актуальность этой проблемы и инициирован поиск ее практического решения. Важную роль должно было сыграть формирование новых поведенческих стереотипов в частной и публичной жизни крестьян. В публикации на материалах Вятской губернии исследуется опыт борьбы с пьянством на выборах волостных судей и земских гласных от сельских обществ в начале 1890-х годов. И те и другие проходили под надзором и при непосредственном участии земских начальников, позиция которых в антиалкогольном вопросе, прежде всего, и нашла отражение в документах.

Исследование основывается на комплексном анализе законодательных актов, публикаций газеты «Вятские губернские ведомости», документов земского выборного делопроизводства, хранящихся в фонде 582 (Канцелярия вятского губернатора), и переписки земских начальников с губернатором Вятской губернии из фонда 584 (Вятское губернское присутствие) Государственного архива Кировской области (ГА КО). Понять, какое влияние на сельские выборы оказала антиалкогольная кампания 1880-х — 1890-х гг. и какое место в ней занимала фигура земского начальника, помогает системный подход. Он позволяет рассмотреть реформы управления крестьянами в тесной взаимосвязи с другими изменениями, а также с общей социально-экономической и политической ситуацией в стране и настроениями общественности.

В исторической литературе вопросы реформирования в сфере местного и крестьянского управления и в области производства и продажи алкоголя обычно рассматриваются отдельно друг от друга. По этой причине проблема влияния антиалкогольной кампании на выборный процесс не нашла должного внимания у исследователей. Отдельные авторы указывают на определенную роль в трезвенническом (трезвенном) движении земских начальников, не рассматривая этот вопрос подробно. Н.Е. Горюшкина отмечает, что к борьбе с пьянством присоединились земские начальники, о чем свидетельствуют запретительные приговоры сельских сходов на открытие заведений по торговле алкогольными напитками ¹.

Вопрос о том, насколько пьянство имело широкое распространение в России и какую роль в этом играла государственная политика в изучаемый период, не имеет однозначного ответа в исторической литературе. Для иностранных авторов характерно акцентирование вни-

мания на предрасположенности россиян к пьянству и важной роли алкогольного вопроса в государственной политике и судьбоносных событиях истории страны ².

В отечественной исторической литературе в последние годы наблюдается стремление отойти от сложившегося стереотипа о повальной алкоголизации населения во второй половине XIX—XX веке. А.В. Островский, используя данные дореволюционных и современных авторов, утверждает, что по уровню потребления алкоголя Россия отставала от западных стран. Более того, по его мнению, после отмены крепостного права потребление водки на душу населения снижалось. В городе этот показатель был значительно выше, чем в деревне ³.

Т.И. Трошина, основываясь на материалах по Вологодской губернии, напротив, указывает, что рост народного пьянства совпал по времени с введением винной монополии. Она связывает это с распространением отходничества и пролетаризацией крестьян-отходников. Интересным для данного исследования является отмечаемое Трошиной специфическое понимание крестьянами допустимого пьянства. Употребление алкогольных напитков в деревне связывалось с праздниками, важными общественными событиями. Получил распространение и «пьяный» способ ведения переговоров и совершения сделок, чем пользовались не только сами заинтересованные члены сельского общества, но и приказчики, скупщики, вербовщики. Повседневное пьянство, приводившее к нищете и нравственному падению, осуждалось ⁴.

А.Г. Быкова также отмечает, что в России в конце XIX — начале XX в. уровень потребления алкоголя имел явные социальные различия. Потребление водки в крестьянской среде она связывает с распространенными народными привычками, традициями, религиозными верованиями, бытовыми и психологическими особенностями ⁵.

По данным современника акцизной реформы 1863 г. Н.С. Терского, опиравшегося на сведения официальной статистики, в конце 1850-х гг. потребление алкоголя в великороссийских губерниях европейской части страны без Царства Польского в пересчете на чистый спирт составляло 0,23 ведра на душу населения. После введения в 1860-е гг. акцизной системы наметился рост потребления алкоголя, сменившийся затем спадом. В 1880 г. этот показатель составлял 0,34 ведра на душу населения, а в 1888 г. опустился до 0,26. Терский отмечает неравномерность потребления спиртных напитков и неодинаковые последствия акцизной реформы в разных регионах страны. В прибалтийских губерниях и Царстве Польском к концу 1880-х гг. этот показатель значительно сократился: с 0,45 и 0,60 ведра до 0,28 и 0,21 ⁶. Таким образом, приведенные данные говорят о том, что у части российской общественности, заинтересованной в антиалкогольном движении, были некоторые основания для опасений в распространении употребления горячительных напитков среди населения.

Рост потребительского спроса на алкоголь исследователи связывают с экономическими и социальными причинами. Акцизная ре-

форма совпала с отменой крепостного права. Необходимость адаптироваться к новым условиям, увеличение отходничества, растущие потребности промышленности, стимулировавшие отток в города и пролетаризацию части населения, появление на рынке дешевого алкоголя («дешевки») — все это могло сыграть свою негативную роль.

В еще большей степени, чем увеличение потребления спиртных напитков, современников беспокоило то, что оно приобретало форму пьянства. Сторонник трезвеннического движения Д.Н. Бородин, выступавший с резкой критикой правительственной политики за невнимание к этой проблеме, писал, что кабак «нарушил чистоту семейной жизни русского крестьянина и приучил русскую крестьянку, подрастающее поколение, словом всю семью, быть не только свидетелями, но и участниками пьяного разгула, а последствия от этого слишком тяжелы и ужасны для всей нашей Родины». «Миллионы народа спиваются год за годом. Пьянство стало национальной чертой русского народа. Народ вырождается физически, вырождается нравственно»⁷.

За пять лет, с 1879 по 1884 г., в европейской части страны большими алкоголизмом было признано более 11 тыс. чел., 42% душевнобольных получили свое заболевание по причине пьянства. В Вятской губернии, где потребление алкоголя было ниже, чем в прибалтийских губерниях, смертность от опоя была значительно выше и составляла 11,5 на тысячу умерших против 0,19⁸.

Исследователи обычно связывают антиалкогольную кампанию конца XIX в. с подготовкой и введением государственной винной монополии⁹, закон о которой был принят в 1894 году. Важным направлением реформы было ограждение «населения от злоупотребления крепкими напитками», для чего создавались попечительства о народной трезвости¹⁰. Этому предшествовал период критики акцизной системы и обсуждения на разных уровнях направлений ее реформирования¹¹. В 1885 г. вышли Правила о раздробительной (розничной) продаже напитков, предусматривавшие, в том числе, меры, направленные на ограничение употребления алкоголя определенными категориями населения и в определенное время¹². Антиалкогольная тема в 1880 — начале 1890-х гг. получила внимание общественности. Вновь, как и накануне акцизной реформы, создавались новые и активизировали свою работу существовавшие общества трезвости. В печати появлялись материалы о вреде пьянства и алкоголя.

Реформы крестьянского и земского управления проходили на фоне актуализации антиалкогольной проблематики. Это объясняет повышенное внимание к данной теме в ходе проведения реформ. В Вятской губернии выборы в новые волостные суды и земские выборы по Положению 1890 г. состоялись в 1891 году. Согласно Положению об участковых земских начальниках 1889 г., на них возлагалось «попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспейании крестьян» соответствующих участков¹³. К земским начальникам переходили обязанности мировых судей. Они также утверждали волостных судей из числа избранных сельскими обществами кандидатов, приводили их к присяге и осуществляли надзор

за волостными судами ¹⁴. Земские начальники открывали избирательные сельские съезды для избрания гласных уездного земского собрания от крестьян, утверждали избранных председателей съездов и должны были разрешать возникшие при выборе крестьянских гласных недоразумения ¹⁵.

Архивные документы свидетельствуют, что земские начальники являлись активными сторонниками борьбы с пьянством и стремились оказывать влияние на крестьян в этом направлении. Земский начальник первого участка Елабужского уезда, характеризуя ситуацию с открытием новых питейных заведений и снижением цен на алкоголь, писал губернатору, что это приведет «крестьян к полнейшему разорению, ибо крестьяне, всегда падкие на вино, последние гроши пропьют на дешевке» ¹⁶.

Местные газеты уделяли большое внимание проводимым реформам. В качестве одного из важных достижений отмечалось предотвращение негативных проявлений пьянства. В перепечатанной в «Вятских губернских ведомостях» статье из «Вятских епархиальных ведомостей» указывалось, что раньше «выборы основывались на вине и запивались вином». «Пили и с тех, кои желали служить, а особенно пили с тех, кои, как от греха, благоразумно отказывались от избрания сего». Новыми волостными судьями в Ухтымском приходе Тишинской волости Глазовского уезда были избраны «лица почтенные, заслуживающие доверия, или вовсе не пьющие вина, или выпивающие весьма редко и умеренно». Особенно удивляло автора этого материала то, что, если раньше «всякое собрание прихожан при волости начиналось, сопровождалось и оканчивалось повальным запиванием», то теперь «ничего этого не было». По распоряжению земского начальника, еще утром все торговавшие алкоголем заведения были закрыты, но и после их открытия в них «никто почти не зашел» ¹⁷.

Председатель Вятского уездного съезда статский советник В.А. Шубин, под контролем которого находились земские начальники всего уезда, также поделился своими впечатлениями о первых результатах реформы на страницах газеты «Вятские губернские ведомости». По его словам, все крестьяне, с кем ему удалось побеседовать, отметили, что теперь судят не «по водке», а праведно. А не пьют, потому что много судей непьющих, да и боятся, «вдруг нагрянет земский начальник» или «собирается какой-то председатель» ¹⁸. Опасения крестьян имели основания. В том же номере «Вятских губернских ведомостей» сообщалось о привлечении к суду истца в одном из волостных судов губернии, который предложил в благодарность судьям угощение водкой ¹⁹.

Анализ архивных документов о выборах в земские собрания представителей крестьян в 1890-е гг. также показывает особое внимание земских начальников и полицейских органов к проблеме пьянства кандидатов и «подпаивания» выборщиков. Представляя на утверждение вятскому губернатору избранных в 1894 г. кандидатов в гласные от крестьян, уездные исправники и земские начальники в числе положительных черт отмечали такие качества как «трезвый и развитой»,

«трезвый и энергичный», «честный, трезвый и деятельный», «честный, трезвый и трудолюбивый», «трезвый, деятельный, благонадежный». И напротив, склонность к пьянству, водке и спиртным напиткам, запоям и «нетрезвой жизни» рассматривались как одно из оснований для неутверждения кандидата в звании гласного.

Поскольку «пьющие» кандидаты были избраны крестьянами, можно предположить, что периодическое пьянство не считалось в крестьянской среде качеством, мешающим исполнению служебных обязанностей, если избранный исправно вел свое хозяйство и был полезен обществу. Крестьянин Яранского уезда Михаил Лаврентьевич Скрябин, несмотря на то, что «иногда немеренно пьет водку», в свое время был сборщиком податей в своей волости, а в 1891 и в 1894 гг. избран кандидатом в земские гласные. Но оба раза не был утвержден губернатором ²⁰.

Количественный анализ списков кандидатов в гласные от сельских обществ за 1894 г. по Вятской губернии показывает, что среди избранных число увлекающихся пьянством было невелико. В списке по Яранскому уезду, где такая характеристика кандидатов особенно часто встречается, из 28 чел. только 6 были названы пьющими, что составило 21,4% ²¹. Нужно отметить, что и губернатор оценивал кандидатов не только по их склонности к пьянству, а стремился собрать о них более полную информацию. В том же году он утвердил земским гласным крестьянина и волостного судью Пиштанской волости Яранского уезда Павла Семёновича Коновалова, несмотря на то, что уездный исправник считал, что от него как малограмотного и склонного к пьянству нельзя ожидать пользы. Губернатор оказал большее доверие сведениям земского начальника, который охарактеризовал П.С. Коновалова как человека, обладавшего примерной нравственностью и трудолюбием, занимавшегося хлебопашеством и имевшего мастерскую по изготовлению валенок ²².

Встречавшиеся случаи «подпаивания» выборщиков специально расследовались, а виновные наказывались. В 1894 г. вятскому губернатору сообщалось, что избранный от Лудошурской волости Глазовского уезда помощник учителя П.А. Исаев, живший преимущественно в Глазове, добивался своего избрания земским гласным угощением выборных уже после схода вином, выпив полведра водки и приглашая к себе домой ²³. Естественно, после получения таких сведений, губернатор не утвердил Исаева в звании гласного.

Проявляя последовательность и даже жесткость в борьбе с пьянством на выборах, земские начальники и полиция руководствовались существовавшими на тот момент правовыми нормами. Согласно Правилам о раздробительной [розничной] продаже напитков 1885 г., торговля алкоголем запрещалась на время проведения сельских и волостных сходов, крестных ходов, в воскресные и табельные дни до окончания богослужения ²⁴. Выборы проводились на сходах, обычно в воскресные дни и предварялись посещением церковной службы. Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета, которое ввело Правила о раздробительной продаже напитков, специально оговаривало вопрос о борьбе с пьянством: «Предоставить

министру внутренних дел обратить особое внимание местных по крестьянским делам учреждений на необходимость разъяснять волостному и сельскому начальствам, не исключая волостных судей, обязанности их по преследованию пьянства... и привлекать их к ответственности в случае неисполнения сих обязанностей»²⁵. Содержатели трактиров и питейных заведений не могли быть избранными в волостные судьи²⁶.

Таким образом, изучение документов по сельским выборам 1890-х гг. в Вятской губернии показывает, что особое внимание земских начальников к алкогольной проблеме и наличие в их распоряжении законодательно обоснованных мер воздействия на крестьян имели свое положительное влияние. Случаи пьянства и «подпаивания» выборщиков пресекались. Склонность кандидата к чрезмерному употреблению спиртных напитков рассматривалась как негативная характеристика. В большинстве случаев такие лица не утверждались и не могли стать волостными судьями или земскими гласными. Земские начальники выступали проводниками антиалкогольной кампании в крестьянской среде наряду со священниками и общественными организациями. Формирование новых стереотипов поведения на выборах требовало последовательных действий и времени, поскольку мнения земских начальников и самих крестьян относительно вреда пьянства могли не совпадать. Успех во многом зависел от личности самого земского начальника и его авторитета среди крестьян.

Примечания

1. ГОРЮШКИНА Н.Е. Пьянство и борьба с ним в эпоху винного акциза (1863—1894 гг.). — Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011, № 143, с. 11.
2. HERLIHY P. The Alcoholic Empire: Vodka & Politics in Late Imperial Russia. Oxford. 2002; SCHRAD M.L. Vodka Politics: Alcohol, Autocracy, and the Secret History of the Russian State. Oxford. 2014.
3. ОСТРОВСКИЙ А.В. «Пьяная деревня»: домыслы и факты. — Новейшая история России. 2013, № 2, с. 154.
4. ТРОШИНА Т.И. Народное пьянство на Европейском Севере России (конец XIX — начало XX вв.). — Новый исторический вестник. 2011, № 28, с. 23—24.
5. БЫКОВА А.Г. Образ жизни и потребление алкогольных напитков населением Российской империи во второй половине XIX — начале XX вв. — Омский научный вестник. 2009, № 5 (81), с. 63.
6. ТЕРСКИЙ Н.С. Питейные сборы и акцизная система в России. СПб. 1890, XIV, с. 31, 126.
7. БОРОДИН Д.Н. Кабак и его прошлое. СПб. 1910, с. 95—96.
8. ГОРЮШКИНА Н.Е. Ук. соч., с. 9.
9. НИКОЛАЕВ А.В. Антиалкогольная кампания в России 1894—1914 гг.: исторический опыт решения проблемы. — *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008, № 35, с. 60—72.
10. Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках. В кн.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3-е. (1881—1913). Т. 9. СПб. 1891, ст. 1, 5, 13, с. 528—529.

11. ГОРЮШКИНА Н.Е. Ук. соч., с. 11.
12. Правила о раздробительной продаже напитков. В кн.: ПСЗ РИ. Т. 5. СПб. 1887, с. 201—209.
13. Положение о земских участковых начальниках. В кн.: Там же, т. 9, ст. 35, с. 514.
14. Высочайше утвержденный Устав попечительств о народной трезвости. В кн.: Там же. Т. 14. СПб. 1898, ст. 1, с. 682.
15. Положение о земских участковых начальниках. В кн.: Там же, т. 9, ст. 44, с. 515.
16. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. 584, оп. 3, д. 1107, л. 56.
17. Доброе начало при введении новой крестьянской реформы. — Вятские губернские ведомости. 1891, № 70, август 31, с. 4.
18. Первые шаги из деятельности реформируемых 1-го июля 1891 г. учреждений. — Вятские губернские ведомости. 1891, № 66, август 17, с. 3.
19. О привлечении к суду за оскорбление состава волостного суда. — Там же.
20. ГА КО, ф. 582, оп. 122, д. 23, л. 49, 93.
21. Там же, л. 91—95об.
22. Там же, л. 40, 95.
23. Там же, д. 179, л. 147—147об.
24. Правила о раздробительной продаже напитков. В кн.: ПСЗ РИ, т. 5, ст. 85, с. 209.
25. Мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 14 мая 1885 г. В кн.: Там же, ст. XIV, с. 201.
26. Временные правила о волостном суде в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках. В кн.: Там же, т. 9, ст. 3, с. 528.

Деятельность медицинских и благотворительных учреждений в Арзамасе в последней четверти XVIII — первой половине XIX в.

М.Б. Щавелёва

Аннотация. Новые социально-экономические условия, связанные с утверждением Арзамаса в составе Нижегородского наместничества, а позднее Нижегородской губернии, обусловили необходимость перемен в системе здравоохранения. Основными источниками существования больниц, богаделен, приютов для детей-сирот являлись пожертвования частных лиц, проценты с городского благотворительного капитала и государственная поддержка в виде ссуд и долгосрочных кредитов.

Ключевые слова: Нижегородское наместничество, Арзамас, городская благотворительность, медицинские учреждения, Приказ общественного призрения, А.И. Попов.

Abstract. New social economic conditions connected with strengthening Arzamas within the Nizhny Novgorod viceroyalty and Nizhny Novgorod Governorate proved the necessity of changes in the health services system. The main livelihood sources of hospitals, poorhouses, orphanages were the donations of private individuals, town charity capital interests and state support in the form of loans and long-term credits.

Key words: Nizhny Novgorod viceroyalty, Arzamas, town charity, health institutions, Prikaz of public care, A.I. Popov.

Утверждение Арзамаса в последней четверти XVIII в. в качестве уездного центра Нижегородского наместничества благотворно сказалось на развитии всех сторон жизни города и края. Создавалась система новых уездных учреждений, неотъемлемой частью которой были лечебные учреждения, богадельни¹ и приюты, находившиеся в ведении Приказа общественного призрения.

Согласно положению об «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи», в каждом уездном центре полагалось быть: «1 доктору, 1 лекарю, 2 подлекарям, 1 лекарьку и 2 ученикам»². Указом Государственной медицинской коллегии от 11 марта 1780 г. в

Щавелёва Марина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Национальный исследовательский университет. E-mail: for-shaveleva@yandex.ru.

Shaveleva Marina B. — candidate of historical sciences, associate professor at the N. Novgorod State University named after N.I. Lobachevskiy. National Research University. E-mail: for-shaveleva@yandex.ru.

Арзамас на место находившегося там городского лекаря Ермолая Грена был назначен Готлиб Шроте из Суздальского пехотного полка и определено ему жалованье «по сороку рублей в год»³.

В последней четверти XVIII в. в Арзамасе началось формирование городского благотворительного капитала. «С 1775 г. делались добровольные складки в пользу бедных. В 1813 г. пожертвован капитал купчихою А.Я. Феоктистовой с тем, чтобы избранные из членов сиротского суда душеприказчики производили из процентов пособия. Таким образом, капитал оставался неприкосновенным и послужил основанием к расширению благотворительности»⁴. В казне Городской думы состоял капитал в 610 руб., пожертвованный арзамасскими купцами Танеевыми. Получаемые с него проценты передавались в совет городской больницы «в уплату за пользование неимущих больных».

В «Записке флигель-адъютанта Мансурова о состоянии Нижегородской губернии» на 1826 г. приводится описание арзамасской городской больницы, рассчитанной на 15 человек. Она «принимает людей всякого состояния и получает также на больного по 50 копеек в сутки; они порядочно содержаны, пища хороша». Единственным недостатком больницы Мансуров называет неумеренную плату, которую городской штаб-лекарь «требуеет с помещиков за пользование их крестьян»⁵.

В 1850 г. Нижегородский край пережил холеру, принесенную бурлаками из Понизовья. Несмотря на то, что местные власти организовали на всех водных и сухопутных дорогах карантины, болезнь все же прорвалась в губернию. Чтобы предупредить массовую эпидемию, в Арзамасе приняли ряд мер: въезд в город и выезд из него были запрещены, «около города вырыты канавы. Переезд через канаву был строго воспрещен. В канавах и около них беспрестанно курился навоз. Это курево считалось очищающим воздух и отгоняющим холеру»⁶. В Арзамасе от холеры умерло 15 чел., в Нижнем Новгороде — 375, в Павлове-на-Оке — 275⁷.

По сведениям «Статистическо-этнографического отчета...», в 1837 г. в Арзамасе действовала 1 больница с 5 служителями и 1 чиновником, в которой лечилось 142 человека⁸.

«Отечественные записки» (№ 11) за 1839 г. содержат данные о существовании в городе аптеки и больницы на 25 коек⁹.

В 1845 г. должность уездного врача исполнял штаб-лекарь Скуба, городского — Радушевич¹⁰.

В 1845 г. в арзамасской городской больнице, рассчитанной первоначально на 15 чел., находилось на излечении 109. Из них только двое лечились бесплатно, остальные — за деньги. К 1845 г. в больничной кассе осталось 643 руб. 91 коп., в 1845 г. поступило 605 руб. 55 коп., на содержание больницы было израсходовано 1450 руб. 45 копеек¹¹.

Обеспокоенное состоянием медицинских учреждений в России МВД в 1845 г. рассмотрело вопрос об устройстве городских и уездных больниц. Отмечалось, что «существующие в уездах больницы, учрежденные, в основном, для больных военного ведомства и подчиненные Приказам общественного призрения, находятся в крайне неудовлетворительном состоянии: помещения дурные, белья, одежды и вообще всех других принадлежностей недостаточно». Для исправления создавшегося положения было решено: а) поручить управление уездными больницами особому комитету, составленному из город-

ничего, городского головы, командира инвалидной команды, городского врача, б) разрешить городским обществам 26-летний заем на приведение в порядок зданий больниц, приобретение необходимого белья и посуды и продовольствия больных на 6 месяцев»¹².

Обследование арзамасской городской больницы показало необходимость ее ремонта и обновления: «1) кухню, пришедшую в совершенную негодность, переделать; 2) коридор и отхожие места защитить от влияния холода; 3) устроить комнату для приема больных и делания ванн; 4) устроить особые отделения для выноса умерших»¹³. Для размещения больницы был куплен новый каменный дом, а в 1845 г. Городская дума сделала заем «на обустройство больницы» в размере 898 руб. серебром с ежегодной выплатой процентов (62 руб. 82 коп. серебром).

На содержание арзамасской городской больницы в 1846 г. было израсходовано 999 руб., а в 1852 г. — 1712 руб. 49 копеек¹⁴.

В первой половине XIX в. в Арзамасском уезде действовал Оспенный комитет, состоявший из уездного врача и протоиереев городских и сельских соборов. Последние собирали сведения о количестве родившихся и умерших младенцев и направляли их в уездный комитет. Оспопрививание строго контролировалось: каждые полгода уездный комитет отправлял отчет в губернский комитет, а 1 февраля каждого года — губернатору «для помещения данных в отчет, посылаемый министру внутренних дел». Организацией профилактических прививок в уезде ведал врач, направлявший в Оспенный комитет сведения о детях, которым привита оспа. 20 февраля 1819 г. уездный штаб-лекарь — коллежский асессор Остроумов — сообщил о привитии оспы во второй половине 1818 г. 98 младенцам¹⁵. Непосредственное оспопрививание осуществляли специально обученные люди из числа мещан, служащих, крестьян или дворовых людей. С 1820 по 1836 г. оспопрививанием в Арзамасе ведал мещанин Иван Лазаревич Корольков, в селе Яблоневка — С.И. Соболев, в селе Паново — Фёдор Лаврентьев, а всего в уезде в это время действовало 14 оспопрививателей, не получавших за свою работу вознаграждения и одновременно готовивших учеников¹⁶.

Ивану Алексеевичу Попову принадлежала инициатива открытия в Арзамасе богадельни для бедных и престарелых граждан, «кои лишены всех способов снискивать себе пропитание собственными своими трудами и работою»¹⁷. В 1809 г. он пожертвовал для этой цели 2-этажный каменный дом с землей, переданный в ведение городничего Юрлова. Здание с приусадебным участком находилось в Крестовоздвиженском приходе, на улице Новая Мостовая. Оценщики, купец Василий Иванович Скоблин и мещанин Семён Васильевич Чушкин, составили общую опись имущества богадельни и оценили здание с участком в 5947 рублей¹⁸. Дом был рассчитан на 100—120 человек. Губернатор А.М. Руновский направил арзамасскому городничему ордер, в котором обязал его следить за тем, чтобы все, поступающие в богадельню, «действительную нужду имели». В первый год своего существования дом призрения должен был содержаться на средства Попова, в дальнейшем предполагалось «обратить оный на ответственность граждан под непосредственным попечением градской полиции с думою».

16 января 1810 г. после божественной литургии, совершенной в Воскресенском соборе, крестного хода духовенства, дворянства и представителей других сословий, молитвы и речи архимандрита состоялось торжественное открытие богадельни. Горожанами было пожертвовано 377 руб. на содержание призреваемых¹⁹.

В течение первого года в богадельне находилось 26 чел.: 2 унтер-офицера, 1 капрал, 12 рядовых из арзамасской инвалидной команды и 11 мещан. За открытие богадельни и другие «подвиги благотворительности»²⁰ Попов был награжден золотой медалью с надписью «За полезное» для ношения на шее на алой ленте²¹.

В августе 1811 г. Попов обратился к нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому с прошением об открытии в Арзамасе воспитательного дома: «... Встречая нередко на своем пути... несчастнейшие жертвы невинных детей, которые от злосчастия или бесчеловечья матерей их, бедностию ли угнетаемых, или для сокрытия своей слабости, оставляются на произвол судьбы..., и, будучи проникнут сим горестнейшим состоянием подобных мне несчастных творений,... я на спасение сих жалостных жертв по мере состояния моего посвящаю часть онаго на следующем основании...»²² Далее излагались условия открытия и содержания воспитательного дома. Попов взял на себя обязательство контролировать работу заведения в течение трех лет, «определяя каждый год на содержание детей и служителей 3000 руб., а буде оных окажется недостаточно, то дополнение остается на собственном моем попечении». Кроме того, 30 000 руб. поступали на содержание приюта и после его смерти «на незыблемом основании». Распоряжаться капиталом и контролировать дальнейшее существование воспитательного дома должны были его душеприказчики: академик 10-го класса А.В. Ступин, купцы Михаил Цыбышев и Василий Скоблин. После двух неудачных попыток за 5800 руб. был куплен дом земского исправника Зарембо-Рацевича, а до его открытия малолетние сироты содержались в собственном доме Поповых. Позднее приобретенное здание было продано, а вырученные средства пошли на «помощь тем, кто потерпел разорение». К своему дому Попов пристроил каменный корпус длиною 9, шириною 5,5 сажений, завещав после смерти отдать все жилые помещения для приюта.

В заведение принимались сироты: «1) известного состояния людей, но по бедности приносимые в сей дом для воспитания; 2) незаконнорожденные, которые должны принадлежать казне по достижении 12-летнего возраста...» Далее сироты отдавались «с приличными обязательствами жителям до совершенного возраста и для обучения разным мастерствам и рукоделиям, какое они сами изберут»²³. Ежегодно нижегородский Приказ общественного призрения составлял сводный отчет о деятельности всех благотворительных заведений губернии. Согласно «Ведомости о воспитательном доме в городе Арзамасе, учрежденном купцом И.А. Поповым на 30 человек за 1813 г.» к 1 января 1813 г. в воспитательном доме содержалось 5 сирот, в 1813 г. вновь поступило 53 ребенка, умерло 46 детей, осталось — 12²⁴.

Из приведенных выше данных видно, что уровень младенческой смертности был крайне высок. В штате обслуживающего персонала воспитательного дома числилось 14 чел.²⁵: главный надзиратель, 2 кормилицы, 8 нянюшек, приставник²⁶, истопник и сторож.

Состав воспитанников приюта пополнялся из мещан, дворян, экономических крестьян, разночинцев, незаконнорожденных.

За заслуги перед Отечеством на поприще благотворительности Попов был награжден в октябре 1811 г. голубой лентой для ношения на шею уже имевшейся у него золотой медали, а в июне 1816 г. ему было объявлено «монаршее благоволение». В 1837 г. в воспитательном доме работало 11 служителей, содержалось 118 детей, из них 78 умерло ²⁷.

В 1839 г. в Арзамасе насчитывалось 15 богаделен при храмах и монастырях. В 1845 г. купец Иван Алексеевич Ступин пожаловал городу каменный дом для открытия в нем дома призрения, рассчитанного первоначально на 20 человек. Он должен был содержаться на проценты с городского благотворительного капитала и «приношения» частных лиц. Управление богадельней вверялось Городской думе, попечителем назначался городской голова; непосредственный смотритель заведения избирался городским обществом и утверждался думой с согласия попечителя. Желавший попасть в богадельню представлял паспорт и свидетельства не менее трех благонадежных лиц, известных думе, «... что сам не может снискивать себе пропитание, не имеет родственников или других лиц, могущих или обязанных давать ему средства...» ²⁸ Пища в богадельне готовилась под надзором эконома: в обычные дни из двух, а в праздничные и воскресные — из трех блюд. Больных содержали в отдельной комнате, где им оказывалась медицинская помощь городским врачом. Правила внутреннего распорядка запрещали употребление в «богадельне вина и всяких крепких напитков». Наказанием за проступки был перевод на хлеб и воду, а в исключительных случаях — увольнение из заведения.

В здании богадельни было 14 комнат, разделенных на мужскую и женскую половины. Открытие состоялось лишь 17 июля 1866 года ²⁹.

По данным документов, в 1846 г. в Арзамасе числилось 8 богаделен ³⁰. В 1860 г. в городе работали 2 частные аптеки ³¹, 1 больница, 8 богаделен при храмах, а в Арзамасском уезде — 14 ³².

В последней четверти XVIII — первой половине XIX в. в Арзамасе действовал ряд медицинских и благотворительных учреждений: больница, аптеки, богадельни для престарелых и немощных граждан, воспитательные дома для детей-сирот. Их работу контролировал Приказ общественного призрения; основными источниками существования являлись пожертвования частных лиц, проценты с городского благотворительного капитала, государственная поддержка в виде долгосрочных ссуд с ежегодной выплатой процентов. Большая часть богаделен и приютов Арзамаса была открыта благодаря финансовой поддержке состоятельных горожан, среди которых можно выделить Попова и Р.А. Ступина.

Примечания

1. Богадельня — приют для престарелых и инвалидов.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. 20. СПб. 1830, с. 232.
3. Центральный архив Нижегородской области (ЦА НО), ф. 4, оп. 1, д. 1, л. 37об.
4. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 год. Нижний Новгород. 1864, с. 42.

5. 1826 год. Записка флигель адъютанта Мансурова о состоянии Нижегородской губернии. Действия НГУАК. Т. 7. Нижний Новгород. 1908, с. 656.
6. ШЕГОЛЬКОВ Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас. 1911, с. 180.
7. Нижегородский край: факты, события, люди. Нижний Новгород. 1994, с. 128.
8. Центральный архив Нижегородской области (ЦА НО), ф. 61, оп. 216, д. 3, л. 32об.
9. КОМЯГИН Ю. Полтора века назад. — Арзамасская правда. 1989, 15 июля.
10. ЦА НО, ф. 2, оп. 4, д. 1456, л. 105—107.
11. Там же, ф. 96, оп. 1, д. 109, л. 1.
12. Там же, д. 111, л. 1—10.
13. Там же, л. 37.
14. Там же, д. 125, л. 21; д. 129, л. 3; д. 156, л. 5; д. 170а, л. 278об.
15. Там же, ф. 1984, оп. 1, д. 5, л. 1.
16. Там же, д. 4, л. 5; д. 7, л. 2; д. 14, л. 1об.
17. Арзамасский городской голова И.А. Попов и его благотворительность на пользу города в начале прошлого столетия. Действия НГУАК. Т. 13. Нижний Новгород. 1912, с. 18—19.
18. ЦА НО, ф. 2, оп. 4, д. 72, л. 96—97.
19. Там же, л. 88—94.
20. «Подвиги благотворительности» И.А. Попова: 1) 30 ноября 1806 г. внес 2000 руб. на вооружение милиции; 2) после пожара в Нижнем Новгороде перевез на свои средства из Арзамаса до 500 четвертей хлеба и другого провианта.
21. ЦА НО, ф. 2, оп. 4, д. 72, л. 110.
22. Там же, д. 104, л. 1—1об.
23. Там же, л. 9об.
24. Там же, д. 104, л. 58—59.
25. Там же, л. 60.
26. Приставник — один из служителей, выполняющих функции контроля и надзора.
27. ЦА НО, ф. 61, оп. 216, д. 8, л. 32об.
28. Там же, ф. 96, оп. 2, д. 26, л. 1—4об.
29. Исторический очерк учреждения и 50-летнего существования Арзамасского общественного банка. Арзамас. 1913, с. 7—8.
30. ЦА НО, ф. 2, оп. 4, д. 1456, л. 104об.
31. В Нижнем Новгороде было 5 аптек, в Сергаче и других уездных городах по одной.
32. Памятная книжка Нижегородской губернии, с. 40—44.

Политические события XVI в. в Алазанской долине в исследованиях турецкого автора Ф. Кырзыюглу

З.А. Халаев

Аннотация. В российском кавказоведении средневековый период истории народов Алазанской долины все еще остается одной из слабо разработанных тем. Невысокая степень изученности, ограниченность документов вызывают у исследователей определенные трудности. Для расширения историографического материала в данной публикации будет представлена характеристика политических событий в Алазанской долине в XVI в., содержащаяся в изысканиях турецкого автора Ф. Кырзыюглу. В своем труде «Osmanlilarin Kafkas-ellerinin fethi. 1451—1590» («Завоевание Кавказа османами. 1451—1590»), изданном в 1993 г. в Анкаре, автор ссылается на данные Государственного архива Турецкой Республики и приводит интересные факты этнополитического и социально-экономического развития не только Алазанской долины, но и всего Кавказского региона со второй половины XV до конца XVI века.

Ключевые слова: Алазанская долина, средневековье, историография, ареал, XVI в.

Abstract. In the Russian Caucasian studies the medieval period of history of the peoples of the Alazan valley is still one of poorly designed problems. Low degree of knowledge, limitations of the data, the researchers creates certain difficulties. For the expansion of historiographical material in this publication, we first try to characterize the political events in the Alazan valley XVI in a survey by a Turkish author F. Kirzioglu. In his scientific research “The conquest of the Caucasus by the Ottomans (1451—1590)”, published in 1993 in Ankara, by the “Turkish historical society”, the author refers to data from the State archive of the Turkish Republic and gives interesting data on ethno-political and socio-economic development, not only of this region but of the whole of the Caucasian isthmus, with the second half of the XV century till the end of XVI century.

Key words: Alazan valley, middle ages, historiography, the area, XVI century.

Исследование Ф. Кырзыюглу¹ редко использовалось в российском кавказоведении по крайней мере по двум причинам: отсутствие перевода отдельных фрагментов этого труда, относящихся к Дагестану и Закавказью, а также знакомство с ним лишь ограниченного круга специалистов. Между тем, на его страницах можно найти ценней-

Халаев Захид Алиевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: za120778@mail.ru.

Khalaev Zakhid A. — candidate of historical sciences, researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Centre RAS. Makhachkala. E-mail: za120778@mail.ru.

шую историческую информацию, яркие политические заметки о социально-экономическом развитии Алазанской долины. Автор в основном ссылается на мало изученные документы из архивохранилищ Турецкой Республики. Сведения о Дагестане, Восточном Закавказье, Кахетии содержатся в 3-й главе, названной «Завоевания эпохи Султана Мурада (1578—1590)». Здесь описываются природно-географические особенности Восточной Кахетии и прилегающих земель, состав населения, походы османов на Кавказ, в Ширван и Дагестан, крупные города или крепости.

В исследовании Кырзыоглу отмечается, что в первой половине XVI в. важной политической единицей Восточного Кавказа был Ширван, который в административно-политическом устройстве являлся одной из 17 территориальных единиц Сефевидского государства. Во главе Ширвана стоял военный наместник — беглербег, который соединял в своих руках административную власть и командование войсками. В рассматриваемый период народам Восточного и Южного Кавказа пришлось жить в крайне сложных условиях. В силу выгодного географического положения эта территория являлась объектом борьбы Ирана и Турции.

Что касается, Алазанской долины (Закатало-Белоканской зоны), то в данное время она была составной частью Кахетии, которая, как и вся Грузия, была разделена на военно-административные территории — эриставства. Кырзыоглу, сообщая о походах сефевидских правителей в Восточную Кахетию, отмечает, что в 1540 г. Грузия состояла из 7 частей ². Что касается Алазанской долины, то в XVI в., по словам автора, она была процветающим регионом. Отношения с дагестанскими горцами у населения шелководческих районов были сугубо мирными, в особенности в Кахетии. Населенный пункт Зегем в работе Кырзыоглу иногда упоминается как *Zegem*. Автор отмечает, что Зегем (*Zegem*) был расположен в верховьях реки Алазани, вблизи Герема (*Gerem*) и являлся главным городом Кахетии ³.

Ссылаясь на архивные документы из фонда № 3147, Кырзыоглу пишет, что зимой 1520—1521 гг. шах собрал войско в Карабахе и напал на Кахетию, перейдя р. Алазань и Кабри, опустошил Зегем и Герем, а царь Леван выразил покорность шаху ⁴. То, что город Зегем являлся политическим центром Кахетии, сообщают и средневековые авторы. Так, в «Замечании о состоянии Персии», которое составил Дж. Дэкет во время своего путешествия, говорится, что «в 3 днях пути от Араша, лежит страна Грузия (*Grosin*), обитатели которой — христиане. Главный город этой страны Зегем (*Zeghaam*), оттуда ежегодно в Персию ввозится невероятное количество орехов одного и того же сорта с тонкой скорлупой» ⁵.

Говоря об этимологии названия Зегем, стоит упомянуть, что в грузинской историографии его связывают с аварским словом дзигъ-ам, что означает «кустарник ежевики» ⁶. Историографический материал и научные изыскания современных исследователей показывают, что еще в период царствования Левана, в середине XVI в., Кахетия и особенно ее восточная часть — Алазанская долина — была заселена представителями различных народов. По словам Ш.М. Хализова, Зегем являлся административным и торговым центром, в

котором помимо иберов (грузин), жили и «гагма-мхари», «эри-кахи» или «кахи»⁷.

Кырзыоглу считает, что в рассматриваемый период Кахетия не являлась в политическом отношении единым целым. По словам автора, в создавшейся ситуации обращение к Ирану для получения поддержки в борьбе с Османской империей или, наоборот, к Османской империи для борьбы с Ираном, было обычным явлением для грузинских правителей того периода. Шах Тахмасиб в период своего правления совершал неоднократные походы в Закавказье и Дагестан, продолжал вести борьбу с османами, которые стремились утвердить свою власть на Кавказе. В это время правитель Шеки Дарвиш Мухаммад, сын Ширванского правителя Хасан бека совершил внезапный поход против Сефевидов и нанес им удар⁸.

Эти сведения нашли отражение и в грузинских источниках. Так, Б. Вахушти отмечал: «...ширванцы посадили ханом Давриш-Махамада, сына Асанбега, и не подчинился он шаху Тамазу, затем шах послал войска в Ширван. Лета Христова 1548, вступил в Ширван и предложил Давриш-Махамаду покориться и обещал простить все его грехи. Однако тот не захотел и вновь напал на войско шаха Тамаза и Давриш-Махамад был побежден ими [персами] и бежавший укрылся в Гулистанскую крепость. И после не долго времени трудно стало Давриш-Махамаду и сбежал он из крепости»⁹.

Б. Дорн, ссылаясь на сочинение «Краткая история Шекинского ханства», отмечает, что шекинский правитель Хасан бек был сыном Гутула и провозглашен правителем Шеки иранским шахом. Как следует из турецких и грузинских источников, он являлся сыном Шекинского правителя Дарвиша Мухаммада¹⁰.

В середине XVI в. в состав Сефевидского государства вошли Шеки и Восточная Кахетия. По словам Кырзыоглу, царь Леван, будучи вассалом шаха, не скрывал своих симпатий к османскому султану Сулейману Кануни, и через своего письмоводителя Абдусалама «просил у Сулеймана Кануни помощи в борьбе против кизилбашов»¹¹.

Отметим еще один факт: уже в 60—70-х гг. XVI в. политическая борьба между османами и сефевидами за покорение территории современного Азербайджана и Восточной Грузии привела к тому, что в регионе появились проирански настроенные жители. Среди них был Ади Куркулу бек. В конечном итоге было создано Цахурское владение, превратившееся впоследствии в Элисуйское султанство.

В «Актах Кавказской археографической комиссии» приводятся 35 фирманов, выданных Сефевидским двором на имя Цахурских владетелей (в последующем и Элисуйского султанства). Самый ранний датируется 1562 годом. В этом фирмане шахского двора говорится о предоставлении земель к западу от современного Шеки в управление Цахурскому правителю Ади-Куркулу беку: «...Так как сей владетель состоит в числе преданнейших нам слуг, то в ознаменование монаршей нашей к нему милости повелеваем, в царстве Грузинском не имел прикосновения к землям, подведомственным тому владетелю, и остерегались бы его жалоб и неудовольствия на них. Господин Грузинский владетель Левенд-хан должен иметь бдительное наблюдение за исполнением сего нашего повеления»¹².

Из этого документа видно, что территория будущего Элисуйского султанства в середине XVI в. не имела отношения к Кахетии, испытывая серьезное давление как со стороны иранских и османских правителей, так и горцев — «возмутителей спокойствия». По этому поводу Б.Г. Алиев писал: «Противостоять натиску сильных держав — Ирана или Турции — естественно у Цахурского владетеля не было сил»¹³. Помимо цахурских правителей, в результате походов, организованных шахом Исмаилом, а в последующем и шахом Тахмасибом, цари Кахетии, Картли и других регионов Южного Кавказа признали вассальную зависимость от сефевидов.

Резюмируя, хочется отметить, что в своем труде Кырзыоглу дает информацию о событиях позднего средневековья в Восточном Закавказье, которое в рассматриваемый период являлось ареной битв сефевидов и османов. К концу XVI в. бесконечные войны с османами привели к экономическому и политическому кризису в государстве Сефевидов. Шах Аббас I, с целью восстановления былой мощи государства, в самом конце XVI столетия заключил договор с османами, по которому почти все Восточное Закавказье, за исключением южных регионов современного Азербайджана и района Ардебилля, подпало под власть султана. Сферой влияния Турции был признан и Дагестан.

Примечания

1. KIRZIOGLU F. Osmanliların Kafkas-ellerinin fethi (1451—1590). Turk tarih kurumu basimevi. Ankara. 1993. (КЫРЗЫОГЛУ Ф. Завоевание Кавказа османами (на турецком яз.). 1451—1590. Анкара. 1993).
2. Ibid., s. 216.
3. Ibid., s. 123.
4. Ibid., s. 125—127.
5. Цит. по: Путешественники об Азербайджане. Т. I. Баку. 1961, с. 478.
6. ДЖАВАХАШВИЛИ И.А. Историко-этнологические проблемы Передней Азии, Ближнего востока, Кавказа. — Вестник древней истории. 1934, № 4, с. 210.
7. ХАПИЗОВ Ш.М. Из истории средневекового города Загеми/Базари. — Вестник Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. 2011, вып. 43, с. 45.
8. KIRZIOGLU F. Op. cit., s. 131.
9. ВАХУШТИ Б. История царства Грузинского. Тбилиси. 1976, с. 216.
10. Цит. по: МУСЕВИ Т.М. Средневековые персоязычные документы по истории Азербайджана. Баку. 1977, с. 99.
11. KIRZIOGLU F. Op. cit., s. 236—247.
12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II. Тифлис. 1866—1904, с. 1085.
13. АЛИЕВ Б.Г., УМАХАНОВ М.-С.К. Дагестан в XV—XVI вв. (вопросы исторической географии). Махачкала. 2004, с. 303.

Арабские источники по средневековой истории Дагестана

М.А. Гизбулаев

Аннотация. В работе обсуждаются основные аспекты жизни и творчества Абу' Аббас Ахмад ибн Йахйа ибн Джабир ал-Балазури (ум. 279/893), знатока мусульманской истории, арабской литературы, который первым среди арабских историков последовательно изложил в жанре футух историю завоеваний мусульман с начала времен хиджры до правления аббасидского халифа ал-Му'тазз. Кроме того, в публикации впервые выполнено сопоставление сведений ал-Балазури и сочинения ат-Табари «Та'рих ат-Табари».

Ключевые слова: ал-Балазури, история Дагестана, арабская рукопись, футух, Халифат.

Abstract. The work is devoted to the examination of the historical events which took place in Dagestan in the 7th — 8th century during the reign of khulafa ar-Rashudun and the Umayyad governors in the Eastern Caucasus in the Arabic historical source Kitab futuh al-budan by al-Balathuri. He was a Muslim historian and expert in Arabic literature lived in Baghdad. The publication is based on the content analysis of the most popular written work in the Arabic literary genre, known as futuhat. It provides a thorough description of the Arabic manuscript, analyses its thematic content using comparative approach with the Tarikh at-Tabari.

Key words: al-Balathuri, history of Dagestan, Arabic manuscript, Futuh, Caliphate.

Исторические сочинения на арабском языке содержат весьма ценную информацию по социально-экономической, культурной и политической истории народов Дагестана. Цель данной работы — освещение сведений по истории Дагестана VII—VIII вв. на основе выдержек из сочинения «Китаб футух ал-булдан». В исследовании используется Каирское издание 1957 г., подготовленное египетским историком Салахудином ал-Мунджидом.

Гизбулаев Магомед Андалавмагомедович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: awariyav@gmail.com.

Gizbulaev Magomed A. — candidate of historical sciences, researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: awariyav@gmail.com.

Из дошедших до нас исторических материалов самый ранний труд после сочинения Халифы ибн Хаййата (ум. 240/855), в котором содержатся сведения о Дагестане, — это сочинение ал-Балазури. Следует отметить, что почти одновременно с Халифой ибн Хаййатом работал историк ал-Мада'ини (135/752—215/830), собиравший сведения на рубеже VIII—IX веков. К сожалению, сочинения ал-Мада'ини, которые использовал ал-Балазури, до нас не дошли.

Арабская историография — оригинальное явление. В ее основе лежат два периода: доисламская историческая традиция — интерес к истории древней Аравии (свод исторических легенд, племенные предания в стихотворной и прозаической формах) и исламская историческая традиция — интерес к истории жизни и деяний пророка Мухаммада, великих завоеваний, всеобщей истории.

Со временем в фонд исторических сведений стали поступать рассказы, выполненные в стиле футух. Особенность этой фиксации исторической информации состоит в том, что происходившие несколькими десятилетиями ранее события записывались со слов современников и потомков завоевателей.

Одним из тех, кто в своих сочинениях использовал направление футух, был Абу 'Аббас Ахмад ибн Йахйа ибн Джабир ал-Балазури (ум. 279/893) — крупнейший мусульманский историк, поэт и переводчик третьего века хиджры, родившийся и выросший в Багдаде. Точная дата его появления на свет в источниках не указана.

Ал-Балазури учился у известных ученых Ирака а также Сирии, куда он совершил традиционное для его времени путешествие в поисках знаний. Среди его учителей были Хавза ибн Халифа, 'Абдуллах ибн Салих, Абу 'Убайда, 'Али ибн Мухаммад ал-Мада'ини, Ибн Са'д и др. Источники упоминают ал-Балазури в числе приближенных аббасидских халифов ал-Мутаваккила (847—861), ал-Муста'ина (862—866) и ал-Му'тазза (866—869) ¹. Он являлся автором нескольких исторических и географических сочинений, из которых на сегодняшний день сохранились два — «Китаб футух ал-булдан» («Книга стран») и «Китаб ансаб ал-ашраф» («Родословная благородных»). Труды ал-Балазури были широко использованы более поздними авторами. Он лично объехал большинство завоеванных областей, собирая сведения непосредственно на местах у историков, представителей власти и потомков завоевателей.

Сочинение ал-Балазури «Китаб ансаб ал-ашраф» в данном исследовании не было использовано, поскольку в нем нет сведений о Дагестане.

«Китаб футух ал-булдан» является историей мусульманских военных походов и находится в прямой связи с более ранними «книгами походов» (магази). Сочинение охватывает очень большой промежуток времени — с 622 по 869 г. (последний из халифов, упоминаемый ал-Балазури, — ал-Му'тазз — был убит в 869 г.). Книга состоит из 90 глав, каждая из которых содержит рассказ о завоевании отдельной страны, местности или посвящена какому-нибудь культурно-историческому событию времени образования Халифата. Повествование отличается хронологической последовательностью изложения материала. Обилие приводимых сведений придает сочинению особую ценность, позволяя легко в нем ориентироваться. Оно содержит бо-

гатый фактический материал по средневековой истории Дагестана. Так, в главе «Завоевание Армении» встречаются исторические сведения о Баб ал-Абвабе, Сарире, Семендере, Лакзе.

Ал-Балазури иногда называет имена тех, от кого он получил сведения. Так, например, данные по истории Восточного Кавказа ему предоставили Мухаммад ибн Исмаил ал-Бард'аи, Абу Бара ибн Бахр ал-Армани, Бармак ибн 'Абдуллах ал-Дабили, Мухаммад ибн ал-Махайс ал-Халлати. Если же конкретного источника информации нет, он пишет: «рассказали», «рассказывают», «говорит» и т.д.

Впервые сочинение «Китаб футух ал-булдан» было введено в научный оборот в XIX в. голландским востоковедом М.Я. де Гуйе, издававшим его в виде монографии в трех частях с предисловием, именным, географическим указателями и примечаниями. В 1916—1924 гг. оно было переведено на английский язык Ф. Хитти и Ф. Марготтенном; в 1917—1923 гг. — на немецкий язык О. Ришером; вторую часть сочинения в 1926 г. перевел на персидский язык А. Азарнуш; на русский язык впервые фрагменты о завоевании Палестины были переведены Н.А. Медниковым в 1897 году.

Известен полный перевод главы об Армении и Азербайджане сочинения ал-Балазури, выполненный П.К. Жузе² по изданию, подготовленному де Гуйе, которое уже устарело. Работу ал-Балазури широко использовал в своих исследованиях А.Р. Шихсаидов.

События, описанные в сочинении ал-Балазури о Дагестане, упоминаются и в труде ат-Табари. В связи с этим, представляет интерес сопоставление сведений, взятых из произведения ал-Балазури «Китаб футух ал-булдан»³ (глава «Завоевание Армении и Азербайджана»), и отрывков из работы ат-Табари, сообщающих о Дагестане⁴.

Первые упоминания, касающиеся Дагестана, у ал-Балазури — это сведения о Баб ал-Абвабе, Сарире⁵ и других политических образованиях региона. Они относятся к VI в., когда государство Сасанидов переживало период своего наибольшего политического могущества, сопряженного с реформами административного и военного порядка, которые были проведены правительством Хосрова I Ануширвана (531—579). В этот период Ануширван был не прочь распространить свою экспансию на районы Кавказских гор, о чем и сообщается в тексте:

«...И признал [как вассальную власть] Ануширван правителей [гор] по их титулам, предоставив каждому из них шахство над отдельной областью. Среди них: хакан⁶ горы, а он Сахив ас-Сарир и называется он Вахрарзаншах⁷; малик Филана, а он филаншах⁸; табасараншах⁹; малик ал-Лакза с титулом джуршаншах¹⁰; малик Маската¹¹, владение которого позднее было упразднено; малик Лайзан, а он лайзаншах¹² (в тексте лайраншах. — *М.Г.*); малик Ширван, а он ширваншах¹³; Сахив Бухха и Зирикаран¹⁴»¹⁵.

Ануширван утвердил вассальных правителей Дагестана и заключил «... с ними мирный договор на условиях выплаты подати...»¹⁶

Таким образом, в «Китаб футух ал-булдан» была зафиксирована разнообразная социальная терминология. Например, определение «малик» означает «царь», но в первые века ислама оно прилагалось преимущественно к немусульманским правителям¹⁷. Ат-Табари также употреблял термин «малики гор», подразумевая под ним всех дагестанских правителей, а когда речь шла о правителе Сарира, писал «сахиб».

Далее по тексту следуют сведения, относящиеся к периоду правления халифа 'Усмана ибн 'Аффана (644—656), который приказал Салману ибн Раби'а ¹⁸ возглавить наступление войск на города Аррана ¹⁹ (Байлакан, Барда'а и др.). Отсюда, после заключения с местными владетелями мирного договора на условиях выплаты подати, Салман двинулся к Дагестану, о чем сообщается в тексте: «... Такой же мирный договор с ним заключили и остальные владетели гор и жители Маската, Шабирана ²⁰ и ал-Баба» ²¹. Далее говорится, что «к северу от ал-Баба, за р. Баланджар произошло кровопролитное сражение, в котором хазары атаковали и разбили почти весь четырехтысячный отряд мусульман, убив их предводителя Салмана ибн Раби'а» ²².

Ал-Балазури указывает источник информации — жители Барда'а — но не сообщает, что сведения относятся к 29/650 г., когда, по сведениям Халифа ибн Хайята, погиб Салман ибн Раби'а ²³. Однако, судя по сообщениям ат-Табари, вместо Салмана был убит его брат 'Абдурахман ибн Раби'а в 32/653 году ²⁴. Согласно ал-Балазури, после смерти Салмана халиф 'Усман назначил правителем Арминии Хабиба ибн Масламы (ум. 42/663), который позже был заменен халифом на Хузайфа ибн ал-Йамана ал-Аббаси.

Следующие исторические сведения относятся к событиям, произошедшим после того, как омейядский халиф Йазид ибн 'Абдулмалик (720—724) ²⁵ назначил наместником Арминии Джарраха ибн 'Абдуллаха ал-Хаками ²⁶: «... Джаррах [со своим отрядом] переправился через р. Куру, и продолжал двигаться вперед пока не пересек реку, известную как Самур. Отсюда он двинулся на хазарское войско, которое было почти полностью истреблено. Ему, также, пришлось сражаться с жителями Хамрина ²⁷ (в тексте Хамзин. — *М.Г.*). Это заставило их заключить с ним мирный договор, по которому они переселялись в Хайзан (в тексте Джайзан. — *М.Г.*)» ²⁸. Далее следуют сведения о том, как Джаррах «совершил поход в земли Гумика (Кумух. — *М.Г.*) и увел в плен местных жителей. Дальше продвигаться он не стал ²⁹. Затем он прибыл в Шеки (Нухи. — *М.Г.*), а его войско отошли к Барда'а и Байлакан (города в Арране. — *М.Г.*), чтобы там перезимовать» ³⁰.

Ал-Балазури не сообщает, что события относятся к 104/723 году. Именно в этом году, по сведениям ат-Табари, Джаррах стал наместником Арминии, начал захватывать прилегавшие к Баланджару крепости и уводить в плен местных жителей ³¹.

На этом завоевательные походы мусульманских полководцев в Дагестан не закончились. Следующее указание в «Китаб футух ал-булдан» — это сведения о том, как войска под командованием Масламы ибн 'Абдулмалика ³², вновь назначенного правителем Арминии (731—734), перешли в наступление на хазар и повторно завоевали Восточный Кавказ. В это время Маслама принимал региональных правителей, желавших заключить с ним перемирие: «...И прибыли к нему (Масламе, который с лагерем располагался недалеко от самого города Дербента. — *М.Г.*) владетели гор, чтобы заключить мирный договор: и ширваншах, и лайраншах, и табарсараншах, и филаншах, и джуршаншах, и сахиб Маскат. Затем он повел наступление на город Баб и завоевал его. А там, в городской крепости, которая была взята с использованием камнеметных машин и отравлением воды в источни-

ке, находилось 1000 человек, вместе с их семьями, из хазар, которые ночью вышли из города, убегая...»³³ Эти сведения не встречаются у ат-Табари.

Несмотря на полный разгром хазарского гарнизона в Дербенте, Маслама все же предпринял шаги, чтобы укрепиться в городе и таким образом, обезопасить его и сопредельные с ним районы от новых хазарских набегов. Вследствие этого им были «переселены вместе с семьями в город Баб ал-Абваб 24 тыс. человек из Сирии, обязавшись выдавать им жалованье. Он приказал соорудить хранилища для продуктов, ячменя, оружия»³⁴.

В «Китаб футух ал-булдан» ал-Балазури показывает не только процесс заселения арабами территории Дагестана, но и активную роль дагестанцев в событиях международного значения. Так, во время военного похода знаменитого мусульманского завоевателя Кавказа Марвана ибн Мухаммада³⁵ в 737 г. на территорию хазар «он разделил свое войско на две части. Во главе одной он поставил Усайда ибн Зафира ас-Сулами, который двинулся на хазар через Баб ал-Абваб. С этим войском соединились добровольцы (дагестанцы. — *М.Г.*) во главе «царей гор» с области Баб аб-Абваба. Сам же Марван шел через Баб ал-Алан (Дарьяльское ущелье. — *М.Г.*) и, выйдя [на Хазарию], двинулся на сакалибов (славян. — *М.Г.*)»³⁶. Эти сведения интересны тем, что еще раз подтверждают факт участия правителей Дагестана на стороне мусульман в их противостоянии завоеваниям хазар.

Согласно ал-Балазури, «... хакан [после своего поражения] публично объявил о своем решении принять Ислам. Вскоре после этого Марван поселил часть хазар между Самуром и Шабираном, на равнине, в земле Лакза»³⁷.

Далее следуют сведения о том, как Марван после нанесения поражения хазарам вел успешные военные действия против дагестанских политических образований и занял там ряд крепостей. Вследствие этого «правитель Сарира покорился Марвану и заключил с ним мирный договор, согласно которому: приводить 500 юношей и 500 красивых девушек каждый год, и доставлять 100 тыс. муdd зерна в Баб ал-Абваб, и взял с него заложников»³⁸.

Данные о завоевании Сарира у ал-Балазури подтверждаются также словами ат-Табари, который писал: «Он (сахиб Сарир. — *М.Г.*) повиновался Марвану на [условии уплаты] джизьи ежегодно 1000 душ, и взял от владельца заложников...»³⁹

Такой же договор Марван заключил и с жителями Туман, но со значительно меньшим размером подати: «приводить 50 служанок, 50 юношей, 50 красивых девушек, и доставлять 20 тыс. муdd зерна каждый год»⁴⁰, в то время как малик Зирикарана, согласно договору, должен был «приводить 50 юношей и 10 тыс. муdd зерна каждый год».

Затем Марван пришел в земли Хамрина (в тексте Хамзина. — *М.Г.*), где местные жители отказались заключить с ним мирный договор. За это мусульманский полководец осаждал, разорял их крепости и занял их и спустя месяц. Согласно договору, они должны были «приводить 500 душ и 30 тыс. муdd зерна одновременно с освобождением от доставок впредь в Баб ал-Абваб»⁴¹. Эти сведения у ат-Табари не встречаются.

После этого Марван предпринимал многочисленные походы и занял Сандан (Шандан), владетель которого должен был, согласно договору, «представить в один прием 100 душ, и доставлять 5 тыс. муdd зерна в Баб ал-Абваб каждый год; и овладел Табасараном, жители которого должны были доставлять 10 тыс. муdd зерна в Баб ал-Абваб каждый год»⁴².

Из текста можно понять, что Марван ничего не потребовал от филаншаха — «за его заботливость, проявленную твердость и лояльность»⁴³, а также от жителей некоей крепости на территории Лакза.

Данные о завоевании вышеперечисленных дагестанских политических образований у ал-Балазури подтверждаются также Халифой ибн Хаййатом в его историческом труде «Та'рих Халифа ибн Хаййат», где эти события датируются 121/739 годом.

Последние сведения об интересующем нас регионе ал-Балазури приводит при упоминании пути, на котором, следуя из Лакза, «Марван развернул военные действия против сахиб [правителя] Ширвана, владетель которого должен был на условиях заключенного договора: доставлять 10 тыс. муdd зерна [в Баб ал-Абваб] каждый год»⁴⁴.

Далее идет рассказ о том, как Марван сообщил местным владетелям, что «во время наступления мусульманских войск против хазар Сахиб Ширван со своим войском должен был находиться в авангарде, филаншах должен был находиться рядом с ними (Марваном и его войском. — *М.Г.*) при походе, табасараншах должен был находиться в тылу при их (мусульман. — *М.Г.*) наступлении, а во время их отступления, то они (табасараншах и ширваншах с войсками. — *М.Г.*) должны были быть в авангарде на линии фронта. А после этого он (Марван. — *М.Г.*) вторгся на территорию Дуданийа⁴⁵, где ему пришлось вступить в бой с местными жителями. В это время до Марвана дошла новость о смерти Халифа (Валида ибн Йазида (ум. 744 г.). — *М.Г.*)⁴⁶ и он удалился в Дамаск...»⁴⁷ Источник сведений не указан. Эти данные у ат-Табари не встречаются.

Между временем написания «Китаб футух ал-булдан» и последним сообщением — по крайней мере, 120—130 лет. Значит, ал-Балазури использовал информацию ал-Мада'ини, а более поздних данных сам добавить не смог.

В сведениях о Дагестане у ал-Балазури видна определенная непосредственность в описании исторических событий и недостаточная четкость в датировке. Эти недостатки можно восполнить, используя сочинения других авторов, например, ат-Табари, который сообщает о тех же событиях. Так, у ал-Балазури захват мусульманами крепостей Туманшаха связан с именем Марвана, а у ат-Табари — с походом Исхака ибн Муслима ал-Укайли и датируется 121/739 годом⁴⁸.

Сочинение ал-Балазури «Китаб футух ал-булдан» в определенном смысле закрыло тему завоеваний в арабской историографии. Позднее историки использовали эти материалы, не пытаясь обращаться к более ранним источникам.

Таким образом, для изучения средневековой истории Дагестана сведения арабских авторов представляют особую ценность и заслуживают дальнейшего углубленного изучения.

Примечания

1. ЗАХАБИ МУХАММАД Б. АХМАД Б. УСМАН АД-ЗАХАБИ. Сийар алам ал-нуба-ла. В 25 т. Бейрут. 2001, с. 163.
2. ЖУЗЕ П.К. Балодзори «Книга завоевания стран». В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку. 1927, с. 5—22.
3. АЛ-БАЛАЗУРИ, Китаб Футух ал-булдан. Т. 1. Каир. 1957.
4. ШИХСАИДОВ А.Р. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала. 2008.
5. БЕЙЛИС В.М. Из истории Дагестана VI—XI вв. (Сарир). В кн.: Исторические записки. Т. 73. М. 1963, с. 252—257.
6. Хакан — царский титул, появившийся в Северо-Восточной Азии у народов тюркского племени, существовал у хазар.
7. Вахрарзаншах (от пер. «царь вепрей») — царский титул владетеля Сарира. Исходя из сведений средневековых арабских авторов, можно сделать вывод, что Сарир был по масштабам Кавказа крупным владением, объединявшим целый ряд дагестано-нахских народов.
8. Филаншах (от араб. «царь слона») — царский титул владетеля Филана. Сведения о локализации дагестанского Филана противоречивы.
9. Ныне Табасаран — историческая область в юго-восточной части Дагестана, территория по долине р. Рубас.
10. Джуршаншах — титул правителя Лакз, земли которого охватывали территорию Южного Дагестана, на которой проживали лезгины, агулы, цахуры, рутулы, а также отчасти аварцы.
11. Маскат — историческая область на северо-востоке современного Азербайджана и юго-востоке современного Дагестана, вдоль западного берега Каспийского моря. Названа по имени населявших ее примерно с I в. до н.э. по VII в. н.э. массагетов.
12. Политическое образование Лайзан (пос. Лагич в современном Азербайджане).
13. Ширваншах — титул правителей государства, созданного в пределах исторической области Ширван.
14. Сахиб Зирикаран (от перс. Зурубкаран — кольчужные мастера) — титул правителя Зирикаран (политическое образование, локализующееся в пределах территории, на которую позже распространилось влияние Кубачи).
15. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., т. 1., с. 233.
16. Там же.
17. ШИХСАИДОВ А.Р. Ук. соч., с. 68.
18. Салман ибн Раби'а — сподвижник пророка Мухаммада. До своего прибытия на Кавказ он был утвержден халифом 'Умаром в звании судьи в Куфе.
19. ЕРЕМЯН С.И. Экономика и социальный строй Албании III—VII вв. В кн.: Очерки истории СССР. III—IX вв. М. 1958, с. 303—310.
20. Шабиран — древний город, развалины которого находятся в 25 км к юго-востоку от г. Кубы.
21. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 240.
22. Там же.
23. ХАЛИФ ибн ХАЙЙАТ. Тарих. Бейрут. 1993, с. 118.
24. ШИХСАИДОВ А.Р. Ук. соч., с. 199.
25. АКВАР ШАН. History of Islam. Vol. 2. Darussalam. 2001.
26. Джаррах ибн 'Абдуллаха ал-Хаками (уб. 730) — известный командующий Омейядской армией на Восточном Кавказе.
27. Речь идет о хазарской крепости Хамрин в районе совр. Гамри-озень и с. Утамыш. Каякентский район. Дагестан.
28. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 243.
29. Джаррах, после того как занял Гумик, не стал продолжать наступление, не желая рисковать своим отрядом и опасаясь, очевидно, наступления зимы, а также неизвестности, которая могла ожидать мусульманские войска в других местностях Дагестана, и принял решение вернуться обратно в резиденцию.
30. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 243.

31. ШИХСАИДОВ А.Р. Ук. соч., с. 201.
32. Маслама ибн 'Абдулмалик (ум. 738) — Омейядский правитель Восточного Кавказа, а также известный командующий мусульманской армией.
33. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 244.
34. Там же.
35. Марван ибн Мухаммад — известный командующий мусульманской армией и последний халиф (744—750) из династии Омейядов.
36. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 244.
37. Там же.
38. Там же.
39. ШИХСАИДОВ А.Р. Ук. соч., с. 204.
40. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 244.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же, с. 246.
45. МАГОМЕДОВ Д.М. Исторические сведения о дидойцах. — Вопросы истории Дагестана (досоветский период). 1975, № 2, с. 95—99. Слово Дуданийя тождественно груз. Дидо — современное самоназвание аварского субэтноса Цунтал.
46. BLANKINSHIP КН.У. The End of Jihad State: The Reign of Hisham ibn Abdulmalik and the Collapse of the Umayyads. State University of New York. 1992.
47. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 246.
48. ШИХСАИДОВ А.Р. Ук. соч., с. 204.

Религиозное влияние Соловецкого монастыря на Руси во второй половине XV—XVI в.

А.Г. Мельник

Аннотация. В работе впервые рассмотрен феномен религиозного влияния Соловецкого монастыря во второй половине XV—XVI веке. Комплексный анализ различных источников показал следующее. Влияние этого монастыря на протяжении указанного периода неуклонно расширялось. В последние три десятилетия XVI в. его приверженцы проживали в большинстве городов и селений Русского Севера, а также в городах и монастырях остальной части страны. Тогда Соловецкий монастырь обрел статус одной из самых влиятельных религиозных организаций России.

Ключевые слова: Россия, XV—XVI вв., Соловецкий монастырь, религиозное влияние.

Abstract. In the paper the phenomenon of religious influence of the Solovetsky Monastery for the first time during the second half of the 15th-16th century was considered. A comprehensive analysis of various sources showed the following. The influence of this monastery throughout this period has been steadily expanding. In the last three decades of the 16th century, the adherents of the monastery lived in most towns and villages of the Russian North and in cities and monasteries of the rest of the country. Then the Solovetsky Monastery acquired the status of one of the most influential religious organizations in Russia.

Key words: Russia, 15th—16th century, Solovetsky monastery, religious influence.

Известно, что монастыри пользовались значительным религиозным влиянием или, иначе говоря, обладали большим авторитетом в религиозной сфере на Руси в XV—XVI веках. Однако конкретные черты данного исторического явления остаются практически не изученными. В частности, это касается размеров ареалов влияния отдельных обитателей: не ясно, в каких социальных слоях утвердился их религиозный авторитет. Что же может указывать на масштабы влияния определенного монастыря?

В первую очередь, это свидетельства источников о местах проживания его приверженцев. В самом деле, если удастся определить

Мельник Александр Гаврилович — кандидат исторических наук, заведующий отделом Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». E-mail: rost-vest@rambler.ru.

Melnik Alexander G. — candidate of historical sciences, head of department of the State museum-reserve «Rostov Kremlin». E-mail: rost-vest@rambler.ru.

большую часть тех населенных пунктов, в которых жили люди, как-либо почитавшие определенный монастырь, то возможно примерно очертить ареал его религиозного влияния. Соответственно, если будет установлена социальная принадлежность упомянутых людей, то выяснится, в каких общественных слоях укоренился авторитет этой обители.

Решение данных вопросов относительно большинства русских монастырей принадлежит будущему. В предлагаемой же работе принята попытка определения степени религиозного влияния Соловецкой обители во второй половине XV—XVI веке. Выбор именно этого монастыря обусловлен наличием редкого по полноте состава связанных с ним документов, которые позволяют решить поставленную задачу. Речь, в первую очередь, идет об актах, описях и приходо-расходных книгах 1571—1600 гг. Соловецкого монастыря (ПРК). Следует также иметь в виду, что его почитание было теснейшим образом связано с культом соловецких святых Зосимы и Савватия. Наиболее явным выражением высокого признания этого культа, а значит, и религиозной роли Соловецкой обители являлось строительство и последующее функционирование церквей, посвященных названному преподобным. Для установления мест расположения таких храмов будут использованы летописи, акты и писцовые книги.

Известно, что люди второй половины XV—XVI в. свою приверженность к названному монастырю выражали посредством пожертвования ему различных материальных ценностей — таких, как земля, села и деревни, движимое и недвижимое имущество, драгоценные предметы и, конечно, деньги.

Наиболее ранние свидетельства о местах проживания этих жертвователей содержатся в актах второй половины XV в., согласно которым, в то время приверженцами Соловецкого монастыря были московский великий князь Иван III, новгородские архиепископы, некоторые жители Новгорода и селений земель, прилегающих к Белому морю ¹. По свидетельству актов XVI в., большинство таких приверженцев проживало в различных селениях Русского Севера ², а также в городах Городецке ³, Каргополе ⁴, Москве ⁵, Новгороде ⁶, Соли Вычегодской (Сольвычегодске) ⁷ и Холмогорах ⁸.

Описи Соловецкого монастыря 1582 и 1597 гг. среди жертвователей этой обители называют царей Ивана Грозного и Фёдора Иоанновича, бояр Г.В. Годунова и Д.И. Годунова, князей Ф.М. Трубецкого и П.М. Щенятева, княгинь В. Курлятеву и А. Щенятеву, дьяков Б. Дементьева и В.Я. Щелкалова, игумена Феодосия Вяжицкого и митрополичьего подьяка И. Кафтанникова ⁹.

Можно также выяснить, в каких центрах возникли церкви, посвященные Зосиме и Савватию Соловецким.

Закладка первого известного такого храма зафиксирована летописью в Новгороде под 1540 г.: «Того же году, июля въ 6 день, обложили церковь каменную съ трапезою у Андрея апостола на Щитной улице, придель святыхъ и преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватия чудотворцевъ» ¹⁰.

В литературе бытует известие о существовании в 1544 г. на посаде Каргополя (входившего в Новгородскую епархию) церкви Зосимы и Савватия Соловецких, на месте которой и сейчас стоит одноименный храм 1814—1816 годов ¹¹.

В Новгородской епархии, в селе Кересть Водской пятины, между 1540 и 1570 гг. возник придельный храм Зосимы и Савватия ¹².

По заказу бывшего игумена Соловецкого монастыря московского митрополита Филиппа Колычева на архиерейском дворе в Московском Кремле между 1566 и 1568 гг. была сооружена церковь Зосимы и Савватия ¹³.

На посаде г. Казани, по сведениям писцовой книги 1565—1568 гг., существовала церковь «Николы чудотворца да в приделе Зосима и Савватия, поставление стрелецкого атамана Ляпуна» ¹⁴. Разумеется, цитируемый документ не указывает прямо на время строительства этой церкви, но ясно, что она возникла между завоеванием Казани в 1552 г. и окончанием составления названной книги в 1568 году.

Писцовая книга 1567—1569 гг. сообщает, что в Ярославском уезде, в вотчине боярина князя Ивана Фёдоровича Мстиславского, в селе Окинфовском имелась церковь Зосимы и Савватия Соловецких ¹⁵. С наибольшей вероятностью, она была сооружена по заказу самого князя, о чем косвенно свидетельствует следующее. Мстиславский унаследовал названное село, очевидно, вскоре после смерти своего отца, последовавшей 30 июня 1540 года ¹⁶. Маловероятно, что до того здесь, как и вообще в средней полосе России, могла появиться церковь Зосимы и Савватия. Мстиславский свое почитание этих святых и Соловецкой обители выразил ее богомольным посещением в 1585 г., кроме того, пожертвовал ей большие денежные суммы ¹⁷. Он же в клятвенной записи о верности царю Ивану Грозному, данной в 1571 г., среди «великих» избранных русских святых, стоявших на страже интересов этого государя, назвал Зосиму и Савватия ¹⁸. Таким образом, в случае князя Мстиславского существует хорошо документированный пример приверженности представителя высшей знати к Соловецкому монастырю.

В 1574 г. была основана Зосимо-Савватиевская пустынь, то есть небольшой монастырь, к северу от Великого Устюга ¹⁹.

В Вологде актами зафиксировано наличие в 1583 г. церкви Зосимы и Савватия ²⁰.

Согласно выписи из писцовых книг 1587—1588 гг., в селе Страшевичи Ильинское Ржевского уезда была «теплая церковь Воскресенье Христово, да предел Изосима и Сава Соловецких чудотворцов, без пенья, ветхая. А в церкви [обра]зы и свечи, и книги, и ризы, и колокола, и все церковное строение старого вотчинника Офонасья Сабур[о]ва» ²¹.

Церковь Зосимы и Савватия существовала в 1589 г. в Никольском Тетюшском монастыре в Казанской земле ²².

В разделе ПРК, относящемся к 1595 г., записано: «Дано от двух антиминов 4 гривны на Устюг Великий к Чудотворцом соловецким» ²³. Согласно ПРК, между 1597 и 1598 гг. соловецкий «старец Кирьяк велел дати на Устюг к Николе Чудотворцу да Соловецким чудотворцам Изосиме и Саватею на церковное строенье денег три рубли» ²⁴. Эти свидетельства можно трактовать как то, что в конце XVI в. Соловецкий монастырь способствовал созданию церкви во имя своих святых в Устюге.

Между 1596 и 1597 гг. упоминается церковь Зосимы и Савватия в Подвинье или на Двине (Северная Двина) ²⁵.

Дозорная книга Хлыновского Успенского монастыря 1601 г. сообщает: «На Вятке в Хлынове городе монастырь, стал в 86 (1577—1578) году, а в нем храм соборной во имя Успения Пречистые Богородицы, деревян, круглой о шти приделех и о шти верхах, сооружение мирское всех Вятских пяти городов, а в нем придел Рождества Пречистые Богородицы, придел Ивана Богослова, придел Василья Кесарийского, придел Соловецких чудотворцев Зосимы и Саватия, придел Христовы мученицы Екатерины»²⁶.

Таким образом, в середине XVI в. и преимущественно во второй половине этого столетия церкви Зосимы и Савватия возникли в городах Вологде, Казани, Каргополе, Москве, Новгороде, Устюге; в монастырях Никольском Тетюшском, Хлыновском Успенском, Зосимо-Савватиевой пустыни; в селении на Северной Двине, а также в селах Водской пятины, Ржевского и Ярославского уездов, то есть на севере, в центре и некоторых других регионах страны. Это были городские приходские, монастырские и сельские храмы, а также церковь на митрополичьем дворе. По прямым и косвенным указаниям источников, заказчиками данных храмов являлись московский митрополит, представители знати, монашества, служилых людей, горожан и северного крестьянства.

Приведенные данные о распространении церквей Зосимы и Савватия пунктирно обозначают историю расширения влияния Соловецкого монастыря. Первые такие храмы возникали около середины XVI в. в Новгородской епархии, в которую входила названная обитель, а затем во второй половине столетия они стали создаваться и в других местах России.

В русле указанной тенденции, первый монастырь в Сибири, основанный в 1601 г. около Тобольска, носил название Зосимо-Савватиевского²⁷.

Следует помнить, что писцовые описания по большинству русских городов и сел XVI в. до нас не дошли. Поэтому приведенные выше данные о местах расположения церквей Зосимы и Савватия, вероятно, не полны. В какой-то мере их могут восполнить соответствующие описания, составленные вскоре после Смуты в 1610 — начале 1630-х гг., и летопись. Согласно этим источникам, приходские храмы, посвященные названным соловецким подвижникам, находились в городах Белоозере²⁸, Кашине²⁹, Москве (Китай-город)³⁰, Нижнем Новгороде³¹, Переяславле-Рязанском (ныне Рязань)³², Ростове³³, Слободском³⁴, Суздале³⁵, Холмогорах³⁶; в селах и погостах Арзамасского³⁷, Костромского³⁸, Котельничского³⁹, Можайского⁴⁰, Московского⁴¹ и Ростовского⁴² уездов. Возможно, какая-то часть этих церквей возникла еще в XVI веке. Во всяком случае, во всех названных городах в данном столетии в большем или меньшем количестве жили приверженцы Соловецкого монастыря.

Если бы были доступны только упомянутые выше акты и описи, то общая картина религиозного влияния Соловецкого монастыря в России XVI в. была бы ограниченной, поскольку такими документами фиксировались лишь наиболее крупные пожертвования в пользу обители, которых не могло быть слишком много. Скорее всего, и сведения о храмах Зосимы и Савватия, построенных в XVI в., также дошли до нас далеко не во всей полноте.

Как выясняется, неизмеримо большее количество людей делало монастырю денежные и другие пожертвования, отмечавшиеся в ПРК ⁴³.

Для избранной темы особенно ценно, что в ПРК прямо или чаще косвенно указаны места проживания вкладчиков. Например, жителей городов обозначали как «белозерец» ⁴⁴, «вологжанин» ⁴⁵, «звенигородец» ⁴⁶, «каргополец» ⁴⁷, «колмогорец» ⁴⁸, «костромитин» ⁴⁹, «москвитин» ⁵⁰, «новгородец» ⁵¹, «новоторжец» ⁵², «ростовец» ⁵³, «суздалец» ⁵⁴, «тверитин» ⁵⁵, «угличанин» ⁵⁶, «устюжанин» ⁵⁷, «ярославец» ⁵⁸ и т.п. Жителей сел и деревень, то есть крестьян, обычно определяли по названиям этих населенных пунктов, либо по названиям местностей, в которых они обитали. В ПРК фигурируют жители многочисленных селений Русского Севера с такими, например, определениями, как «андомец» ⁵⁹, «важанин» ⁶⁰, «виремец» ⁶¹, «выгозерец» ⁶², «двинянин» ⁶³, «золотичанин» ⁶⁴, «кандалакшанин» ⁶⁵, «кевролец» ⁶⁶, «кижанин» ⁶⁷, «колежемец» ⁶⁸, «космозерец» ⁶⁹, «ненокшанин» ⁷⁰, «нюхчанин» ⁷¹, «онешанин» ⁷², «сумлянин» ⁷³, «толвуянин» ⁷⁴, «шунжанин» ⁷⁵, «шюерчанин» ⁷⁶.

В ПРК обычно довольно определенно обозначены социальная принадлежность вкладчиков и то, для чего они делали свои вклады. Делая пожертвования, люди рассчитывали, что монахи обители будут молить Бога за них и их умерших родственников. В частности, имена жертвователя и его близких требовалось внести в синодик, что означало регулярное вознесение монахами молитв за них к Богу. Монастырю платили также за возжигание свечей, кутью и сорокоусты по умершим людям, за похороны некоторых из них на монастырском кладбище. Обычным делом был заказ людьми молебнов в обители. Приезжавшие в монастырь на богомолье оставляли деньги у гробниц местных святых Зосимы и Савватия в расчете, что они будут ходатайствовать за них перед Богом.

Согласно ПРК, приверженцы Соловецкого монастыря обитали во многих селениях Русского Севера (586—681) и большинстве северных городов: Белоозере ⁷⁷, Вологде ⁷⁸, Каргополе ⁷⁹, Слободском ⁸⁰, Соли Камской ⁸¹, Соли Вычегодской ⁸², Тотьме ⁸³, Великом Устюге ⁸⁴, Устюжне Железнопольской ⁸⁵, Холмогорах ⁸⁶, Шенкурске ⁸⁷.

Читая в ПРК многочисленные имена северных крестьян и названия селений и местностей, в которых они жили, а также имена обитателей северных городов, невозможно отделаться от мысли, что большая часть населения Русского Севера в последней трети XVI в. в той или иной форме почитала Соловецкий монастырь.

Приверженцы Соловецкого монастыря в то время жили в большом числе городов остальной страны. Это — Алексин ⁸⁸, Астрахань ⁸⁹, Вязьма ⁹⁰, Галич ⁹¹, Звенигород ⁹², Ивангород ⁹³, Казань ⁹⁴, Кашин ⁹⁵, Кашира ⁹⁶, Кострома ⁹⁷, Лихвин ⁹⁸, Москва ⁹⁹, Муром ¹⁰⁰, Новгород ¹⁰¹, Осташков ¹⁰², Переславль-Залесский ¹⁰³, Переславль-Рязанский ¹⁰⁴, Псков ¹⁰⁵, Ржев ¹⁰⁶, Ростов ¹⁰⁷, Смоленск ¹⁰⁸, Старица ¹⁰⁹, Суздаль ¹¹⁰, Тверь ¹¹¹, Торжок ¹¹², Углич ¹¹³, Шацк ¹¹⁴, Ярославль ¹¹⁵.

Жертвователями Соловецкой обители, а значит ее почитателями, являлись насельники многих других русских монастырей — таких, как Александро-Свирский ¹¹⁶, Валаамский ¹¹⁷, Деревяницкий Воскресенский новгородский ¹¹⁸, Иоанно-Богословский на Ваге ¹¹⁹, Кандалакшский Кокуев ¹²⁰, Кирилло-Белозерский ¹²¹, Коневский новго-

родский ¹²², Макарьев Колязин ¹²³, Московский Андроников ¹²⁴, Никольский Вяжищский ¹²⁵, Никольский Розважский новгородский ¹²⁶, Новгородский Пантелеев ¹²⁷, Новоспасский московский ¹²⁸, Пантелеионов новгородский ¹²⁹, Палеостровский ¹³⁰, Печенгский ¹³¹, Савво-Вишерский новгородский ¹³², Снетогорский ¹³³, Спасо-Каргопольский ¹³⁴, Троице-Сергиев ¹³⁵, Троицкий Телегов ¹³⁶, Устюжский Архангельский ¹³⁷, Шунгский Никольский ¹³⁸, а также пустыни — Васьянова в Каргополе ¹³⁹ и Ворбозомская ¹⁴⁰.

Среди приверженцев Соловецкого монастыря в ПРК фигурируют обитатели дальних окраин Русского государства: казаки — донские ¹⁴¹, сибирские ¹⁴², бетютцкий, то есть битюгский ¹⁴³, казанские вольские ¹⁴⁴.

Между тем, в ПРК мало данных о почитателях Соловецкой обители, проживавших в селах и деревнях Средней России и других сельских поселениях, расположенных за пределами Русского Севера.

Судя по приведенным выше данным из ПРК, среди русских городов самым большим числом живших в них приверженцев Соловецкого монастыря отличались Белоозеро, Вологда, Каргополь, Москва, Новгород, Сольвычегодск, Тверь, Устюг и Холмогоры. Во всех этих городах, кроме Сольвычегодска и Твери, было зафиксировано наличие в XVI или начале XVII в. церковей Зосимы и Савватия. Значит, прослеживается взаимозависимость между числом упомянутых приверженцев в определенном городе и наличием в нем церкви соловецких святых. Эту взаимозависимость можно представить в виде двух возможных вариантов. Либо созданная по чьей-либо индивидуальной инициативе церковей Зосимы и Савватия способствовала увеличению почитателей Соловецкой обители в определенном городе, либо возросшее число таких почитателей в городском сообществе в конце концов приводило к созданию по их заказу храма упомянутых подвижников благочестия.

ПРК демонстрируют, что Соловецкий монастырь был тесно связан в религиозном плане с высшей государственной властью. Цари Иван Грозный и Фёдор Иоаннович делали в эту обитель большие денежные вклады по умершим родственникам ¹⁴⁵, присылали милостыню ее насельникам ¹⁴⁶, заказывали службы по умершим членам царствующего дома ¹⁴⁷. Царь Иван Грозный жаловал деньги «по опальным» ¹⁴⁸. В свою очередь, представители Соловецкого монастыря ездили к царю со святой водой и другими сакральными предметами ¹⁴⁹.

Кроме московских государей, по сведениям ПРК, приверженцами Соловецкого монастыря были представители чуть ли не всех социальных слоев тогдашней России: высшей знати, то есть бояр и князей ¹⁵⁰, дворян ¹⁵¹, детей боярских ¹⁵², дьяков и подьячих ¹⁵³ московских и других стрельцов, горожан, северного крестьянства ¹⁵⁴, казачества, монашества других обителей ¹⁵⁵, приходского городского ¹⁵⁶ и сельского духовенства ¹⁵⁷.

Таким образом, комплексный анализ источников показал, что религиозное влияние Соловецкого монастыря в течение рассмотренного периода неуклонно расширялось и охватило в последних трех десятилетиях XVI в. большинство жителей Русского Севера, а также существенную часть обитателей многих городов и монастырей остальной части страны. Эта обитель, по крайней мере в 1570—1590-е гг., принадлежала к числу самых влиятельных религиозных организаций России.

Примечания

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л. 1949, с. 151—155, 242, 246—247, 273—274, 296—301, 306—308, 310—313; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. Л. 1988, с. 16—18, 19, 23. (Акты 1479—1571 гг.)
2. Акты 1479—1571 гг., с. 23—24, 27, 28, 32—34, 37—38, 42, 45, 47, 52, 62, 64—65, 69, 73, 84—85, 91—92, 95, 100, 105, 115—117, 120, 139—140, 142, 145, 175—176, 178, 188—189, 198, 203, 220—221, 225, 227—236, 238—242, 244, 246, 250—251; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг. Л. 1990, с. 7, 10, 11, 13, 14—15, 26, 39, 45, 55—57, 64, 80, 83, 87, 105—106, 125, 148—149, 156—157, 165, 167, 172, 179, 181. (Акты 1572—1584 гг.)
3. Акты 1479—1571 гг., с. 147.
4. Акты 1572—1584 гг., с. 8, 62.
5. Там же, с. 82, 141.
6. Акты 1479—1571 гг., с. 79, 191; Акты 1572—1584 гг., с. 5.
7. Акты 1572—1584 гг., с. 50, 158.
8. Акты 1479—1571 гг., с. 171.
9. Описи Соловецкого монастыря XVI века. СПб. 2003, с. 109—110, 135, 147, 153, 161—162, 164—165.
10. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 3. СПб. 1841, с. 249.
11. Каргополь. Л. 1970, с. 9.
12. СЕЛИН А.А. Посвящения сельских церквей XVI—XVIII вв. Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Опыт исследования и сравнительный анализ. — Уваровские чтения-V. Муром. 2003, с. 154.
13. ЛОБАКОВА И.А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб. 2006, с. 151; Памятники архитектуры Москвы. М. 1982, с. 340.
14. Материалы по истории народов СССР. Вып. 2. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. Л. 1932, с. 20.
15. Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века. Вотчинные земли. СПб. 1999, с. 43.
16. ЗИМИН А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М. 1988, с. 128.
17. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря (ПРК). 1571—1600 гг. М.-СПб. 2013, с. 101, 272.
18. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М. 1813, с. 561—563.
19. ЗВЕРИНСКИЙ В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи (с библиографическим указателем). Кн. 3. СПб. 2005, с. 67.
20. Акты 1572—1584 гг., с. 208—212.
21. Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 3. М. 2002, с. 248.
22. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседних губерний, собранные С. Мельниковым. Т. 1. Казань. 1859, с. 6—7.
23. ПРК, с. 582.
24. Там же, с. 537.
25. Там же, с. 398, 414.
26. Дозорная книга Хлыновского Успенского монастыря, городского приказчика Ф'дора Резанцева, 7109 (1601) году. — Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. Вятка. 1901, с. 1.
27. ЗВЕРИНСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 67—68.
28. 1617/18 — Дозорная книга города Белоозера «письма и дозору» Г.И. Квашнина и подьячего П. Деменьтьева. — Белоозерье: Историко-литературный альманах. Вологда. 1994, с. 59—61.
29. ЗАВЬЯЛОВ И. Материалы для истории и археологии по городу Кашину. Тверь. 1901, с. 14—15.
30. ХОЛМОГОРОВЫ В.И. и Г.И. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей. М. 1884, стб. 357.

31. Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду. СПб. 1896, стб. 36.
32. Рязань. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М. 1884, с. 6.
33. «Жилые и пустые церкви» гор. Ростова, а также огородные, пахотные и сенокосные земли их в 1624-м г. — Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1895, стб. 676.
34. Материалы для истории г. Слободского и его уезда. Вятка. 1907, с. 8—9.
35. Писцовая книга города Суздаля 1617 года. — Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. 1. Владимир. 1875, стб. 261.
36. ПСРЛ. Т. 33. Л. 1977, с. 152, 171.
37. Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.). — Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). Кн. 1. М. 1916, с. 373.
38. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел 3 для Костромской и Плесской десятин. Вып. 5. М. 1912, с. 11, 51, 60, 84.
39. Исторические материалы. Писцовая книга города Котельнича писца Афанасья Топочанова и подьячего Андрея Иевлева тяглым дворам за справою городу Котельничу 137 (1629) года. — Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Вятка. 1909, с. 33.
40. ХОЛМОГОРОВЫ В. и Г. Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII ст. Вып. 10. Можайская десятина (Московского уезда). — ЧОИДР. Кн. 2. М. 1901, с. 231.
41. Там же. Вып. 4. Селецкая десятина (Московского уезда). — ЧОИДР. Кн. 3. М. 1885, с. 34.
42. ТИТОВ А.А. Церковные земли в Ростовском уезде XVII в. (По писцовым книгам 1629—1631 гг.). М. 1896, с. 40.
43. ПРК 1571—1600 гг., с. 101, 272.
44. Там же, с. 41.
45. Там же, с. 43.
46. Там же, с. 101.
47. Там же, с. 42.
48. Там же.
49. Там же, с. 101.
50. Там же, с. 57.
51. Там же, с. 101.
52. Там же, с. 73.
53. Там же, с. 170.
54. Там же, с. 167.
55. Там же, с. 132.
56. Там же, с. 170.
57. Там же, с. 59.
58. Там же, с. 103.
59. Там же, с. 391.
60. Там же, с. 73.
61. Там же, с. 47.
62. Там же, с. 393.
63. Там же, с. 69.
64. Там же, с. 73.
65. Там же, с. 324.
66. Там же, с. 128.
67. Там же, с. 165.
68. Там же, с. 171.
69. Там же, с. 122.
70. Там же, с. 405.
71. Там же, с. 327.
72. Там же, с. 53.
73. Там же, с. 122.
74. Там же, с. 119.
75. Там же, с. 73.
76. Там же, с. 122.

77. Там же, с. 41, 59, 76, 105, 133.
78. Там же, с. 43, 47, 49, 61, 71, 76, 105, 118, 120, 123, 125, 152—153, 168—169, 209, 262, 298—299, 323, 326, 369.
79. Там же, с. 42, 47, 50—51, 53—55, 65, 70, 74, 102, 104—105, 107, 121, 124—125, 129, 135, 150, 152, 164, 236, 299, 301, 312, 324—325, 336, 362—363, 392, 399, 404.
80. Там же, с. 327, 412.
81. Там же, с. 164.
82. Там же, с. 47, 50—51, 59—61, 71—72, 100—101, 123, 126—128, 150, 154, 285, 299, 301, 555.
83. Там же, с. 59, 123—124, 216.
84. Там же, с. 47, 51, 53, 59—100, 127, 249.
85. Там же, с. 59—100, 127, 249.
86. Там же, с. 42, 47, 49, 75, 104, 124, 126, 128, 154, 170, 213, 249, 323, 426, 400.
87. Там же, с. 412.
88. Там же, с. 152.
89. Там же, с. 165—166.
90. Там же, с. 149.
91. Там же, с. 218, 531, 555, 560, 575.
92. Там же, с. 101.
93. Там же, с. 153, 225.
94. Там же, с. 236.
95. Там же, с. 263.
96. Там же, с. 367.
97. Там же, с. 101, 209, 370.
98. Там же, с. 575.
99. Там же, с. 57—58, 105, 116, 125, 154—155, 157, 169, 173, 249—250, 263, 390, 394, 403, 412, 531, 555, 573, 581.
100. Там же, с. 135.
101. Там же, с. 52, 54, 59—60, 62, 65—66, 76—77, 100—101, 121, 126, 132, 151, 154, 157—159, 164, 210, 212, 249—250, 253, 301, 314, 326, 332, 361, 369, 393, 396.
102. Там же, с. 151.
103. Там же, с. 250.
104. Там же, с. 108.
105. Там же, с. 100.
106. Там же, с. 369.
107. Там же, с. 170, 360.
108. Там же, с. 65, 104, 575.
109. Там же, с. 574.
110. Там же, с. 167.
111. Там же, с. 121, 129, 131, 216, 251, 263.
112. Там же, с. 72—73, 121.
113. Там же, с. 150, 164, 170.
114. Там же, с. 573, 575.
115. Там же, с. 103, 122—125.
116. Там же, с. 153, 232, 366, 423.
117. Там же, с. 40, 212.
118. Там же, с. 55, 415.
119. Там же, с. 231.
120. Там же, с. 393—394, 401.
121. Там же, с. 57.
122. Там же, с. 150.
123. Там же, с. 152.
124. Там же, с. 574.
125. Там же, с. 57, 65, 101, 105, 392.
126. Там же, с. 392.
127. Там же, с. 63.
128. Там же, с. 422.
129. Там же, с. 63.
130. Там же, с. 124, 156, 270, 324, 326, 333, 392, 426.

131. Там же, с. 59, 63.
132. Там же, с. 102.
133. Там же, с. 414.
134. Там же, с. 171.
135. Там же, с. 411, 422.
136. Там же, с. 126.
137. Там же, с. 71, 79, 149, 154, 170—171, 312, 416.
138. Там же, с. 400.
139. Там же, с. 368.
140. Там же, с. 408.
141. Там же, с. 332, 336, 573—575.
142. Там же, с. 406, 426.
143. Там же, с. 574.
144. Там же, с. 393.
145. Там же, с. 97, 574.
146. Там же, с. 172, 175.
147. Там же, с. 51, 65, 97, 175, 234, 262, 267.
148. Там же, с. 250, 483.
149. Там же, с. 184, 221.
150. Там же, с. 101, 252—253, 415, 422, 574.
151. Там же, с. 212, 239, 365, 372, 413.
152. Там же, с. 101, 169, 196, 328, 372, 396, 531, 555, 573, 575.
153. Там же, с. 43, 76, 154, 169, 212, 250, 393, 531.
154. Там же, с. 134—135, 150, 157, 422.
155. Там же, с. 573, 575.
156. Там же, с. 51, 116, 164, 185, 249, 285, 324, 400, 555.
157. Там же, с. 65—66, 73, 107, 119, 121, 124, 1128—129, 150, 165, 212, 313.

Конфессиональные школы конца XIX — начала XX в. в городах Дагестанской области

Д.М. Маламагомедов

Аннотация. На основе данных Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД) в работе освещаются вопросы контроля количества конфессиональных (христианских, армянских, еврейских и мусульманских) школ администрацией Военного губернатора Дагестанской области. Особое внимание уделяется количеству учащихся (мальчиков и девочек) в учебных заведениях, преподавательскому составу, образовательному цензу учителей и принятому за основу учебно-методическому комплексу. Автор акцентирует внимание на вопросах финансирования школ (в том числе за счет государственной казны).

Ключевые слова: Дагестанская область, Петровск, Темир-Хан-Шура, Дербент, конфессиональные школы, педагоги, учебники.

Abstract. Based on the data from the Dagestan Republic Central State Archives, the work exposes the control of the number of confessional (Christian, Armenian, Jewish and Muslim) schools by the Dagestan Region Military Governor's administration. Particular attention is paid in the article to the number of students (boys and girls) in educational institutions, the teaching staff, the educational qualification of teachers, and the educational and methodological complex adopted as a basis. The author also explores on the financing of schools (including financing from the state treasury).

Key words: Dagestan Region, Petrovsk, Temir-Khan-Shura, Derbent, confessional schools, teachers, textbooks.

После подавления антиколониального освободительного движения и окончательного присоединения Дагестана к России царская администрация стала вести по отношению к горцам лояльную политику, не устанавливая каких-либо ограничений для функционирования мусульманских школ (медресе). Вместе с тем областная военная администрация и начальники округов стремились осуществлять пристальный надзор за их деятельностью. Мусульманские школы рас-

Маламагомедов Джамалудин Муртазалиевич — младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: djamal-malamagomedov@rambler.ru.

Malamagomedov Djmaludin M. — junior researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS. Makhachkala. E-mail: djamal-malamagomedov@rambler.ru.

сма тривались как «рассадник фанатизма и религиозной нетерпимости». Руководитель Дагестанской области ¹ еще в 1869 г. в своем докладе писал следующее: «В примечетских школах и медресе кладутся семена религиозной нетерпимости и фанатизма и той непримиримой вражды, и ненависти к неверным, проявления которых в разных видах мы видели и, вероятно, еще увидим не раз в разных частях Кавказа» ².

Однако ограниченность архивного и статистического материала по данному вопросу не позволяла проследить динамику развития примечетских школ вплоть до 90-х годов XIX столетия. Предлагаемые в исследовании данные большей частью взяты из Государственного архива Республики Дагестан (далее ЦГА РД), где содержится огромное количество дореволюционных документов, авторами которых большей частью являются работники царской администрации Дагестанской области. Эти документы еще не изучены и не введены в научный оборот.

Царская администрация, учитывая, каким авторитетом и уважением пользуются грамотные, образованные горцы, и как за ними следует простой народ, решила взять данный вопрос под свой контроль. Именно с этой целью был образован специальный комитет (I отделение) при канцелярии Военного губернатора Дагестанской области ³. Занимавший эту должность генерал-лейтенант князь Николай Зурабович Чавчавадзе в 1894 г. направил во все округа области циркуляр о «предоставлении сведений об учебных заведениях в Дагестанской области». Повторный циркуляр появился в 1913 году. В сведениях, предоставляемых начальниками округов, основное внимание рекомендовалось уделять следующим вопросам: наименование округа; имена и фамилии преподавателей с обязательным указанием, где и когда они получили образование; сумма, отпускаемая на содержания училищ и школ; количество населения в округе или городе и его национальный состав.

Кроме того, в обязательном порядке в отчете должны были быть отражены подробные сведения о количестве учащихся в конфессиональных школах, функционировавших в том или ином городе или округе.

Известно, что в конце XIX в. Дагестанская область была разделена на 7 округов ⁴ и 3 городских управления ⁵. К концу 1894 г. их руководители должны были представить отчет Военному губернатору Дагестанской области относительно количества конфессиональных учебных заведений в округах с указанием подробных данных по вышеперечисленным пунктам. Однако многие из них не приводили никаких статистических данных не только о мусульманских, но и вообще о школах как таковых. Это можно было объяснить неспособностью властей на местах контролировать численность религиозных учебных заведений, так как школы открывались там, где появлялся тот или иной муалим (учитель) и могли неожиданно закрыться в связи с его уходом. Возможно именно по этой причине местные власти ограничивались констатацией существования или отсутствия подобных школ ⁶, иной раз предоставляя заведомо ложные сведения. Более или менее верные данные относительно конфессиональных школ, были сосредоточены в городских управлениях. Эти сведения и лежат в основе данного исследования.

Согласно данным петровской городской полиции Дагестанской области за 1894 г., в городе функционировали четыре конфессио-

нальные школы. Смотрителем (фактически руководителем) и учителем в петровской начальной городской школе ⁷, где обучалось 93 ученика, являлся титулярный советник ⁸ Георгий Георгиевич Болчевский. Он имел диплом об окончании Слуцкой гимназии ⁹ и являлся профессиональным педагогом. Школе город ежегодно выделял 800 рублей. Данные о других преподавателях и сотрудниках школы в документе не приводятся, возможно, из-за ее неофициального статуса и отсутствия лицензии на образовательную деятельность ¹⁰.

В петровской церковно-приходской школе с общим количеством учащихся 76 чел. (42 мальчика и 34 девочки) учителями работали Евстафий Петрович Бутомо и, скорее всего, его супруга Лидия Петровна. Оба они являлись педагогами, получившими образование и имевшими лицензию на ведение преподавательской деятельности. Е.П. Бутомо окончил соответствующие курсы в Могилёвской духовной семинарии, а Л.П. Бутомо — в Казанской профессиональной (педагогической) школе. Из государственной казны на содержание школы деньги не отчислялись. Школа содержалась, в основном, на средства, выделявшиеся церковью, и пожертвования прихожан ¹¹.

Другим, официально зарегистрированным в полицейском управлении города учебным заведением, была армянская церковная школа. Однако, как указывается в рапорте, из-за неимения средств на ее содержание и оплату преподавателей, обучение было временно приостановлено.

При местной синагоге функционировала еврейская частная школа, где обучалось всего 8 учащихся (6 мальчиков и 2 девочки). Ее организовал учитель Абрам Лознер ¹², получивший лишь домашнее образование. Школа содержалась на общественные средства и жертвования верующих.

По данным Дербентского городского полицейского управления ¹³, предоставленным Военному губернатору, в Дербенте в 1894 г. функционировало шесть учебных заведений.

В городском 3-классном училище обучались 129 мальчиков. Данные о девочках не приводятся. Преподавателем и инспектором (скорее управляющим) училища являлся Иосиф Мовинин Худесов, получивший образование в педагогическом институте, название которого не указано. Учителями «Закона Божьего» (видимо речь идет о религиозных предметах) состояли: православный священник Александр Оболенский; армянский — Опандериянц и мусульманский — Молла Фейзула. Православный и армянский священники обучались в духовной семинарии, а мусульманский имел только домашнее образование. Учителями других предметов ¹⁴ работали Марвий Виталов, Константин Газаров и Нестр Минабде. О них в документе сказано, что все они окончили педагогический институт. В учебной программе немаловажное значение придавали и физической подготовке учащихся. С этой целью в штат был введен учитель по гимнастике. Это был поручик Николай Юдин, получивший образование в юнкерском училище. На содержание училища в год из государственной казны отпускалось 4968 рублей. Можно предположить, что эти средства поступали из городских штрафных сумм.

Также в городе функционировало дербентское женское благотворительного общества училище, в котором обучалось 34 девочки. Здесь работала З.Н. Истомина, окончившая тифлисскую 2-ю Великой княгини Ольги Фёдоровны женскую гимназию¹⁵. На какие средства содержалось учебное заведение в документе не указано.

Что касается мусульманских школ (медресе), то в Дербенте их было пять, с общим числом учащихся 139 человек. Девочки, как и в других аналогичных мусульманских школах, в них не обучались. Эти школы содержались за счет пожертвований горожан, самих преподавателей и мулл. Все учителя получили лишь домашнее образование. Обучение было платным: каждый ученик вносил от 20 до 30 копеек.

Еврейских школ было всего семь и все они находились при синагогах. Общее количество учащихся в них составляло 149 чел. — все мальчики. Данные о девочках отсутствуют. Школы, как правило, содержались преподавателями-раввинами, имевшими только домашнее образование. Обучение в школах было платным и каждый учащийся в месяц платил от 25 до 40 копеек.

Не менее популярной являлась русская одноклассная церковно-приходская мужская и женская школа. Известно, что в ней обучался 21 мальчик, а данных о девочках нет. В школе преподавал дьякон Дербентский Громов-Задворный, который окончил Православный церковный институт. Он прибыл в Дербент в 1890 году. Заняв должность при городской церкви, он ходатайствовал перед начальством о разрешении открыть церковно-приходскую школу. Нужные средства были выделены коллежским ассессором Ф.Я. Радионовым, который и после открытия школы выделял ежегодно из своих средств определенную сумму на различные хозяйственные нужды¹⁶.

Подобная школа функционировала в Дербенте и при Армянской церкви, где обучалось 48 учеников (18 мальчиков и 30 девочек). В отличие от других немусульманских конфессиональных школ в армянских церковных школах обучалось больше девочек. С чем это было связано, остается загадкой. Старшим учителем в школе работал Акоп Кочарянц, выпускник шушинской семинарии. Скорее всего он и являлся ее организатором и директором. В учебную программу был включен и предмет рукоделие, который вела Кочарянц, выпускница тифлиского армянского училища «Гаяне»¹⁷. Еще одной особенностью армянской школы являлся тот факт, что на ее содержание ежегодно отпускалось 1100 рублей. От кого поступали эти деньги в документе не указано.

Что касается конфессиональных школ по Темир-Хан-Шуриному округу, то здесь дело обстояло следующим образом. Согласно данным Управления округа, представленным в канцелярию Военного губернатора Дагестанской области на 1894 г., там функционировали три вида учебных заведений:

1. Чир-Юртовское слободское одноклассное училище (41 ученик: 26 мальчиков и 15 девочек). Учительницей работала Софья Владимировна Рыдкина, окончившая курс в Полтавском институте благородных девиц¹⁸. Преподавателем «Закона Божьего» состоял священник Семён Сушевич, окончивший Волынскую духовную семинарию. В документе говорится, что на содержание училища в год

отпускалось 800 тыс. рублей. Вероятнее всего, это опечатка, и речь может идти о 1800 рублях.

2. При еврейской синагоге в Темир-Хан-Шуре была открыта еврейская школа, в которой обучалось 32 ученика (20 мальчиков и 12 девочек). Преподавателем указан местный раввин (имя не известно), получивший лишь домашнее образование. Школа содержалась за счет пожертвований местных жителей. Государство денег не выделяло.

3. В округе, преимущественно при мечетях, работали 72 сельские мусульманские школы (медресе). В них обучалось 897 учеников (724 мальчика и 173 девочки). В основном там изучали арабскую грамоту. Учителями являлись сельские мулы, получившие образование в таких же учебных заведениях. Средства на содержание школ со стороны государства не выделялись.

Подводя итог обзору работы конфессиональных школ, можно отметить, что данные о мусульманских школах в записях, относящихся к городским округам Дагестана, существенно разнятся. В начале документа указано, что там функционировало 72 школы, а в конце количество школ доходит до 74. Также разнятся данные и о количестве учеников. К примеру, в начале документа указано, что количество мальчиков, обучавшихся в школах, доходило до 724, а в конце речь идет о 770. Количество девочек в начале указано как 173, а в конце — 200.

Приведенные данные подтверждают вывод о неспособности местных органов власти контролировать количество открываемых и закрываемых мусульманских школ и обучавшихся в них детей.

Помимо данных Окружного управления, отдельные сведения о функционировавших школах дают и городские полицейские управления. По данным полиции Темир-Хан-Шуры¹⁹, в городе действовала одна православная церковно-приходская школа с 35 учениками мужского пола. Данные о количестве обучаемых девочек в документе не приводятся. Учителем Закона Божьего в школе был священник резервного батальона Павел Фелицин, который являлся выпускником Новгородской духовной семинарии. Учителем-предметником работал поручик того же батальона Владимир Дмитриевич Тугушев. Общее образование он получил в Ставропольской мужской гимназии²⁰. На какие средства существовала школа не указано, однако можно предположить, что за счет пожертвований прихожан.

Для сравнительного сопоставления показателей по конфессиональным школам, стоит привести данные о состоянии мусульманских образовательных центров (так называемых «новометодных» школ) функционировавших в городах Дагестанской области в 1913—1914 годах.

В октябре 1913 г. Отделение Духовных дел канцелярии наместника Его Императорского величества на Кавказе отправило Военному губернатору Дагестанской области²¹ указание с грифом «совершенно секретно». На основании этого указания, и в целях всестороннего изучения положения мусульманских «новометодных» школ, министр внутренних дел Дагестанской области просил сообщить следующие сведения²².

1. Когда и с чьего разрешения была открыта школа.
2. Какие именно предметы, и на каком языке в ней преподаются.
3. Какие приняты учебники, с указанием их наименования, автора, места и времени их издания.

4. Из кого состоит преподавательский состав. Работают ли кроме мулл в школах светские лица. Если таковые имеются, выяснить имеют ли они образовательный ценз и что именно преподают.

5. Существуют ли какие-либо учебные программы в школах.

6. Количество учащихся.

7. Не поступали ли к местным властям какие-либо неблагоприятные известия о той или иной школе или отдельных преподавателях. И если были такие случаи, выяснить в чем они именно провинились, и после были ли они (нарушения) основанием к возбуждению административного или уголовного преследования.

Более того, в директиве министр пояснял, что приведенный перечень необходимых данных не является исчерпывающим, и что, по усмотрению руководства губерний, свой отчет они в праве дополнить другими сведениями, которые могут послужить к наилучшему освещению положения дел.

На основании полученного указания, начальник Управления Темир-Хан-Шурина округа П.Г. Эмиров²³, с пометкой «срочно», направил Военному губернатору Дагестанской области рапорт с отчетом: «Доношу Вашему Превосходительству, что во вверенном мне округе, новометодных мектебе и медресе, наиболее заслуживающих внимания по числу учащихся или же пользующихся популярностью среди Магометан, не имеется»²⁴.

Что касается самого города Темир-Хан-Шура, то, согласно донесению МВД и городского полицмейстера²⁵, там на 1913 г. функционировали две мусульманские школы, имевшие по три отделения (христианское, иудейское и мусульманское) каждая. В рапорте также сообщалось о наличии в Темир-Хан-Шуре двух «новометодных» школ: русско-персидской «Меджидие» и русско-татарской — «Общество просвещения туземцев мусульман Дагестанской области».

Что касается школы «Меджидие», то она была учреждена с разрешения бывшего Военного губернатора Дагестанской области генерал-лейтенанта князя Чавчавадзе. Школа находилась под наблюдением местной администрации и содержалась на частные пожертвования местных персов. Помимо религиозных в школе преподавали и общеобразовательные предметы. Основным языком обучения был русский. На персидском языке вели занятия по азербайджанскому языку и мусульманскому вероучению.

В учебном процессе использовались следующие учебники: а) русский язык — учебники И.И. Дависа «Родной мир». Издание К.Г. Зихмана. Рига. 1912 г.²⁶ и П. Корханиди «Начальная хрестоматия с грамматикой». Тифлис. 1909 г.; б) арифметика — К.П. Арженикова²⁷ «Сборник арифметических задач и примеров»²⁸. Москва. Типография Наумова. 1912 г.; в) азербайджанский язык — «Родная речь». Ч. 1; «Татарская азбука азербайджанского наречия». Составитель А.О. Чернявский. Тифлис. Типография «Гейрат». 1908 г. и «Для чтения после азбуки». Составители Махмуд Бек-заде, Абдурахман Бек-заде, Ахунд-заде, Ага-заде, Талиб-заде и Эфенди-заде. Баку. Типография «Каспий» 1912 г.; г) основы мусульманской религии — «Закон божий». Составитель — законоучитель Бакинского шестиклассного училища Гаджи Мир-Ага Мир Махсун-заде. Баку. 1912 г.; Учение о шариате. Составитель Ахунд Юсуф Талиб-заде. Типография «Каспий». 1908 год.

Занятия по русскому языку и арифметике вела мещанка Ольга Кононовна Чернышёва, окончившая шесть классов местной женской гимназии. Преподавателем азербайджанского наречия и мусульманского вероучения был персидский поданный, не имевший аттестата, Гусейн Гасан-заде, выпускник русско-персидской школы «Навруз» в г. Владикавказе ²⁹.

Принимали в школу мальчиков и девочек в возрасте 7—12 лет, и обучение велось по программе начальных одноклассных училищ. Успешно окончившие школу, большей частью мальчики, по согласованию с инспектором народных училищ Дагестанской области, для дальнейшего обучения направлялись в местное трехклассное городское училище. Всего в школе обучалось 36 учеников, из них 30 мальчиков и 6 девочек.

Другая, русско-татарская школа «Общества просвещения туземцев мусульман Дагестанской области», была открыта 10 октября 1905 г. на основании устава этого общества, утвержденного наместником Его Императорского Величества на Кавказе. Школа и общежитие при ней содержались на ежегодные взносы членов общества и пожертвования частных благотворителей. Плата за обучение приходящих учеников и проценты с капиталов находились под пристальным наблюдением правления общества, которое было создано для общественного контроля за деятельностью школы. Занятия по большинству предметов велись на русском языке: арифметика, русский язык, геометрия, русская история, естественная история, география и законоведение; на татарском языке проходили уроки татарского и арабского языков и мусульманского вероучения.

Занятия проводились на основе следующих учебников: а) русский язык — учебник И.С. Михеева «Первая, вторая и третья книги для обучения русскому языку в инородческих школах». Казань. Центральная типография. 1912 г.; учебное пособие И.И. Дависа «Элементарный курс практической русской грамматики для инородческих училищ». Рига. Издание К.Г. Зихмана. 1907 г.; б) арифметика — «Сборник арифметических задач и примеров для начальных народных училищ». Составитель К.П. Аржеников. Москва. 1912 г. Издание книжного магазина Наумова; в) история — С. Рождественский «Отечественная история в рассказах для низших училищ». С.Петербург. 1912 г.; геометрия — А.М. Астрябь «Наглядная геометрия для начальных училищ». С.Петербург. 1913 г.; г) естественная история — И.И. Трояновский «Природа и ее явления. Неорганический мир. Растения. Человек и животные. Сведения из физики». Изд. Товарищества И.Д. Сытина. Москва. 1913 г.; д) география — «Краткий курс географии России со сведениями из математической, физической и всеобщей географии». Составители А. Ступель и Е. Глов. Рига. 1911 г.; е) законоведение — «Букварь законоведения для начальных школ». Автор Н.И. Фальев — присяжный поверенный. Москва. 1912 г.; ж) татарский язык — «Татарская азбука», «Муаллим-Аввал» (Первый учитель). Составитель Ахмад Хаджи Махсудов. Казань. Типография Харитоновва. 1913 г.; з) мусульманское вероучение — «Закон Божий», «Акант Зубаир». Казань. Типография университета. 1910 г.; «Дуруси Нахавийа» — «Уроки грамматики». Имя составителя не указано. Типография М.М. Мавраева. Темир-Хан-Шура. 1907 г., и) арабский язык —

«Дурусу Шифахийя». Составитель Ахмад Хаджи Махсудов. Казань. Типография Харитоновна. 1908 год.

Преподавание в школах осуществлялось по общей программе для начальных училищ Министерства народного просвещения. Общеобразовательные предметы на русском языке вел Леонтий Иванович Симонов, окончивший педагогические курсы при Петровском городском Николаевском училище, а мусульманское вероучение и татарский язык — житель селения Гочоб Гунибского округа Магома Дибир-оглы, получивший образование в примечетских школах Дагестанской области и имевший свидетельство от Дагестанского народного суда на занятие должности сельского кадия ³⁰.

Детей в школу принимали в возрасте 8—12 лет. Всего обучался 91 ученик (62 мальчика и 29 девочек). Стремления со стороны учителей вести дело воспитания детей вразрез с интересами русской государственности не наблюдалось. На полях документа рукою старшего делопроизводителя ³¹ карандашом сделана приписка: «Неблагоприятных данных о направлении в отношениях тех или иных отдельных преподавателей не получено. Уголовных или административных преследований против них не возбуждено» ³².

Петровский полицмейстер ³³ в рапорте Военному губернатору Дагестанской области за 1913 г. о количестве мусульманских школ приводит следующие сведения: «В Петровске функционирует одно “Русско-Мусульманское имени Мелика Машади Бабаева мужское училище”, где проходят обучение 72 учащихся, все мальчики». Среди учащихся был «... 41 шиит и 31 суннит. Занимаются в училище по программе, установленной Министерством народного просвещения, предназначенной для начальных училищ. Учителей всего двое. Оба имеют право на преподавание мусульманского “Закона Божьего”. По национальности они оба русско-поданные и имеют звание “учителя народных начальных училищ”. Один из них аварец, а другой перс — русско-поданный. Училище содержится на средства частного благотворителя Мелика Мешади Бабаева» ³⁴. К сожалению, сведений о меценате найти не удалось. Ежегодно в училище поступали средства из доходов от недвижимого имущества завещателя Бабаева в размере 4200 рублей. Имущество, оцененное в 25 000 руб., и земля под ним площадью 880,50 кв. саженей принадлежали Министерству народного просвещения. Ему же принадлежало само здание училища, а земля под зданием площадью 400 кв. саженей принадлежала городу. От местного населения средства на содержание школы не поступали, так как она имела статус частного учебного заведения.

При мечети казанских татар также была открыта школа. В ней занималось 25 чел. (13 мальчиков и 12 девочек). Занятия проводил мулла — казанский татарин, русский поданный. Других учителей в школе не было. За обучение детей родители платили от 1 до 2 руб. в месяц ³⁵.

Дербентский городской полицмейстер ³⁶ приводит следующие данные о количестве мусульманских школ (медресе), функционировавших в Дербенте: «Во 2-м магале (городской квартал. — *Д.М.*), при суннитской мечети открыта школа, где детей обучают грамоте на арабском языке на дербентском (скорее здесь речь идет об азербайджанском или лезгинском языке) наречии. Подобные школы открываются

и закрываются по усмотрению самих мулл. Кроме Корана, в школах преподают учение «Закон Божий». Другие общеобразовательные предметы и учебники по ним в школе не имеются. Учителем состоит мулла, выходец из сел. Мугатыр Кайтагского-Табасаранского округа Наби Каримов. Программы никакой не существует. В школе обучаются 60 детей — 48 мальчиков и 12 девочек. Никаких неблагоприятных данных о направлениях школ и мулл не наблюдалось»³⁷.

Мусульманские школы обычно открывались в здании мечети или же в доме муллы. Согласно донесению городского полицмейстера, в 7-м магале, при главной («Джума») мечети функционировала школа со всеми вышеперечисленными атрибутами. Учителем был житель г. Дербента Мир Абуталиб Гаджи Мирза Мехти-оглы. Программы никакой не существовало. Количество учащихся — 41, все мальчики.

Школа в 6-м магале также работала при мечети. Учитель — житель города Дербент Молла Салих Мешади Мирза Кули-оглы. Обучались в школе 34 ученика, все мальчики; в 6-м магале, в доме одного из местных жителей Гаджи-Мирзы Гаджи Эсвади-оглы была открыта школа. Учителем работал житель города Дербент Молла Мамед Али Молла Алекпер-оглы. Количество учащихся 22, все мальчики; еще одна школа в 6-м магале находилась в доме жителя Амир Аслана Мамед Наги-оглы, где учителем работал житель города Дербента Мир Зейнал Абдин Мир Ибрагим-оглы. Здесь обучались 28 учащихся, все мальчики.

В 7-м магале, при маленькой мечети, была открыта еще одна школа. Учителем работал житель города Дербента Молла Талиб Молла Абас-Кули-оглы. Обучались в школе 38 учащихся, все мальчики³⁸.

Как бы резюмируя вышеизложенное, в конце своего рапорта дербентский полицмейстер привел следующие данные: «В мусульманских школах учителями состоят местные жители, не получившие никакого специального образования. Особых программ для преподавания в школах также не существует. Что касается мечетских школ (мадараса), то в них преподают муллы и сельские кадии. Последние получают особую подготовку и сдают экзамен на это звание при Дагестанском народном суде³⁹. Мечетские школы содержатся на средства, получаемые мечетями (в основном из пожертвований прихожан. — *Д.М.*), и обучение в них бесплатное. Остальные школы содержатся на средства, получаемые от платы за обучение, взимаемой с каждого ученика»⁴⁰.

Таким образом, можно констатировать, что в городах Дагестана в 1894—1913 гг. образование активно развивалось. Существовавшее мнение среди исследователей об отсутствии системы образования, и о том, что дети дагестанцев поголовно были неграмотными, не соответствует действительности. Школы были доступны всем, независимо от сословия, и большей частью (особенно мусульманские) были бесплатными.

Конечно в одном исследовании трудно представить всю полноту картины по всем горным округам. Это темы следующих исследований.

Примечания

1. Начальником Дагестанской области в 1869 г. был генерал-лейтенант князь Леван Иванович Меликов. Кавказский календарь (КК). 1869, с.128.
2. Отчет о состоянии Дагестанской области за 1869 год. Темир-Хан-Шура. 1869, с. 71.
3. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. 2, оп. 2, д. 119, л. 1—2.
4. Дагестанская область к 1894 г. была разделена на 7 округов: Аварский, Казикумухский, Даргинский, Кюринский, Самурский, Темир-Хан-Шуринский и Андийский.
5. Петровск, Дербент и Темир-Хан-Шура.
6. ЦГА РД, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 1, 4, 5.
7. В газете «Дагестанская правда» от 15.05.2008 автором Александром Дейнега указано, что школа была открыта только в 1898 году. Однако, согласно данным ЦГА РД, петровская начальная городская школа была открыта еще 1894 году.
8. Титулярный советник — гражданский чин IX класса. Слово «титулярный» здесь означает «номинальный» — уже не секретарь, но еще не полноправный советник, своего рода кандидат в советники.
9. В 1617 г. была открыта кальвинистская школа, которая в 1630-х гг. стала кальвинистской гимназией. С 1778 г., после завершения реформы, она стала называться публичным евангелистским училищем, с 1809 г. — публичным уездным училищем, а с 1868 г. получила статус государственной классической мужской гимназии. См.: ГЛЕБОВ И. Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617 до 1901 гг. Вильно. 1903.
10. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, д. 119, л. 17.
11. Там же, л. 18—19.
12. В Российской Еврейской энциклопедии указано, что при синагоге в Петровске работала школа с 9 учащимися, все мальчики. Раввином ашкеназов был Абрам Мовшович Лознер.
13. И.д. полицмейстера Дербентского городского полицейского управления в 1894 г. являлся ротмистр Михаил Семёнович Чекунов, а и.д. письмоводителя — Андрей Ильич Трубицын. КК. 1894, с. 158.
14. В документе не уточняется преподавателями каких дисциплин были перечисленные учителя.
15. Основана в 1878 году. КК. 1891.
16. Более подробно см.: <https://books.google.ru>.
17. Училище было названо в честь настоятельницы монастыря, раннехристианской армянской мученицы и святой Гаяне.
18. Полтавский Институт благородных девиц был основан в 1818 г. на средства дворян Полтавской губернии во время царствования Государя императора Александра I. Однако в Уставе женских учебных заведений ведомства Императрицы Марии годом открытия назван 1819. Устав женских учебных заведений ведомства Императрицы Марии 1855 г., с. 63.
19. В 1894 г. полицмейстером г. Темир-Хан-Шура был коллежский советник Василий Иванович Коломейцев.
20. Ставропольская классическая мужская гимназия была основана в 1837 году. Это российское среднее образовательное учебное заведение — одно из лучших в России XIX в., первая мужская гимназия на Северном Кавказе.
21. Военным губернатором Дагестанской области в 1913 г. являлся Сигизмунд Викторович Вольский.
22. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, д. 119, л. 2.
23. Во главе Темир-Хан-Шуринского округа 1913 г. был статский секретарь Пир-Али Гаджи-Гасан Эмиров, а обязанности делопроизводителя исполнял Николай Петрович Татарин. КК. 1913, с. 135.
24. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, д. 119, л. 2—3.
25. Полицмейстер, подполковник Михаил Михайлович Пепеляев. КК. 1913, с. 135.
26. ДАВИС И.И. Родной мир: Книга для обучения русскому языку по наглядно-практическому методу. Рига. 1922.

27. Аржеников Константин Петрович — русский педагог, методист по арифметике, работавший в Дагестанской области.
28. Полные выходные данные учебника: Сборник арифметических задач и примеров для начальных народных училищ. [Для 1—4 года обучения]. М.-П.-Х. 1918.
29. Первые сведения о персидской школе датируются 1902 годом. Школа была открыта для обучения детей, проживавших в г. Владикавказе по личному ходатайству и под ответственность вице-консула Персидского консульства Давид-хана.
30. Подробнее о нем см.: ДОНОГО Х., ДАХДУГАДЖИЕВ Д. Мухаммад-Кадидибиров (Карахский). На изломе веков. Махачкала. 2015.
31. Старший делопроизводитель Андрей Андреевич Смольский. КК. 1913, с. 135.
32. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, д. 119, л. 18.
33. Петровским полицмейстером в это время был подполковник Андрей Васильевич Волков, а и.д. письмоводителя — Дмитрий Артёмович Махонько. КК. 1914, с. 142.
34. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, д. 119, л. 21—23.
35. Там же, л. 24—25.
36. Исполняющим обязанности полицмейстера г. Дербент в 1914 г. являлся штабс-капитан Магомед Яраги Лачуев, а письмоводителем — Иван Иванович Иванов. КК. 1914, с. 142.
37. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, д. 119, л. 26—27.
38. Там же, л. 28—30.
39. Подробно об экзамене в Дагестанском народном суде на получение звания «народного учителя» см.: МУХАММАД-ТАХИР ал-КАРАХИ. Книга о значимости стремления улучшать свои деяния по мере сил. М. 2014, с. 42.
40. ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, д. 119, л. 43—44.

Историография Кавказской войны с дореволюционного времени до 1990-х гг.

Сонгвунг Квак, Сечжин Чжун

Аннотация. Дореволюционная российская историография Кавказской войны представлена, прежде всего, работами, носившими ярко выраженный имперский характер. В советской историографии Кавказской войны сам Шамиль и деятельность мюридизма оценивались порой с диаметрально-противоположных позиций. В подавляющем большинстве работ 1990-х гг. утверждается идея о национально-освободительном содержании движения горцев при заметном ослаблении внимания к классовым, антифеодальным моментам и постепенном изъятии из понятийного аппарата проблемы таких определений, как реакционная оболочка мюридизма.

Ключевые слова: Кавказская война, Северный Кавказ, имам Шамиль, Дагестан, мюридизм.

Abstract. Pre-revolutionary Russian historiography of the Caucasian War is represented, first of all, by works, which had a pronounced imperial character. In the Soviet historiography of the Caucasian War, Shamil himself and the activity of Muridism were sometimes assessed from diametrically opposite positions. In the vast majority of works in the 1990s, affirms the idea of a national liberation movement of the mountaineers with a noticeable weakening of attention to class, anti-feudal moments and the gradual withdrawal of the concept of the apparatus such as the reactionary shell of muridism.

Key word: Caucasian War, North Caucasus, imam Shamil, Dagestan, muridism.

Дореволюционная российская историография Кавказской войны носила имперский характер. Мюридизм в этих исследованиях рассматривался как завезенное извне учение, отличающееся фанатизмом, ненавистью и воинственностью. Проявление малейшего недовольства политикой царизма выдавалось за религиозный бунт, выступление против христианства¹. Особенно широко была распространена версия о преобладании «дикого», «хищнического» начала в социальном быте жителей горных районов Дагестана и Чечни.

В российской историографии существовало устойчивое предубеждение относительно мюридизма. Предполагалось, что он служил интересам иностранных держав — Османской империи, Ирана, других враждебных Российской империи государств. В качестве доказательства приводился следующий факт: одержав победу при Мендохе (1835 г.), Шамиль был пожалован турецким султаном званием «сердар-экрем», что соответствовало генералиссимусу в русской

Квак Сонгвунг — исследователь Университета Ханъянг. Республика Корея. E-mail: iyan778@hanmail.net; Чжун Сечжин — профессор Университета Ханъянг. Республика Корея. E-mail: jsjstar2@hanmail.net.

Kvak Songvung — researcher at the Hanyang University. Republic Korea. E-mail: iyan778@hanmail.net; *Jung Sejin* — professor at the Hanyang University. Republic Korea. E-mail: jsjstar2@hanmail.net.

армии. Некоторые российские авторы утверждали, что движение Шамиля не носило массового характера и сводилось к действиям «кучки бандитов»², а религиозные лидеры Северного Кавказа представляли в ряде работ как сектанты и даже вероотступники. Официальная историография мюридизма практически была единодушна в своих оценках движения — оно искусственно вызвано мусульманской религией, проповедующей непримиримую вражду к русским как к иноверцам.

Этой точке зрения можно противопоставить работы представителей демократического направления общественной мысли. Их оценки движения горцев и личности их вождя заметно отличались от мнения официальных историографов. Среди них — А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтова, А.А. Бестужев-Марлинский, Л.Н. Толстой, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский и др. Представители этого направления сочувствовали народам Кавказа и видели в борьбе горцев национально-освободительную войну против русского самодержавия. Добролюбов, Герцен, Чернышевский рассматривали Кавказскую войну в едином контексте социально-освободительного и антиколониального движения против русского правительства³.

Начало XX столетия в истории России было отмечено бурными событиями революционного движения. Активно включились в борьбу и окраины империи, в том числе Кавказ. Причины антиправительственных выступлений в этом регионе волновали общественность. Одни считали причиной подстрекательскую деятельность социал-демократических организаций промышленных центров края, другие — халатность местной администрации и чиновничества. В целом это вызывало необходимость переоценки взглядов на управление Кавказом⁴. Следует отметить, что одной из болевых точек российского общества начала XX в. была национальная проблема⁵. Литература либерального содержания характеризовала национальный вопрос исходя из идеи единства и автономии при объединении в рамках государства. Программный тезис о равенстве народов подразумевал всеобщее и равное избирательное право, свободу вероисповедания и культурного самоопределения, использование родного языка в судопроизводстве, школе, работе администрации.

В советской историографии Кавказской войны можно выделить несколько этапов: с 1920-х до середины 1940-х гг., с конца 1940-х до середины 1950-х и с середины 1950-х до конца 1980-х годов. На протяжении этого времени оценки деятельности Шамиля и роли мюридизма кардинально менялись.

В советской исторической литературе при оценке движения кавказских горцев имели хождение два противоположных мнения. Одни историки считали его прогрессивным, а Шамиля представляли великим демократом, борцом с пережитками старого и мудрым руководителем⁶. В то же время были авторы, придерживавшиеся иных взглядов.

Пионером в деле становления советской историографии по данному вопросу следует считать историка-марксиста М.Н. Покровского. В 1924 г. появилась его работы «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии»⁷. Национально-освободительной борьбе горцев против царизма была посвящена еще одна работа этого автора — «Завоевание Кавказа». Написанная еще до Октябрьской революции, она представляет собой первую в русской историографии попытку марксистского освещения данной проблемы. Покровский непосредственно связывал выступление горцев против царской России в XIX в. с политикой генерала Ермолова, командовавшего войсками на Кавказе с 1816 по 1826 год. Он считал, что государство, созданное Шамилем, было теократическим по форме: теократия являлась «идеологической оболочкой вполне реальной светской власти»⁸.

С этого времени Кавказскую войну стали рассматривать как национально-освободительную борьбу против колониального гнета царизма, соединенную с антифеодальным протестом против местной знати, поддерживаемой русским правительством.

В 1930-е гг. крупнейшие ученые страны — классики мирового востоковедения академики В.В. Бартольд и И.Ю. Крачковский, известный этнограф-кавказовед А.И. Генко, Покровский, Б.В. Скитский⁹ — работали над выявлением и изданием письменных источников по данной теме. Характерно, что все исследователи придавали большое значение движению Шамиля. Из работ кавказоведов в это время наиболее известными стали появившиеся в 1939 г. исследования С.К.

Бушуева и Р. М. Магомедова¹⁰. В них заметно положительное влияние традиций, заложенных Покровским. Авторы отмечали прогрессивный характер мюридизма. Но их подход не был оригинальным, в конкретно-концептуальных подходах они в основном заимствовали и развивали мысли предшественников. Во второй половине 1930-х гг. весьма актуально и многозначительно звучала такая характеристика Шамиля: «политический вождь, диктатор, которому событиями была предоставлена безграничная власть при демократическом строе, основанном на принципе абсолютного равенства»¹¹. В целом в работах второй половины 1930-х гг. резко усилились акценты на «антиколониальном», «освободительном», «справедливом» характере движения горцев¹².

К 1940-м гг. в советской исторической науке произошли существенные изменения. Покровский был подвергнут резкой критике, а его взгляды расценены как «антимарксистские». Первым проявлением нового подхода оказалось выступление Х. Г. Аджамяна «Об исторической сущности кавказского мюридизма» на проведенном в 1947 г. в Москве расширенном заседании сектора истории народов СССР Института истории АН СССР. Его доклад был поставлен на обсуждение, а итоги этого обсуждения опубликованы в журнале «Вопросы истории»¹³. Это была первая попытка кардинальной переоценки Кавказской войны.

Суть выступления Аджамяна сводилась к тому, что принятая в советской исторической науке безусловно положительная оценка движения горцев неверна. В своем докладе он встал на путь ревизии взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на Кавказскую войну и Шамиля, считая, что в их работах 1850—1860 гг. якобы была преувеличена реакционная роль царской России, а образ предводителя горцев под влиянием английской прессы идеализирован. Самого Шамиля Аджамян преподнес как личность, которая воплотила в себе исключительно реакционные черты. Он назвал его главой «махрово-реакционного течения воинствующего ислама», боровшимся против России. Движение мюридизма трактовалось как реакционное, феодально-религиозное сопротивление влиянию более передовой России. Отрицалась его антиколониальная и антифеодальная направленность на том основании, что горские общества жили в типичных патриархально-родовых условиях с их «первобытностью», «пристрастием к разбоям и грабёжам», любовью к «своей волчьей свободе». Длительное сопротивление Шамиля объяснялось внешней причиной — помощью Турции и Англии¹⁴. Движение кавказских горцев, с точки зрения Аджамяна, было реакционным еще и потому, что эта борьба ослабляла Россию, усиливала позиции антирусской коалиции, способствовала падению героического Севастополя в период Крымской войны. Позиция Аджамяна была подвергнута резкой критике всеми выступавшими как антинаучная и ничего общего не имевшая с исторической правдой¹⁵. Руководивший заседанием академик Н. М. Дружинин, подводя итоги дискуссии, сказал: «... остается в силе наша прежняя точка зрения: движение горцев Северо-Восточного Кавказа под руководством Шамиля является освободительным и прогрессивным»¹⁶.

Однако в апреле 1950 г. в теоретическом и политическом органе ВКП — журнале «Большевик» — появилась статья М. Д. Багирова. Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана озаглавил ее «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля»¹⁷. В ней полностью повторялись оценки, взятые из доклада Аджамяна: движение мюридизма изображалось как реакционное, националистическое, антирусское. Шамиля и других имамов Багиров называл ставленниками Османской империи и наймитами английских колонизаторов. Антиколониальная и антифеодальная направленность движения горцев отрицалась. Багиров писал, что Шамиль был вождем воинствующего, реакционно-клерикального мюридизма, не имевшего широкой опоры в обществе.

После публикации этой статьи в исторической литературе кавказское движение стали рассматривать как инспирированное и реакционное, а его руководители были объявлены ставленниками султанской Турции и агентами английских колонизаторов¹⁸.

Следует учитывать, что в советский период, когда «воинствующий атеизм» был неотъемлемой частью государственной идеологии, движения с религиозным содержанием неизменно изображались как реакционные, стоящие на пути прогресса. Поэтому движение мюридизма

преподносилось как реакционное¹⁹. Наиболее заметным в этом отношении был подготовленный группой работников Архивного управления Грузинской ССР сборник документальных материалов «Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов»²⁰. Точку зрения об инспирированности движения внешними силами поддержали и те, кто в свое время доказывал его прогрессивность²¹. Среди них был и Бушуев с книгой «Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России»²².

Его поддержал и А.В. Фадеев²³. Однако, по его мнению, под реакционной оболочкой мюридизма скрывался стихийный протест масс против феодального гнета и колониального произвола, поэтому в движении горцев принимали участие различные социальные группы, преследовавшие разные политические цели. Этой статьей в журнале «Вопросы истории» была открыта дискуссия, длившаяся в течение 1956—1957 годов.

А.М. Пикман, изучив вопрос освещения в российской литературе движения кавказских горцев под руководством Шамиля, отмечал грубую фальсификацию истории, начало которой было положено статьей Багирова. Пикман полагал, что критерием оценки всякого национального движения должно служить выяснение следующего факта: способствовало оно или нет освободительной борьбе трудящихся России и Западной Европы. Именно потому, что движение Шамиля, по его мнению, способствовало революции как на Западе, так и в России, ослабляя царизм, его следует рассматривать как прогрессивное²⁴. Пикман высказал мысль, что движение горцев содержало мощный антиколониальный протест, и, несмотря на ограниченность своей программы и ее религиозную оболочку, в целом было исторически прогрессивным²⁵.

Бушуев, Г.Д. Даниялов, Пикман, Покровский²⁶ считали, что, характеризуя мюридизм, необходимо отделять социальные мотивы этого движения как направленного против феодального и колониального гнета, от его идеологической, религиозной оболочки. Была отмечена недостаточная разработанность социально-экономических вопросов движения, а также тот факт, что строй имамата Шамиля изучен все еще очень слабо. Статья Пикмана подверглась резкой критике на страницах партийного издания «Коммунист»²⁷.

В этот период развернулась широкая дискуссия о Кавказской войне²⁸. Условно можно выделить два ее направления — «прошамилевское» и «антишамилевское»²⁹. Сторонниками первого направления были В.Г. Гаджиев, Пикман, Г.Д. Даниялов, А.Д. Даниялов, Х.Х. Рамазанов. Они подчеркивали «антиколониальную», «антисамодержавную» и «антифеодальную» сущность движения горцев и считали его безусловно «прогрессивным». (Следует отметить большую работу дагестанских советских историков — Р.М. Магомедова, Гаджиева, Г.Д. Даниялова, Рамазанова, Х.-М.О. Хашаева и др., исследовавших социально-экономические и политические предпосылки, характер и движущие силы освободительной войны народов Дагестана и Чечни против царизма. Их работы заложили методологический фундамент освещения проблемы еще в период правления И.В. Сталина, в тяжелое для советской исторической науки время.) Представители другого направления — Бушуев, Покровский, Фадеев — обращали внимание прежде всего на реакционную оболочку мюридизма, феодально-клерикальный характер движения горцев.

В изучении данной темы положительную роль сыграли махачкалинская и московская научные сессии историков 1956 года. Они восстановили легитимность сугубо научного подхода к изучению движения горцев на основе тщательного рассмотрения исторических фактов.

Поворотным пунктом в интерпретации движения мюридизма стал состоявшийся в феврале-марте 1956 г. XX съезд КПСС, открыто осудивший культ личности Сталина. В Махачкале в октябре 1956 г. прошла сессия Дагестанского филиала АН СССР³⁰. Участники сессии в своих докладах и выступлениях, основанных на анализе исторических источников, отвергли попытки объявить движение горцев реакционным, антинародным, инспирированным внешними силами. В решении сессии оно было определено как массовое, народное, антиколониальное. В то же время мюридизм был признан реакционным, поскольку он способствовал разжиганию религиозного фанатизма и ненависти к народам, исповедовавшим христианство. Дагестанская сессия историков признала, что «правдивая оценка движения горцев Северо-Восточного Кавказа

под руководством Шамиля может быть дана лишь после глубокого и всестороннего изучения социально-экономических и политических отношений, сложившихся в Дагестане к началу XIX века»³¹.

В декабре 1956 г. научную сессию провел Институт истории АН СССР в Москве. Ее участники пришли к похожим выводам³². Ученые решительно отвергли версию об агентурном характере мюридизма, о привнесении его идей извне. Было заявлено, что движение горцев выросло на социально-экономической почве Северо-Восточного Кавказа и являлось по сути освободительным. При этом подчеркивалось, что, несмотря на кавказские социально-политические истоки мюридизма, в нем наблюдается протурецкая ориентация. В 1959 г. был издан сборник документов «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х годах XIX века», а в последующие годы появился ряд исследований и коллективных трудов на данную тему.

Среди них были работы Н.А. Смирнова³³, Фадеева³⁴, Гаджиева³⁵. Книга «Мюридизм на Кавказе» составила заметную веху в исследовании национально-освободительного движения. Смирнов первым обратился к изучению мюридизма как теории и практики движения Шамиля, рассмотрел его как специфическое явление религиозной идеологии, в котором выразились интересы масс. Также были изданы работы, особенно ценные в плане изучения социально-экономического развития горского общества — труды Хашаева³⁶ и Магомедова³⁷. Необходимо также назвать статью А.Д. Даниялова «О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля»³⁸, в которой автор подробно, аргументировано и последовательно характеризует это движение как народное.

Однако с конца 1960-х гг. стал заметен спад исследовательского интереса к движению мюридизма, что находилось в прямой зависимости от начавшегося на рубеже 1960—1970 гг. так называемого периода застоя. В это время была сформулирована концепция добровольного вхождения Чечни и Ингушетии в состав России, проводилась мысль о реакционности антиколониальных движений, в частности, движения горцев 20—50-х гг. XIX века. Тем самым советской историографии навязывалась «новая концепция», коренным образом отличавшаяся от той, которая была выработана на научных форумах в 1956 году. Инициаторами выдвижения на первый план идеи «добровольного вхождения» выступили М.М. Блиев, В.Б. Виноградов, С.Ц. Умаров и другие ученые, а на исследование вопроса народно-освободительного движения горцев было наложено табу.

Проблема Кавказской войны является актуальной и в современной историографии. По сути новаторской можно назвать статью Блиева, в которой впервые концентрируется внимание на уяснении роли традиционных для высокогорной зоны вооруженных набегов за добычей и пленниками как «агрессивной формы» «собираания феодальной собственности». Автор подчеркивает, что на Северном Кавказе «население почти не знало проявления царского колониализма»³⁹. Он отрицает колониальный гнет в горных регионах Кавказа и заявляет, что у горцев существовала «набеговая система», действия же царских войск являлись вынужденными мерами самозащиты и обороны от их набегов. В журнале «История СССР» была помещена статья Блиева, в которой говорилось: «Вызывая постоянную военную напряженность на Кавказе, экспансия горцев уже во второй половине XVIII в. явно пришла в противоречие с политикой России на Кавказе»⁴⁰. На первый план исследователь вывел те условия, которые позволили ему считать события, охватившие часть Дагестана, Чечни, Черкесии, проявлением закономерных сдвигов, связанных с развитием дофеодальных отношений и генезисом феодализма⁴¹.

Вслед за Блиевым Виноградов написал, что «привычное употребление понятий “колониальная политика”, “колониальный режим”, “колониализм” в контексте исторической действительности нашего края в дореформенной, в докапиталистической еще эпохе вызывает сегодня всякие сомнения»⁴². Он утверждал, что действия царских войск имели оборонительный характер, а жестокости, применяемые к горцам, — это дело рук лишь отдельных военных деятелей, которые якобы превышали свои полномочия. Виноградов и Умаров писали о «новом прочтении» концепции народно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа (на деле повторявшем трактовку как официальной имперской, так и либеральной историографии о геантрополо-

гическом делении народов на «равнинных» и «горных», на «мирных» и «экспансивных»). Они интерпретировали горскую «систему экспансии» (вооруженные набеги за добычей и пленниками) как агрессивную форму собирания «феодальной собственности» и утверждали, что Блиев пришел к выводу о том, что «Кавказская война... явилась завершающим этапом системы экспансии, ее ужесточенной и высокоорганизованной формой»⁴³. В 1988 г., то есть через пять лет после статьи Блиева, тот же исторический журнал напечатал статью его оппонентов Б.Х. Ортобаева и Ф.В. Тотоева⁴⁴. Авторы выступили с обстоятельной критикой концепции Блиева и Виноградова. Они показали, что у горцев испокон веков была налаженная система автономного самообеспечивающегося хозяйства. И сами набеги появились как вынужденная форма сопротивления, и часто были вызваны разорением царскими войсками аулов⁴⁵. Ортобаев и Тотоев рассматривали историографический вопрос о соотношении народного, антиколониального характера движение Шамиля и прогрессивного значения присоединения Дагестана к Российскому государству. В.П. Невская констатировала, что «нельзя согласиться с мнением М.М. Блиева, который на первое место ставит военную функцию сельской общины, организацию набегов, считая ее более важной, чем хозяйственная. Это не только не подтверждается историческим и этнографическим материалом, но и противоречит ему»⁴⁶. Концепция Невской была поддержана также М.А. Абдуллаевым, А.И. Халиловым, Г.Г. Гамзатовым, Х.М. Ибрагимбейли⁴⁷.

В работах Ортобаева и Ибрагимбейли дается критическая оценка теории Блиева, Виноградова, Умарова, Ф.Ф. Нестрова, желавших представить Кавказскую войну как оборонительную со стороны царской России, и подчеркивается, что для нее эта война была колониальной, а со стороны горцев носила освободительный, антиколониальный и антифеодальный характер.

20—22 июня 1989 г. в Махачкале состоялась Всесоюзная научная конференция «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х гг. XIX века». В центре внимания участников конференции стояли такие проблемы, как роль идеологического фактора в движение горцев, движущие силы и характер их борьбы. Ряд докладов был посвящен анализу природы имамата Шамиля и его реформ, участию народов Кавказа в движении. Историки пришли к выводу, что «борьба горцев выражала интересы народов Дагестана, Чечни, Северо-Западного Кавказа, находила общенародную поддержку, носила освободительный характер»⁴⁸.

Ярким событием в постсоветской истории изучения Кавказской войны стала научная конференция в Краснодаре в мае 1994 года⁴⁹. На ней значительное место было уделено внешнеполитическим аспектам Кавказской войны. В подавляющем большинстве работ 1990-х гг. присутствовала идея о национально-освободительном содержании движения горцев при заметном ослаблении внимания к «классовым», «антифеодальным» моментам и постепенном изъятии из понятийного аппарата проблемы таких определений, как «реакционная оболочка» мюридизма⁵⁰.

Примечания

1. СМЕРНОВ Н.А. Мюридизм на Кавказе. М. 1963, с. 16.
2. ПИКМАН А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами. — Вопросы истории. 1956, № 3, с. 78.
3. ГАДЖИЕВ В.Г., ПИКМАН А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала. 1972.
4. ДАМЕННИЯ И.Х. Историография истории народов Кавказа. XIX — начало XX вв. СПб. 1996, с. 24.
5. КАВЕЛИН К.Д. Наши инородцы и иноверцы. СПб. 1907; КРИЧИНСКИЙ А.К. Очерки русской политики на окраинах. Баку. 1919; ЛЮСНЯ М. Как управляются народы. СПб. 1906.
6. ПОКРОВСКИЙ М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М. 1924.
7. Там же, с.179—229.
8. Там же, с. 207, 212.

9. КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Арабская рукопись воспоминания о Шамиле. — Записки института востоковедения АН СССР. Л. 1933, № 2, с. 9—20; ЕГО ЖЕ. Неизданные письма Шамиля. — Записки Института востоковедения АН СССР. Л. 1933, № 2, с. 1—7; ГЕНКО А.И. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля. — Там же, с. 21—36; ПОКРОВСКИЙ Н.И. Мюридизм у власти («теократическая держава Шамиля»). — Историк-марксист. 1934, № 2, с. 30—75; СКИТСКИЙ Б.В. Классовый характер мюридизма в пору имамата Шамиля. Владикавказ. 1930.
10. БУШУЕВ С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л. 1939; МАГОМЕДОВ Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала. 1939.
11. ЕГО ЖЕ. Государственная система имамата Шамиля. — Историк-марксист. 1937, № 5—6, с. 85.
12. ДЕГОЕВ В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М. 2001, с. 244.
13. Историческая наука в СССР. Дискуссия о движении Шамиля. — Вопросы истории. 1947, № 11, с. 134—140.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же, с. 139.
17. Большевик. 1950, № 13.
18. ГАДЖИЕВ В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1956, с. 8.
19. СМИРНОВ Н.А. К вопросу об изучении мюридизма как реакционного движения на Кавказе. — Вестник Московского университета. Вып. 3. 1961, № 7, с. 35—45; ЕГО ЖЕ. Реакционная сущность движения мюридизма и Шамиля на Кавказе. — Знание. 1952; ФАДЕЕВ А. В. Мюридизм как орудие агрессивной политики Турции и Англии на Северном Кавказе в XIX столетии. — Вопросы истории. 1952, № 9.
20. Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. — Сборник документальных материалов. Тбилиси. 1953.
21. БУШУЕВ С.К. Борьба горцев на независимость под руководством Шамиля.
22. ЕГО ЖЕ. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М. 1955.
23. ФАДЕЕВ А.В. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе. — Вопросы истории. 1955, № 6, с. 67.
24. Вопросы истории. 1956, № 2, с. 204.
25. ПИКМАН А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами. — Там же. 1956, № 3, с. 75—84.
26. БУШУЕВ С.К. О кавказском мюридизме. — Там же. 1956, № 12, с. 72—79; ДАНИЯЛОВ Г.Д. О движении горцев под руководством Шамиля. — Там же. 1956, № 7, с. 71—72; ПОКРОВСКИЙ М.В. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40—60-х годах XIX века. — Там же. 1957, № 2, с. 62—74.
27. Коммунист. 1957, № 4.
28. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля. Доклады и решения научной сессии Дагестанского филиала АН СССР в Махачкале, 4—7 октября 1956 г. Махачкала. 1956; О движении горцев под руководством Шамиля. Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР 4—7 октября 1956 г. Махачкала. 1957; ГАДЖИЕВ В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала. 1956; РАМАЗАНОВ Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала. 1956; Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала. 1957, с. 10—237.
29. ДЕГОЕВ В.В. Ук. соч., с. 251.
30. Обсуждение вопроса о характере движения горских народов Северного Кавказа в 20—25-х годах XIX века. — Вопросы истории. 1956, № 12, с. 188—198.
31. О движении горцев под руководством Шамиля. Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР 4—7 октября 1956 г., с. 248.
32. К дискуссии о характере движения горцев Дагестана под руководством Шамиля. — Вопросы истории. 1957, № 1.
33. СМИРНОВ Н.А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М. 1958; ЕГО ЖЕ. Мюридизм на Кавказе. М. 1963.
34. ФАДЕЕВ А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М. 1960.
35. ГАДЖИЕВ В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1966.

36. ХАШАЕВ Х.М. Общественный строй Дагестана XIX века. М. 1961.
37. МАГОМЕДОВ Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв. Махачкала. 1957.
38. ДАНИЯЛОВ А.Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. — Вопросы истории. 1966, № 10, с. 18—28.
39. БЛИЕВ М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность. — История СССР. 1983, № 2, с. 54.
40. Там же, с. 74—75.
41. Там же, с. 68.
42. ВИНОГРАДОВ В.Б., УМАРОВ С.Ц. Вместе к единой цели. Грозный. 1987, с. 9.
43. ВИНОГРАДОВ В.Б. Россия и Северный Кавказ. (Обзор литературы за 1976—1985 гг. Итоги и перспективы изучения). — История СССР. 1987, № 3.
44. ОРТАБАЕВ Б.Х., ТОТОВЕВ Ф.В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности. — Там же. 1998, № 4.
45. Там же, с. 81.
46. НЕВСКАЯ В.П. Проблемы сельской общины и горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении. — Известия СКНЦВШ. Общественные науки. 1985, № 1, с. 44.
47. АБДУЛЛАЕВ М.А. Отражение антифеодальной борьбы крестьянских масс Дагестана в общественно-политической мысли. Классовая борьба в Дагестане. Махачкала. 1984, с. 117—118; ХАЛИЛОВ А. Шамиль в истории и памяти народов. — Советский Дагестан. 1988, № 5, с. 31—37; ГАМЗАТОВ Г.Г. Перестройка и национальное сознание. Аспекты гуманитарные и исторические. — Советский Дагестан. 1988, № 6, с. 19—23; ИБРАГИМБЕЙЛИ Х.М. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля против царизма и местных феодалов. — Вопросы истории. 1990, № 6, с. 56.
48. Основные выводы и рекомендации Всесоюзной научной конференции. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в. Махачкала. 1994, с. 319—324.
49. Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции, г. Краснодар, 16—18 мая 1994 г. Краснодар. 1995.
50. ДЕГОВЕВ В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М. 2001, с. 271.

ЭНДРЮ СЛОИН. *Еврейская революция в Белоруссии: экономика, раса и большевистская власть.*
Издательство Индианского университета. 2017. 329 с.

ANDREW SLOIN. *The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power.*
Indiana University Press. 2017. 329 p.

Название книги может ввести читателя в заблуждение своим словосочетанием «еврейская революция». Однако сразу отметим, что книга Эндриу Слоина не о том, как революцию в Белоруссии совершили евреи, хотя эта тема, конечно, освещается. Исследование Слоина гораздо шире и многогранней по своей проблематике. Под еврейской революцией автор понимает не события 1917 г., а десятилетний исторический процесс интеграции еврейского общества в новые исторические реалии советской России и СССР вплоть до конца 1920-х годов.

При этом Слоин не причисляет себя к первооткрывателям темы «евреи и большевист-

ская революция». Он высоко оценивает работы предшественников, в первую очередь работу профессора Мичиганского университета Цви Гительмана «Еврейская национальность и советская политика: Еврейские секции в КПСС, 1917—1930 гг.»¹, вышедшую в США еще в 1972 г. и не потерявшую своего научно-го значения по сей день.

Слоин в полной мере разделяет тезис Гительмана о роли индустриализации в социальной интеграции советских евреев. Однако он обращает гораздо больше внимания на то, что большевистская революция «говорила языком интеграции и равенства между национальными группами», ставила перед собой задачу

преодоления «националистического варварства» через «демократическое развитие национальности» (с. 241). И именно в этом смысле, считает Слоин, Белоруссия стала идеальным государством для такого рода эксперимента (с. 241).

В данной рецензии книга будет представлена не по четырем ее разделам с предисловием и заключением, а по основным ключевым вопросам.

Первый: была ли большевистская революция в Белоруссии еврейской по своим движущим силам?

Опосредованный, не прямой ответ автора на этот вопрос заслуживает подробного комментария.

Накануне первой мировой войны численность еврейского населения всех пяти губерний Белоруссии (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской) составляла 984 тыс. чел. (13,2% всего населения Белоруссии). С течением времени эта цифра существенно сокращалась: до 11% в 1923 и 8,2% в 1926 году. Однако на любом историческом отрезке автор характеризует белорусские земли как одно из «наиболее толерантных мест проживания для евреев на пространстве бывшей Российской империи» (с. 3).

Индустриального пролетариата в Белоруссии не было. В июне 1917 г. 126 белорусских профсоюзов представляли интересы всего 35 тыс. рабочих (с. 23). Преобладающими из «промышленных» предприятий Белоруссии были мелкие мануфактуры и небольшие ремесленные мастерские (с. 23). Основной рабочей силой на них были евреи. Так, согласно переписи 1897 г., именно они составляли большинство ремесленников и мелких товаропроизводителей в дореволюционной Белоруссии. Ремесленники и кустари-евреи составляли 71% таких производителей в Витебской губернии, 75% в Минской и 80% в Могилевской. В самом же Минске ремесленников и кустарей было 42% всего еврейского населения. Евреи преобладали в мелких отраслях производства, таких как швейное, сапожное, кожевенное, табачное и ряде других. Поэтому, пишет автор, «революция рабочих» в Белоруссии будет в принципе осуществлена посредством ремесленников» (с. 23). Именно они, в оценке Слоина, и станут «важнейшими ба-

стионами политического радикализма вслед за революцией 1917 г.» (с. 24).

Карл Маркс предполагал, делает отсылку Слоин, что постреволюционный мир будет унаследован промышленным пролетариатом. А в Белоруссии же «постреволюционное наследие досталось сапожникам, дубильщикам кожи, мыловарщикам и портным» (с. 24). По сути это означало, что в Белоруссии «революционная мантия в основном досталась еврейскому рабочему классу» (с. 24).

Как шла Белоруссия к своей еврейской революции 1917 года? Уже к концу XIX в. там произошла значительная радикализация общества. Слоин дал этому следующее объяснение: быстрая индустриализация, разорительная дефляция (резкое падение цен на товары), стагнация в заработной плате в последние годы XIX в. не только привели к массовым протестам рабочих, но «превратили города Белоруссии в инкубаторы новых еврейских политических движений на основе сплава марксизма, анархизма и расплывчатого концепта социализма» (с. 28).

И опять, как видим, автор выводит на первое место евреев. Именно рабочие-евреи в период между 1894 и 1897 гг. только в Минске провели 54 стачки. Волнения охватили практически все еврейские отрасли производства в Белоруссии: «табачную, спичечную, швейную, кожевенную и обувную» (с. 28).

Но под влиянием каких политических сил происходили эти волнения? В первую очередь — бундовцев и сионистов. В 1897 г., вскоре после создания Бунда в Вильнюсе, еврейские рабочие и представители интеллектуальных слоев Белоруссии организовали в Минске свое (второе после Вильнюса) отделение партии. К началу XX в. Бунд заявлял уже о 30 тыс. членов партии, становясь в ряды самых многочисленных социалистических партий Российской империи (с. 9). В Белоруссии в июне 1917 г. местные организации Бунда имелись уже в 26 городах, насчитывая 7656 членов (с. 29).

Здесь же в Минске в конце 1890-х гг. получило развитие и движение партии Паолей Цион (Рабочие Сиона). В 1901 г. в городе состоялась конференция по объединению левых сионистских сил. Таким образом, заключает Слоин, Минск и другие белорусские города

«становились важными центрами общего сионистского движения» (с. 8).

В итоге автор приходит в такому заключению: «Интенсивное сосредоточение еврейской социалистической политической деятельности, наряду с тесным взаимодействием еврейских и всеобщих политических партий, превратили города Белоруссии в центры революционной деятельности в самом конце XIX столетия» (с. 8).

С точки зрения автора, сильным катализатором будущих революционных преобразований в Белоруссии (большим, чем в других местах империи) стала первая мировая война. Белоруссия оказалась на самой границе Восточного фронта и была наполнена войсками. К 1917 г. «армии в и вокруг Минска стали инкубаторами революционного фермента и, особенно, в части поддержки большевиков» (с. 10).

Слоин пишет, что накануне 1917 г. в Минске имелось «незначительное число большевиков любого сорта, евреев или каких-либо других» (с. 25). И приводит цифру: всего «от десяти до пятнадцати активных большевиков во всем городе» (с. 25). Поддержка большевиков населением Белоруссии «оставалась незначительной» вплоть до июля-августа 1917 г., когда провал корниловского мятежа «резко радикализировал политическую обстановку» (с. 25). А поддержка большевиков со стороны еврейской части общества «оставалась незначительной на протяжении всего 1917 г.» (с. 25).

В феврале-марте 1917 г. большая часть Белоруссии была оккупирована немецкими войсками. В такой ситуации какой-либо активности в деятельности политических партий не наблюдалось (за исключением правительства НРБ).

10 декабря 1918 г. Минский военный совет объявил об эвакуации немецких войск из Минска. Город занимала Красная армия. Таким образом, заключает автор: «Большевицкая революция пришла в Белоруссию на спинах лошадей и по железной дороге, укрепив власть штыками и пулеметами» (с. 21).

Однако уже весной 1919 г. началась новая оккупация — польская, которая принесла еврейские погромы, насилие, разорение еврейских предприятий. Особенно пострадали ев-

реи летом и осенью 1920 г. от армии Булак-Балаховича в Мозыре, Гомеле, Бобруйске. Автор перечисляет многие факты массовых убийств евреев (с. 33) и делает вывод, что польско-советская война также подтолкнула их к большому союзу с большевиками (с. 34). Евреи пошли в ряды Красной армии, а через армию открывался прямой путь в большевистскую партию и в ряды советской администрации (с. 36).

Заключения Слоина по первой главе книги звучат так: «Советская власть пришла в Белоруссию посредством действий Красной Армии и незначительных кадров большевиков в основном не евреев. Наиболее политизированная левая часть евреев вступила в революционный процесс через политические партии, напрямую оппозиционные большевикам... И когда революция дала начало процессу политической консолидации, у большевиков не было иного выбора как соуживаться со значительно преобладающим по численности еврейским рабочим классом и его политическими партиями» (с. 50). Поэтому, предлагает Слоин, правильным будет не антисемитский тезис о том, что это евреи «создали» большевизм и революцию, а, наоборот, что это «революция сделала евреев большевиками» (с. 50).

Второе: зачем евреям нужна была революция, а большевикам евреи? Ответ в книге таков: к этому вела объективная историческая необходимость интеграции белорусских евреев в новые социально-экономические реалии постреволюционной жизни.

«Захватив власть в октябре 1917 г., — пишет Слоин, — большевики отвергли систему еврейской эмансипации, дарованную Февральской революцией, которая покончила с легальной дискриминацией и открыла путь для полной еврейской интеграции в строящееся свободное общество» (с. 1). Это означало «вовлечение советских евреев в активную, позитивную программу полной экономической, социальной и культурной трансформации и интеграции в посткапиталистический строй, характеризующийся социальным и национальным равенством» (с. 1).

В большевистском понимании такого рода эмансипация означала принятие евреями нового значения труда — «полной пролетариза-

ции социальной жизни евреев» (с. 1—2). Тру- диться и быть частью рабочего класса ста- новилось «основным входным билетом в об- щество активных граждан государства ра- бочих» (с. 2). И нигде больше переплетение задач большевистской и еврейской револю- ции не проявилось так очевидно, как в Бе- лоруссии, заключает Слоин (с. 2).

Автор пишет, что большевистская рево- люция открыла беспрецедентные возможнос- ти для ранее маргинальных слоев еврейского общества — в первую очередь, рабочего класса и ремесленников — участвовать в политичес- кой, экономической, социальной и культурной перестройке еврейского общества (с. 5), по- зволила «реструктуризировать социальные отношения, превращая социальных и культур- ных “аутсайдеров” в инсайдеров» (с. 11).

Слоин считает, что именно евреи Белорус- сии стали наибольшими бенефициариями большевистской революции, поскольку рево- люция позволила им подняться во власть на такой уровень, который был невыносим для них в имперский период (с. 17).

Далее автор уточняет, что значительная часть еврейского населения Белоруссии стала активно втягиваться в революцию не в 1917 г., а уже по окончании гражданской войны. При- чем это не может относиться ко всем катего- риям еврейского населения Белоруссии. То были в значительной степени маргинальные слои самых краев «традиционного» еврейского общества (с. 119). Революция обещала выр- вать их из сферы раввинов и традиционного обскурантизма и ввести в «царство просвещен- ной свободы» (с. 119). Они рвались строить новую еврейскую культуру. Особенно это отно- силось к молодому поколению евреев, тем бо- лее из числа членов партии большевиков.

Примеры наиболее удачно продвигавших- ся по социально-политической лестнице ев- реев заражали многих. Слоин показывает это на примере Абрама Бейлина, прошедшего путь от подмастерья до руководителя Витебс- кой губернской ЧК, а затем работника ЦИК Белоруссии и руководителя Белорусской ев- секции по партийной линии. Такие беспреце- дентные возможности давала революция ев- реям Белоруссии (с. 138—139).

Но зачем большевикам нужны были ев- реи? Еврейский вопрос имел для партийного

руководства два аспекта, считает Слоин. Во- первых, именно поддержка со стороны евре- ев сделала возможным победу революции и установление советской власти в Белоруссии. А с другой, как раз эта поддержка ставила под сомнение легитимность самой больше- вистской революции, поскольку еврейское уча- стие в ней как бы подтверждало заговорщи- ческий еврейский характер захвата власти большевиками (с. 17).

Отсюда вытекают два пути решения так на- зываемого «еврейского вопроса» после рево- люции. Новое советское государство охотно предоставляло все гражданские права евре- ям-пролетариям и отказывало в этом буржу- азным элементам еврейского населения. Еврейский пролетариат подпадал под защиту государства, а евреев-капиталистов экспро- приировали. Но, что немаловажно, не как евре- ев, а как представителей буржуазного класса (с. 61). То есть, национальный фактор не под- ключался.

Третье: как развивались отношения боль- шевиков и евреев в 1920-е гг., и что из этого взаимодействия в итоге получилось?

Первым существенным фактором вклю- чения евреев в новые исторические реалии стала гражданская война. Она «открыла ши- рокую улицу для быстрой политической и со- циальной интеграции рабочих евреев в госу- дарственный и партийный аппарат», пишет Слоин (с. 95).

Но одновременно этот процесс значитель- но тормозила политика «военного коммуниз- ма». В ситуации глубочайшего экономического кризиса, гиперинфляции и полного коллапса платежной системы самой твердой валютой ста- новилось зерно. Отсутствие товаров неизбеж- но вело к спекуляции. Государство развернуло борьбу со спекулянтами, а значит (в том чис- ле) и с евреями. Так экономика, считает Слоин, «все больше становилась механизмом, кото- рый вел к обсуждению вопроса расы» (с. 82).

В теории, отмечает Слоин, вопрос интег- рации евреев «в активных граждан и участ- ников советского общества» (с. 84) требо- вал «пролетаризации» евреев, что означало их вовлечение в производство. Перед боль- шевиками стояла сложная задача — как «ре- формировать и преобразовать еврейскую эко- номическую деятельность» с тем, чтобы она

вписалась в социалистическое общество (с. 85). И потому такие преобразования означали гораздо большее, нежели просто сделать еврея рабочим по найму на промышленном предприятии.

При этом, как уже отмечалось, Белоруссия не имела крупной промышленности, а являлась «территорией кустарей». А 90% кустарей — это евреи. Такую ситуацию, когда евреи преобладали не в аграрном, а в городском производстве, автор характеризует как «пост-революционный феномен Белой Руси» (с. 87).

В годы нэпа численность кустарей и кустарных предприятий в Белоруссии «росла как грибы после дождя» (с. 100). И их уже нельзя было игнорировать. Кустари создавали свои общества, кредитные союзы. Государство их поддерживало, видя в них механизм смычки города и деревни, путь снижения безработицы (с. 102—103).

Но постоянные противоречия и кризисы нэповской экономики «толкали значительную часть еврейского трудящегося населения назад в ряды кустарничества» (с. 113). То есть проблемы нэпа не позволили белорусским евреям интегрироваться в советскую экономику трудящихся, и они опять стали восприниматься как этнические евреи (с. 113).

Не помогала в этом отношении и значительная коммунистическая прослойка в среде еврейского пролетариата. В 1921 г. в Минске расклад политических сил был следующим. На 26 основных предприятиях Минска насчитывалось 2630 рабочих. Из них 1692 чел., то есть 74%, — евреи. На всех этих предприятиях было 155 коммунистов, из которых 93 чел. (60%) являлись евреями. Схожая картина была и среди служащих Минска. В восьми главных советских административных органах власти числилось 1390 госслужащих. Из них 1035 (75%) были евреями. Коммунистов среди служащих было 105 чел., 89 из которых, то есть 84%, — евреи (с. 26—27).

Царское правительство причисляло евреев к «инородцам», то есть рассматривало их как иностранцев (с. 151). При большевиках евреи оставались «особой национальностью» (с. 153). При этом слово «еврей» означало в годы нэпа не религиозную, а национальную принадлежность (с. 153). Однако, когда речь заходила о борьбе с сионизмом и бундовца-

ми, то есть борьбе идеологически-религиозной, то в этом случае она автоматически означала и выступление против евреев как национальности. Потому начавшаяся в середине 1920-х гг. борьба с Бундом, означала одновременно и борьбу с «еврейскими» трудящимися и с еврейской культурой (с. 165).

Национальный еврейский аспект особенно сильно проявился в ходе внутривнутрипартийной борьбы с правым уклоном и троцкистской оппозицией. Белорусские коммунисты-евреи активно выступили против решений XV съезда ВКП(б) 1927 г. об исключении из партии Троцкого, Зиновьева и Каменева. Так в Минске из 144 членов партии, проголосовавших против исключения Троцкого и Зиновьева, 116 были евреями. В Витебске сторонниками оппозиции стали 72 коммуниста, из них евреев 55. В Бобруйске 46 из 49 выступивших против были евреями (с. 181).

Оппозиционеры причислялись к бывшим бундовцам, а, следовательно, к евреям (с. 206). В такой обстановке, пишет Слоин, борьба с оппозицией переходила в плоскость антисемитизма и становилась борьбой против отдельной национальности — евреев (с. 182).

Одновременно это завязывалось и на экономику. Третий кризис нэпа, 1927—1928 г., привел к борьбе государства со спекулянтами, которые в значительной степени ассоциировались с евреями. Антисемитизм возрастал. И больше всего он проявлялся в еврейских местечках. Так именно в «еврейском» Бобруйске начались незначительные еврейские погромы и прозвучал известный призыв «Бей жидов, спасай Россию» (с. 227).

В такой ситуации, заключает Слоин, «судьба еврейской революции зависела от судьбы нэпа... Они взорвались одновременно» (с. 245).

Однако было бы ошибкой считать, что революция ничего не дала евреям Белоруссии. Большевицкая власть, перечисляет Слоин, открыла беспрецедентное количество школ для еврейских детей, сняла все препятствия для их поступления в вузы, создала школы и программы для еврейских рабочих, организовала и поддерживала на государственном уровне центры по ликвидации неграмотности, библиотеки, театры, рабочие клубы, издавала на иврите различную литературу... (с. 245). И многое другое.

Но в конце 1920-х гг. «еврейская революция потеряла свою основу, поскольку та первоначальная социальная революция, которая сделала ее возможной, была радикально пересмотрена» (с. 247). Другими словами, еврейская революция прекратилась с началом сталинской революции.

Антисемитизм поставил евреев перед выбором: бороться или пойти на примирение. Евреи выбрали второе. В итоге, заключает Эндрю Слоин, «евреи пошли на безоговорочную фаустовскую сделку со сталинской революцией, обменяв “власть” на безопасность и под-

держку» (с. 236). И в этом смысле сталинская революция, при всех ее минусах, отвергла тот антисемитизм, который получит свое развитие в Европе (с. 237). Речь идет о будущем европейском Холокосте.

Е.В. КОДИН

Примечания

1. GITELMAN Z. Jewish Nationality and Soviet Politics: The Jewish Sections of the CPSU, 1917—1930. Princeton University Press. 1972.

М.Ц. АРЗАКАНЯН. *Де Голль*. Издание второе, исправленное и дополненное. М. Молодая гвардия. 2017. 301 с.

Личность генерала де Голля, самого выдающегося французского деятеля XX в., неизменно привлекает внимание политиков и ученых. Историография трудов о нем во Франции и других странах Запада насчитывает сотни статей и монографий. В нашей стране количество таких работ неизмеримо скромнее.

Рецензируемая монография М.Ц. Арзаканян является расширенным и дополненным изданием появившейся в 2007 г. биографии де Голля этого автора, которая вышла в формате «Жизнь замечательных людей», что предполагает научно-популярную форму изложения материала. Книга написана прекрасным языком, приближающим ее к настоящей художественной прозе. Особенно это касается страниц, посвященных личности де Голля, его воспитанию, семье, его вкусам и предпочтениям. Наряду с этим, все что касается военной карьеры и политической деятельности генерала, отмечено высоким уровнем научного анализа. Книга наполнена малоизвестными фактами жизни де Голля и содержит объективную оценку его деятельности в отличие от ряда работ на эту тему других отечественных исследователей. Более того, книга снабжена полным научным аппаратом: перечнем использованной литературы, примечаниями, списком сокращений и указателем имен, что делает ее еще более ценной с научной точки зрения. Кроме того в рецензируемом издании следует

отметить наличие большого количества фотографий и нового материала.

В предисловии Арзаканян совершенно справедливо пишет, что с именем генерала де Голля неразрывно связана история современной Франции: «Его влияние на ход общественно-политического развития не только Франции, но и всего Европейского континента настолько велико, что не поддается сравнению. По известности и популярности среди соотечественников с ним может соперничать лишь Наполеон» (с. 5). Об этом может свидетельствовать и тот факт, что в Елисейском дворце на рабочем столе нынешнего французского президента Эммануэля Макрона стоит фотография генерала де Голля.

На протяжении всего повествования автор шаг за шагом прослеживает жизнь и деятельность великого француза: его происхождение, обучение в лицее, затем в Сен-Сире и военную службу, героические усилия по возрождению Франции в годы второй мировой войны, период ухода от политической деятельности, последний, триумфальный, период возрождения авторитета Франции на международной арене и, наконец, трагический и, во многом, не совсем логичный добровольный уход де Голля от власти. Мгновенная смерть в любимом маленьком поместье Буассери в деревушке Коломбэ-ле-Дёз-Эглиз заверши-

ла жизненный путь этого необыкновенного человека.

Де Голль принадлежал к семейству, корни которого уходили вглубь веков. Его фамилия упоминается еще в летописи XIII века. В период Столетней войны Ж. де Голль был правителем Орлеана и участвовал в сражениях против англичан (с. 8). Существует даже семейная легенда о том, что рыцарь де Голль был одним из шести персон, сопровождавших Жанну д'Арк в феврале 1429 г. в ее поездке на встречу с дофином — будущим французским королем Карлом VII. Воспитанием и образованием Шарля и его четверых братьев занимался его отец Анри де Голль, человек широко образованный, обладавший прекрасной памятью и знавший многие иностранные языки. В семье де Голля царил дух католицизма и патриотизма. Родители сделали очень много, чтобы привить сыновьям любовь к родной стране и гордость за ее историю. Шарль получил прекрасное образование: он читал в подлинниках Гомера, Эсхила, Софокла, был знаком с трудами историков Геродота, Фукидида, Плутарха, философов Сократа, Платона и Аристотеля, отлично знал французскую литературу и историю, а также математику, свободно владел немецким языком.

Патриотическое воспитание, полученное в семье, сыграло свою роль в его дальнейшей судьбе. После окончания колледжа он поступил в элитное военное училище Сен-Сир. Духовный мир молодого военного сформировался под влиянием таких националистически настроенных представителей французской литературы как Баррес и Пеги, философов Бутру и Бергсона. Он изучал в подлинниках Канта, Гегеля, Фихте, Гёте, стараясь понять дух нации, с которой, по его мнению, новая война была неизбежна. В 1912 г. де Голль закончил учебу, получив чин лейтенанта и блестящую характеристику: «Настоящий военный. Очень добросовестный и преданный своему делу. Командует спокойно и энергично. Будет великолепным офицером» (с. 20). Осенью 1912 г. Шарль де Голль был направлен в находившийся в Аррасе 33-й пехотный полк, которым командовал полковник Филипп Петен, будущий маршал и могильщик Франции, с которым у его подчиненного были в дальнейшем сложные и даже драматические отношения.

В годы первой мировой войны де Голлю пришлось пройти суровые испытания. Уже в первые месяцы он был дважды ранен, но вернулся в строй, участвовал уже в чине капитана в знаменитом сражении под Верденом, где его батальон был почти полностью уничтожен. Сам он снова был ранен и попал в плен. Три года, проведенные в немецких тюрьмах и лагерях для военнопленных, откуда он несколько раз безуспешно пытался бежать, де Голль считал самыми черными в своей жизни. Окончание войны принесло ему свободу, и он продолжил военную карьеру. В 1919 г. вместе с другими французскими офицерами он уехал в Польшу, где передавал свой опыт польским военным и участвовал в Советско-польской войне, сражаясь на стороне поляков. Дальнейшая военная карьера де Голля складывалась более или менее удачно. Однако она не была блестящей, как можно было предположить, исходя из его способностей и достоинств.

В 1924 г. де Голль опубликовал свою первую книгу «Раздор в стане врага», где высказался в пользу безусловного подчинения армии гражданской власти. Вторая книга де Голля — «На острие шпаги» — представляет собой изложение его взглядов на роль личности в истории. Он считал, что человек проявляет себя, когда «события приобретают грозный оборот, приближается опасность и дело общего спасения требует немедленной инициативы, готовности к риску, решительности» (с. 39). Нет сомнений, что де Голль примерял такую роль на себя. В 1934 г. вышел его главный труд — «За профессиональную армию». В нем автор первым во Франции заговорил о решающей роли танков в будущей войне. Арзаканя пишет: «В четкой и лаконичной форме он излагает проект предлагаемой им реформы и указывает, что Франции необходимо создать по крайней мере шесть линейных дивизий и одну легкую, полностью моторизованную дивизию, что будет означать серьезную подготовку к возможной войне» (с. 43). Однако никто из французских политиков и военных не услышал предостережений де Голля. Французская военная доктрина базировалась на устаревших взглядах, предусматривавших оборонительный характер будущих военных действий, основой которых была так называемая

«линия Мажино». В ходе второй мировой войны немецкие войска с легкостью обошли с флангов французскую линию укреплений, а сохранившиеся до сих пор ее остатки стали памятником бездарности французского генералитета.

Когда началась вторая мировая война, де Голль уже командовал бронетанковой дивизией. В отличие от других французских частей его дивизия успешно противостояла наступлению немцев под Абвилем. Но это был лишь отдельный эпизод на фоне полного поражения французской армии. Ее разгром стремительно приближался. В последнем правительстве страны Шарль де Голль получил пост заместителя военного министра. Ему было присвоено звание бригадного генерала. К этому времени де Голлю было почти 50 лет. В этом возрасте Наполеон одержал уже все свои победы, потерпел все поражения и доживал последние два года на острове Святой Елены. Но для де Голля все только начиналось...

Вторая мировая война стала временем, когда генерал смог проявить свои лучшие качества. После подписания Францией акта капитуляции он был единственным более или менее известным французским политиком, который решил продолжать борьбу с фашизмом. «Во всяком случае, — пишет Арзаканян, — для себя генерал принял решение, что будет действовать только согласно своим убеждениям, даже если их в данный момент никто не разделяет. Он будет продолжать борьбу» (с. 62). Генерал улетел в Лондон в сопровождении одного адъютанта и имея при себе 100 тыс. франков, которые последний премьер-министр Поль Рейно выдал ему из секретных фондов. Многие яркие страницы биографии де Голля посвящены его борьбе за возрождение Франции, начиная от Лондонского призыва 18 июня 1940 г. до участия французского представителя в подписании капитуляции Германии 8 мая 1945 года.

Для де Голля вторая мировая война была временем великих унижений и великих побед. Автор красочно описывает, как англо-американские союзники, проводя военные операции на территории французских колоний, например, на острове Мадагаскар или в Северной Африке, даже не уведомляли об этом главу «Сражающейся Франции» (одно из названий руко-

водимого де Голлем движения). Постоянные стычки с Черчиллем, который неоднократно заявлял, что не признает генерала представителем Франции, и попытки англичан и американцев заменить его на более послушную фигуру, создавали для генерала невыносимо унижительную ситуацию. Однако он с упорством продолжал бороться за честь и достоинство своей страны, стремясь внести вклад в борьбу союзников с нацизмом.

Особые, непростые отношения складывались у де Голля и с Советским Союзом. В отличие от других отечественных биографов генерала, Арзаканян, используя новые архивные источники, представляет более объективную картину. Советское руководство неоднократно высказывалось в поддержку генерала де Голля, но в его отношении с англичанами (которые финансировали организацию «Свободных француз») и американцами предпочитало не вмешиваться. Ряд советских дипломатов, в частности, посол СССР при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомолов, неоднократно в своих донесениях указывал на «диктаторские замашки» генерала. Правда, в частных беседах он отдавал должное де Голлю и говорил, что «генерал ехал в английской телеге, но упрямо орал французские песни». Неоднозначным было отношение к де Голлю и французских коммунистов, руководство которых находилось тогда в Советском Союзе. Но, в конце концов, де Голлю удалось добиться признания и поддержки со стороны внутреннего Сопrotивления, развернувшего борьбу против фашизма на территории Франции, где основной силой были именно коммунисты, что значительно укрепило позиции генерала. Неким «раздражающим моментом» в отношениях де Голля и СССР был и так называемый «польский вопрос». Генерал очень сочувственно относился к находившемуся в Лондоне польскому эмигрантскому правительству. Как известно, в марте 1944 г. возглавляемый им Французский комитет национального освобождения вопреки протестам советского правительства возвратил правительству Миколойчика золотой запас Государственного банка Польши, который был доверен Французскому банку, а тот в июне 1940 г. переправил его в Бамако¹. В своих «Военных мемуарах» де Голль откровенно пи-

сал: «... я считал необходимым воспрепятствовать намерению Сталина установить в Варшаве диктатуру его почитателей»².

«Польский вопрос» едва не сорвал и подписание Советско-французского договора в декабре 1944 года. И.В. Сталин не поддержал идею де Голля о передаче Франции территории левого берега Рейна и Рура и согласился с предложением Черчилля и Рузвельта не приглашать генерала на межсоюзнические конференции в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Как пишет Арзаканян, на предварительном заседании в Воронцовском дворце в Алушке Сталин заявил: «Де Голль не совсем понимает положение Франции. Американцы, англичане и русские проливали кровь ради освобождения Франции. Французы же потерпели поражение и сейчас имеют лишь восемь дивизий. Тем не менее, де Голль хочет, чтобы у Франции были те же самые права, как у США, Англии и России» (с. 121). Несмотря на это, в результате огромных усилий со стороны генерала де Голля, Франция вышла из второй мировой войны в числе победителей, возвратив себе титул великой державы.

Как известно, дальнейшее развитие событий во Франции, приведшее к принятию новой Конституции, которая учредила IV Республику, фактически возродили старую многопартийную систему. Де Голь понимал, что в условиях парламентской республики управлять страной в соответствии со своими принципами он не сможет, и поэтому объявил об отставке. В эти трудные для себя годы он, тем не менее, не оставался в стороне от событий. Он задумал и осуществил издание своих «Мемуаров». Кроме того, как пишет Арзаканян, «бывший глава Временного правительства решил создать не политическую партию, а именно объединение, имеющее как бы надклассовый характер и включающее в себя все компоненты французской нации», — Объединение французского народа (РПФ) (с. 136). Генерал, несомненно, рассчитывал вскоре возвратиться к власти. Однако этого момента пришлось ждать долгие 13 лет. За это время РПФ было им распущено (впоследствии голлистская партия была создана сторонниками генерала под названием Союз за новую республику (ЮНР) и, сменив несколько названий, существует до сих пор на французском внутриполитическом поле),

а сам он все более отходил от политической деятельности.

Однако в конце 1950-х гг. в результате войны в Алжире и драматического раскола французского общества Франция оказалась перед лицом военного мятежа, который из Алжира грозил перекинуться на метрополию. «Все свершилось в мае 1958 года, — пишет автор исследования — Сам ход событий вовлек генерала и его сторонников в решающую схватку за власть. Сначала голлисты, а вслед за ними и де Голль сумели так искусно провести игру против Четвертой республики, что менее, чем за месяц, она, следуя французской поговорке “Сегодня жив, а завтра жил”, переместилась в историю» (с. 165).

После нового прихода к власти основной своей задачей де Голль считал возвращение Франции престижа «великой державы». И первым шагом на этом пути для генерала стало принятие новой Конституции, которая давала бы ему возможность беспрепятственно проводить свои идеи в жизнь. Конституция, провозгласившая создание V Республики, предоставила президенту практически неограниченные полномочия. Автор подробнейшим образом описывает дальнейшие шаги де Голля в области внешней и внутренней политики. Генералу удалось, хотя и не без серьезных трудностей, решить «алжирскую проблему». При нем Франция стала ядерной державой. Была предоставлена независимость целому ряду французских колоний. Большое значение де Голль придавал социальной политике. Понимая несовершенство современной экономической системы в распределении национального богатства, он пытался, хотя и безуспешно, реализовать идею «ассоциации труда и капитала», которую высказывал еще в годы второй мировой войны. Как пишет Арзаканян, в ней он видел «третий путь между капитализмом и социализмом» (с. 188). При де Голле был введен новый «тяжелый» франк, значительно увеличен золотой запас страны и даже рассматривалась идея возвращения французской валюты к золотому стандарту. Но наиболее впечатляющих успехов президент де Голль достиг в области внешней политики. При нем Франция безоговорочно вошла в число самых авторитетных стран в мире. Де Голль положил конец вековой вражде Франции и

Германии, подписав в 1963 г. Елисейский договор. В 1964 г. Франция признала Китайскую Народную Республику, которую он считал страной, имеющей грандиозные перспективы. Однако с ближайшими союзниками у де Голля отношения складывались достаточно сложно. Он не забыл, каким унижениям с их стороны он и его движение подвергались в годы второй мировой войны. Генерал долгое время препятствовал присоединению Великобритании к «Общему рынку», считая ее американским «троянским конем». Возмущенный засилем американцев в НАТО, де Голль вывел в 1966 г. страну из военных структур альянса, убрав с территории Франции все его организации и военные части. И, наконец, де Голль решительно высказался за разрядку международной напряженности, сближение с Советским Союзом и включение его в единый европейский дом, выдвинув формулу «Европа от Атлантики до Урала». Автор исследования приводит слова генерала, сказанные им в ходе визита в СССР летом 1966 г.: «Россия во всех отношениях самая мощная держава региона, в котором расположена. Для Франции она является собеседником, взаимопонимание и сотрудничество с которым всегда было совершенно естественным. Это политическая и человеческая реальности» (с. 227).

Автор завершает биографию де Голля описанием событий, которые до сих пор вызывают недоумение у многих исследователей. Речь идет о потрясениях мая 1968 г., которые генерал не смог предвидеть и которым не сумел противостоять. Начавшиеся с выступлений студентов в Париже, они переросли в грандиозную всеобщую забастовку, главной таранной силой которой были коммунисты и социалисты. Основные требования заключались в улучшении положения трудящихся и уходе президента в отставку. Властям удалось, в конце концов, справиться с забастовочной

волной, но сам де Голль был потрясен и сломлен. Как пишет автор, «близким де Голлю людям тяжело было смотреть на него в последние дни мая» (с. 239). Через год, 28 апреля 1969 г., связав свое дальнейшее пребывание у власти с осуществлением административных реформ, которые не были одобрены французами, президент Франции объявил о своей добровольной отставке. «Так неожиданно и несколько нелепо, — пишет Арзаканян, — завершилась политическая и государственная карьера “самого знаменитого из французов”» (с. 243).

Жизненный путь де Голля окончился 9 ноября 1970 года. Он совсем немного не дожил до восьмидесяти лет. Автор заканчивает свой труд словами Ричарда Никсона: «Де Голль не нуждается в памятнике, потому что он сам — монумент. А творение его рук — Франция» (с. 250). Однако на страницах биографии «великий француз» предстает не монументом, а великой личностью, человеком, обладавшим не только выдающимися качествами аналитика, стратегическим мышлением и незаурядными организаторскими способностями, но и преданным идеи величия своей страны. Мы открываем в нем человека с большой буквы, благородного и доброжелательного, честного и преданного своим близким и друзьям. Обо всем этом с глубоким уважением и симпатией рассказано в книге Арзаканян, которая читается как увлекательный исторический роман.

К.П. ЗУЕВА

Примечания

1. ГОЛЛЬ Ш. де. Военные мемуары. Единство. 1942—1944 годы. М. 1960, с. 244.
2. Там же, с. 243.

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **A.Yu. Petrov**. Vitus Bering: on the sources of the cultural-historical heritage of Russian America. Historical profiles: **A.N. Nesterenko**. Prince Vyachko. Contributions: **D.V. Kovalev**. Legal trade-offs in the land policy of P.A. Stolypin; **A.Ya. Kodintsev**. Tobolsk notaries in the late XIX — early XX century; **N.V. Maltseva**, **A.A. Chernyshev**. Formation of the russian encyclopedistika in XVIII — early XIX century. History and fates: **L.V. Isakova**. Johann Philipp Gustav Ewers. For teacher of history: **P.A. Iskenderov**. The Balkan roots of the World War I: truth and fiction. People. Events. Facts: **S.G. Egorov**. The campaign against the violation of labor laws in the Kirov region in 1946—1953; **V.D. Kamynin**, **A.B. Khramtsov**. Reports of city administrations as a source of information on the state of the local economy; **A.A. Gorelov**, **V.A. Nemtinov**. Creating a historical portrait of the city using information technology; **A.M. Subbotina**. The fight against drunkenness in the rural elections in Russia in the 1890s; **M.B. Shaveleva**. The work of Arzamas medical charity institutions in the last quarter of the XVIII — the first half of the XIX century; **Z.A. Khalaev**. Political events of the XVI century in the Alazani Valley in the studies of the Turkish author F. Kirzioglu; **M.A. Gizbulaev**. Arabic sources for Dagestan medieval history. From history of religions: **A.G. Melnik**. The religious influence of the Solovetsky Monastery in Russia in the second half of the XV — XVI century; **D.M. Malamagomedov**. Confessional schools of the late XIX — early XX century cities of Dagestan region. Historiography. **Songvung Kvak**, **Sejin Jung**. Historiography of the Caucasian war from pre-revolutionary times to the 1990s. *Reviews on books*: **A. Sloin**. The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power (by E.V. Kodin); **M.Ts. Arzakanyan**. De Gaulle. The second edition, corrected and amended (by K.P. Zueva).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе,
М.А. Лагода, Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Присланные материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 7, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции. Компьютерное сопровождение: С.А. Терентьев

Подписано в печать 25.06.2018. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 870. Заказ 2462-2018. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2018 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**